

Артур Конан Дойл Его прощальный поклон

Аннотация

- *В Сиреновой сторожке*
- *Картонная коробка*
- *Алое кольцо*
- *Чертежи Брюса-Партиingtonа*
- *Шерлок Холмс при смерти*
- *Исчезновение леди Френсис Карфэкс*
- *Дьяволова нога*
- *Его прощальный поклон*

Предисловие



Друзья Шерлока Холмса надеюсь будут рады услышать, что он жив и здоров, если не учитывать несколько приступов ревматизма. Он несколько лет прожил на маленькой ферме в пяти милях от Истборна, где делил время между философией и сельским хозяйством. Во время этого отдыха он отказался от поистине королевских предложений, полагая, что ушел в отставку навсегда. Однако, начало войны с Германией заставило его проявить замечательную комбинацию интеллектуальной и практической активности по освобождению правительства, исторические результаты которого перечислены в главе «Его последний поклон». Несколько предыдущих литературных опытов, долго хранившихся в моем портфолио, добавлены для завершения тома.

JOHN H. WATSON, M.D.

❧

В Сиреновой сторожке

1. Необыкновенное приключение с мистером Джоном Скотт-Эклсом

Я читаю в своих записях, что было это в пасмурный и ветреный день в конце марта тысяча восемьсот девяносто второго года. Холмс, когда мы с ним завтракали, получил телеграмму и тут же за столом написал ответ. Он ничего не сказал, но дело, видно, не выходило у него из головы, потому что потом он стоял с задумчивым лицом у огня, куря трубку, и все поглядывал на телеграмму. Вдруг он повернулся ко мне с лукавой искрой в глазах.

— Полагаю, Уотсон, мы вправе смотреть на вас как на литератора, — сказал он. — Как бы вы определили слово «дикий»?

— Первобытный, неприрученный, затем — странный, причудливый, — предложил я. Он покачал головой.

— Оно включает в себе кое-что еще, — сказал он: — Скрытый намек на нечто страшное, даже трагическое. Припомните иные из тех рассказов, посредством которых вы испытываете течение публики, — и вы сами увидите, как часто под диким крылось преступное. Поразмыслите над этим «делом рыжих». Поначалу оно рисовалось просто какой-то дичью, а ведь разрешилось попыткой самого дерзкого ограбления. Или эта дикая история с пятью апельсиновыми зернышками, которая раскрылась как заговор убийц. Это слово заставляет меня насторожиться.

— А оно есть в телеграмме?

Он прочитал вслух:

«Только что со мной произошла совершенно дикая, невообразимая история. Не разрешите ли с вами посоветоваться?

Скотт-Эклс. Чаринг-Кросс, почтамт».

— Мужчина или женщина? — спросил я.

— Мужчина, конечно. Женщина никогда бы не послала телеграммы с оплаченным ответом. Просто приехала бы.

— Вы его примете?

— Дорогой мой Уотсон, вы же знаете, как я скучаю с тех пор, как мы посадили за решетку полковника Карузерса. Мой мозг, подобно перегретому мотору, разлетается на куски, когда не подключен к работе, для которой создан. Жизнь — сплошная пошлость, газеты выхолощены, отвага и романтика как будто навсегда ушли из преступного мира. И вы еще спрашиваете, согласен ли я ознакомиться с новой задачей, хотя бы она оказалась потом самой заурядной! Но если я не ошибаюсь, наш клиент уже здесь.

На лестнице послышались размеренные шаги, и минутой позже в комнату вошел высокий, полный, седоусый и торжественно благопристойный Господин. Тяжелые черты его лица и важная осанка без слов рассказывали его биографию. Все — от гетр до золотых его очков — провозглашало, что перед вами консерватор, верный сын церкви, честный гражданин, здравомыслящий и в высшей степени приличный. Но необыденное происшествие, как видно, возмутило его природное спокойствие и напоминало о себе взъерошенной прической, горящими сердитыми щеками и всей его беспокойной, возбужденной манерой. Он немедленно приступил к делу.

— Со мной произошел очень странный и неприятный случай, мистер Холмс, — сказал он. — Никогда за всю свою жизнь я не попадал в такое положение. Такое... непристойное, оскорбительное. Я вынужден настаивать на каком-то разъяснении. — Он сердито отдувался и пыхтел.

— Садитесь, мистер Скотт-Эклс, прошу, — сказал успокоительно Холмс. — Прежде всего позвольте спросить, почему вообще вы обратились ко мне?

— Понимаете, сэр, дело тут явно такое, что полиции оно не касается; и все же, когда вы узнаете все факты, вы, конечно, согласитесь, что я не мог оставить это так, как есть. На частных сыщиков, как на известную категорию, я смотрю неодобрительно, но тем не менее все, что я слышал о вас...

— Ясно. А во-вторых, почему вы не пришли ко мне сразу же?

— Позвольте, как вас понять?

Холмс поглядел на часы.

— Сейчас четверть третьего, — сказал он. — Ваша телеграмма была отправлена в час дня. Между тем, посмотрев на вашу одежду и на весь ваш туалет, каждый скажет, что нелады у вас начались с первой же минуты пробуждения.



Наш клиент провел рукой по своим нечесанным волосам, по небритому подбородку.

— Вы правы, мистер Холмс. Я и не подумал о своем туалете. Я рад был уже и тому, что выбрался из такого дома. А потом я бегал наводить справки и уж только после этого поехал к вам. Я обратился, знаете, в земельное агентство, и там мне сказали, что мистер Гарсия платит аккуратно и что с Сиреновой сторожкой все в порядке.

— Позвольте, сэр! — рассмеялся Холмс. — Вы совсем как мой друг, доктор Уотсон, который усвоил себе скверную привычку вести свои рассказы не с того конца. Пожалуйста, соберитесь с мыслями и изложите мне в должной последовательности самое существо тех событий, которые погнали вас, нечесаного, в непочищенном платье, в застегнутых наискось гетрах и жилете, искать совета и помощи.

Наш клиент сокрушенно оглядел свой не совсем благопристойный туалет.

— Что и говорить, мистер Холмс, это должно производить неприятное впечатление, и я не припомню, чтобы когда-нибудь за всю мою жизнь мне случилось показываться на людях в таком виде; но я расскажу вам по порядку всю эту нелепую историю, и, прослушав меня, вы, я уверен, согласитесь, что у меня есть достаточное оправдание.

Но его прервали, не дав даже начать рассказ. В коридоре послышался шум, и миссис Хадсон, отворив дверь, впустила к нам двух крепких, военной осанки, мужчин, одним из которых оказался наш старый знакомец инспектор Грегсон из Скотленд-Ярда, энергичный, храбрый и при некоторой ограниченности все же способный работник сыска. Он поздоровался с Холмсом за руку и представил ему своего спутника — полицейского инспектора Бэйнса из графства Суррей.

— Мы вместе идем по одному следу, мистер Холмс, и он привел нас сюда. — Он навел свой бульдожий взгляд на нашего посетителя. — Вы мистер Джон Скотт-Эклс из Попем-хауса в Ли?

— Он самый.

— Мы вас разыскиваем с раннего утра.

— И нашли вы его, конечно, по телеграмме, — сказал Холмс.

— Точно, мистер Холмс. Мы напали на след в Чаринг-Кроссе, на почтамте, и вот явились сюда.

— Но зачем вы меня разыскиваете? Что вам от меня нужно?

— Нам, мистер Скотт-Эклс, нужно получить от вас показания о событиях, которые привели

этой ночью к смерти Господина Алоисио Гарсии, проживавшего в Сиреновой сторожке под Эшером.

Наш клиент с застывшим взглядом выпрямился в кресле, и вся краска сбежала с его изумленного лица.

— Умер? Он, вы говорите, умер?

— Да, сэр, он умер.

— Но отчего? Несчастный случай?

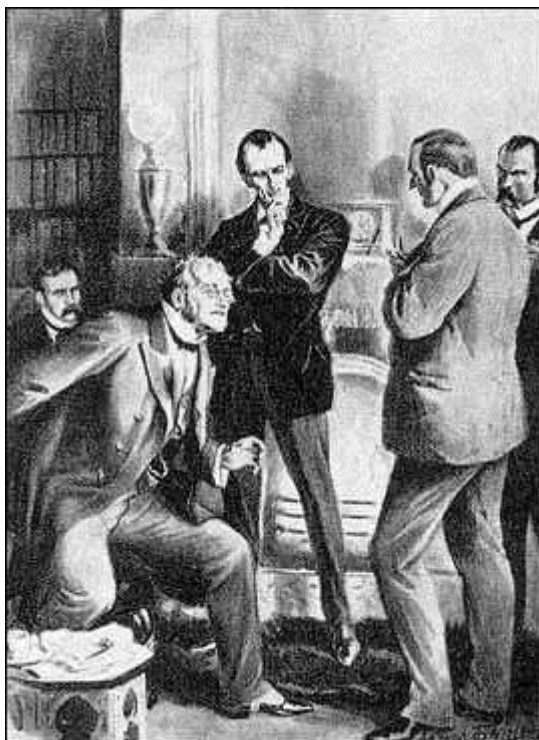
— Убийство, самое несомненное убийство.

— Боже правый! Это ужасно! Вы не хотите сказать... не хотите сказать, что подозрение падает на меня?

— В кармане убитого найдено ваше письмо, и мы таким образом узнали, что вчера вы собирались приехать к нему в гости и у него заночевать.

— Я так и сделал.

— Ага! Вы так и сделали?



Инспектор Достал свой блокнот.

— Минуту, Грегсон, — вмешался Холмс. — Все, что вам нужно, — это просто снять показания, не так ли?

— И я обязан предупредить мистера Скотт-Эклса, что они могут послужить свидетельством против него же.

— Когда вы вошли сюда, мистер Эклс как раз и собирался рассказать нам об этом. Думаю, Уотсон, коньяк с содовой ему не повредит. Я предложил бы вам, сэр, не смущаться тем, что слушателей стало больше, и вести свой рассказ в точности так, как вы его вели бы, если бы вас не прервали.

Наш посетитель залпом выпил свой коньяк, и краска снова проступила на его лице. С сомнением покосившись на инспекторский блокнот, он сразу приступил к своим необычным показаниям.

— Я холост, — объявил он, — и так как человек я по натуре общительный, у меня широкий круг друзей. В числе моих друзей я могу назвать и семью одного отошедшего от дел пивовара, мистера Мелвила, проживающего в Кенсингтоне, в собственном доме. За их столом я и познакомился недели три тому назад с молодым человеком по фамилии Гарсия. Родом он был, как я понимаю, испанец и был как-то связан с посольством. Он в совершенстве владел английским языком, обладал приятными манерами и был очень хорош собой — я в жизни своей не видел более красивого муж-

чины.

Мы как-то сразу подружились, этот молодой человек и я. Он как будто с самого начала проникся ко мне симпатией и на второй же день после того, как мы с ним познакомились, он навестил меня в Ли. Раз навестил, другой, потом, как водится, и сам пригласил меня к себе погостить у него в Сиреновой сторожке, что между Эшером и Оксшоттом. Вчера вечером я и отправился, следуя этому приглашению, в Эшер.

Приглашая, он расписывал мне, как у него поставлен дом. По его словам, он жил с преданным слугой, своим соотечественником, который его избавил от всех домашних забот. Этот слуга говорит по-английски и сам ведет все хозяйство. И есть у него, сказал он, удивительный повар-мулат, которого он выискал где-то в своих путешествиях и который умеет подать гостям превосходный обед. Помню, он еще заметил, что и дом его и этот штат прислуги покажутся мне необычными — не каждый день встретишь подобное в английском захолустье, и я с ним согласился, но все же они оказались куда более необычными, нежели я ожидал.

Я приехал туда — это за Эшером, мили две к югу. Дом довольно большой, стоит немного в стороне от шоссе, подъездная дорога идет полукругом через высокий вечнозеленый кустарник. «Сторожка» оказалась старым, обветшалым строением, донельзя запущенным. Когда шарабан, прокатив по заросшей травой подъездной дороге, остановился перед измызганной, в дождевых подтеках дверью, меня взяло сомнение, умно ли я поступил, приехав в гости к человеку, с которым так мало знаком. Он, однако, сам отворил мне дверь, поздоровался со мной очень радушно. Меня препоручили слуге — угрюмому, чернявому субъекту, который, подхватив мой чемодан, провел меня в мою спальню. Все в этом доме производило гнетущее впечатление. Мы обедали вдвоем, и хотя мой хозяин старался как мог занимать меня разговором, что-то, казалось, все время отвлекало его мысли, и говорил он так туманно и бессвязно, что я с трудом его понимал. Он то и дело принимался постукивать пальцами по столу, грыз ногти и выказывал другие признаки нервозности и нетерпения. Сам по себе обед приготовлен был очень неважно да и сервирован неумело, а присутствие мрачного и молчаливого слуги отнюдь не оживляло его. Смею вас уверить, мне не раз в течение вечера хотелось изобрести какой-нибудь благоприличный предлог и вернуться в Ли.

Одна вещь приходит мне на память, возможно, имеющая отношение к тому делу, по которому вы, джентльмены, ведете расследование. В то время я не придал ей значения. К концу обеда слуга подал хозяину записку. Я обратил внимание, что, прочитав ее, хозяин стал еще более рассеян и странен, чем раньше. Он перестал даже хотя бы для видимости поддерживать разговор — только сидел, погруженный в свои мысли, и курил сигарету за сигаретой, ни слова, однако, не сказав насчет той записки. В одиннадцать я с радостью пошел к себе и лег спать. Некоторое время спустя Гарсия заглянул ко мне — у меня в это время был уже потушен свет — и, стоя в дверях, спросил, не звонил ли я. Я сказал, что нет. Он извинился, что беспокоил меня в такое позднее время, и добавил, что уже без малого час. Я после этого сразу заснул и крепко спал до утра.

И вот тут и пойдут в моем рассказе всякие удивительные вещи. Я проснулся, когда уже давно рассвело. Смотрю на часы, оказалось без пяти девять. Я настоятельно просил разбудить меня в восемь, и такая нерадивость очень меня удивила. Я вскочил и позвонил в звонок. Слуга не явился. Звоню еще и еще раз — никакого ответа. Тогда я решил, что звонок испорчен. Наспех оделся и в крайне дурном расположении духа сошел вниз истребовать горячей воды. Можете себе представить, как я был поражен, никого не застав на месте. Захожу в переднюю, звоню — ответа нет. Тогда я стал бегать из комнаты в комнату. Нигде никого. Накануне мой хозяин показал мне свою спальню, так что я знал, где она, и постучал к нему в дверь. Никто не отозвался. Я повернул ручку и вошел. В комнате никого, а на постели, как видно, и не спали. Он пропал со всеми вместе. Хозяин-иностранец, иностранец лакей, иностранец повар — все исчезли за ночь! На том и кончилось мое знакомство с Сиреновой сторожкой.

Шерлок Холмс потирал руки и посмеивался, добавляя этот причудливый случай к своему подбору странных происшествий.

— С вами, как я понимаю, случилось нечто совершенно исключительное, — сказал он. — Могу я спросить вас, сэр, как вы поступили дальше?

— Я был взбешен. Моею первой мыслью было, что со мной сыграли злую шутку. Я уложил

свои вещи, захлопнул за собой дверь и отправился в Эшер с чемоданом в руке. Я зашел к Братьям Аллен — в главное земельное агентство по этому городку — и выяснил, что вилла снималась через их фирму. Мне подумалось, что едва ли такую сложную затею могли провести нарочно ради того, чтобы меня разыграть, и что тут, наверно, цель была другая: уклониться от арендной платы — вторая половина марта, значит, приближается срок квартального платежа. Но это предположение не оправдалось. Агент поблагодарил меня за предупредительность, сообщив, однако, что арендная плата внесена вперед. Я вернулся в Лондон и наведаясь в испанское посольство. Там этого человека не знали. Тогда я поехал к Мелвилу, в доме у которого я познакомился с Гарсией, но убедился, что он знает об испанце даже меньше, чем я. И вот, получив от вас ответ на свою депешу, я приезжаю к вам, так как слышал, что вы можете подать совет в затруднительном случае жизни. Но теперь, Господин инспектор, из того, что вы нам сообщили, когда вошли в эту комнату, я понял, что вы можете продолжить мой рассказ и что произошла какая-то трагедия. Могу вас заверить, что каждое сказанное мною слово — правда и что сверх того, что я вам рассказал, я ровно ничего не знаю о судьбе этого человека. У меня лишь одно желание — помочь закону чем только я могу.

— В этом я не сомневаюсь, мистер Скотт-Эклс, ничуть не сомневаюсь, — сказал инспектор Грегсон самым любезным тоном.

— Должен отметить, что все, рассказанное вами, точно соответствует установленным нами фактам. Например, вы упомянули о записке, переданной за обедом. Вы случайно не заметили, что с ней произошло?

— Заметил. Гарсия скатал ее и бросил в огонь.

— Что вы на это скажете, мистер Бэйнс?

Деревенский сыщик был крепкий толстяк, чье пухлое красное лицо казалось бы и вовсе простецким, если бы не пара необыкновенно ярких глаз, прячущихся в глубокой складке между толстых щек и нависших бровей. С медлительной улыбкой он вытащил из кармана скрученный и обесцвеченный листок бумаги.

— В камине там, мистер Холмс, колосники устроены на подставках, и он промахнулся — закинул записку слишком далеко. Я выгреб ее из-за подставок даже не обгоревшую.



Холмс одобрительно улыбнулся.

— Чтобы найти этот единственный уцелевший клочок бумаги, вы должны были самым тщательным образом обыскать весь дом.

— Так и есть, мистер Холмс. Это у меня первое правило. Прочитать, мистер Грегсон?

Лондонец кивнул головой.

— Писано на обыкновенной гладкой желтоватой бумаге без водяных знаков. Четвертинка листа. Отрезано в два надреза короткими ножничками. Листок был сложен втрое и запечатан крас-

но-фиолетовым сургучом, который накапали второпях и придавили каким-то овальным предметом. Адресовано мистеру Гарсии, Сиреневая сторожка. Текст гласит:

«Цвета — наши исконные: зеленый и белый. Зеленый — открыто, белый — закрыто. Парадная лестница, второй этаж, первый коридор, седьмая направо, зеленое сукно. Да хранит вас Бог. Д.»

Почерк женский. Текст написан острым пером, адрес же — либо другим пером, либо написал кто-то другой. Здесь, как вы видите, почерк смелый и толще нажим.

— Очень интересная записка, — сказал Холмс, просмотрев сам. — Должен вас похвалить, мистер Бэйнс, за такое внимания деталям. Можно добавить разве что кое-какие мелочи. Овальный предмет — несомненно, обыкновенная запонка для манжет — что другое может иметь такую форму? Ножницы были кривые, для ногтей. Как ни коротки два надреза, вы ясно можете разглядеть на каждом один и тот же легкий изгиб.

Деревенский сыщик усмехнулся.

— Я-то думал, что выжал из нее все, что можно, — сказал он, — а вот, оказывается, кое-что оставил и другим. Признаться, записка эта мне ничего не говорит, кроме того, что там что-то затевалось и что тут, как всегда, дело в женщине.

Пока шел весь этот разговор, мистер Скотт-Эклс ерзал в своем кресле.

— Я рад, что вы нашли эту записку, потому что она подтверждает мой рассказ, — сказал он. — Но разрешите напомнить, что я еще не слышал, что же случилось с мистером Гарсией и куда исчезли все слуги.

— Насчет Гарсии, — сказал Грегсон, — ответ простой. Его сегодня утром нашли мертвым на Окшоттском Выгоне в миле от его дома. Ему размозжили голову — дубасили чем-то тяжелым вроде мешка с песком или другого подобного орудия, чем-то, что не режет, а скорей раздавливает. Место глухое, ни одного дома на четверть мили вокруг. Первый удар был нанесен, очевидно, сзади и сразу его свалил, но потом его еще долго били уже мертвого. Нападение совершено было, как видно, в страшной злобе. Следов никаких, никакого ключа к раскрытию преступников.

— Ограблен?

— Нет; и ничего, что указывало бы на попытку ограбления.

— Весьма прискорбно, прискорбно и страшно, — сказал мистер Скотт-Эклс плаксивым голосом, — и какая же это неприятность для меня! Я тут совершенно ни при чем, если мой хозяин вышел ночью на прогулку и его постигла такая печальная судьба. И почему-то я оказался замешан в эту историю!

— Очень просто, сэр, — ответил инспектор Бэйнс. — Единственным документом, какой нашли в кармане у покойника, было ваше письмо, сообщающее, что вы собираетесь к нему с ночевкой — как раз в ночь его смерти. По адресу на письме мы и узнали имя убитого и где он проживал. В десятом часу утра мы пришли в его дом и не застали ни вас, ни кого-либо другого. Я дал мистеру Грегсону телеграмму с просьбой, чтобы он разыскал вас в Лондоне, пока я проведу обследование в Сиреневой сторожке. Затем я поехал в город, встретился с мистером Грегсоном — и вот мы здесь.

— Нам теперь следует, — заявил Грегсон, — оформить дело по всем правилам. Вы пройдете вместе с нами в полицию, мистер Скотт-Эклс, и мы снимем с вас показания в письменном виде.

— Конечно! Пойду сейчас же. Но я не отказываюсь от ваших услуг, мистер Холмс. Я хочу дознаться до истины и прошу вас не стесняться расходами и не щадить трудов.

Мой друг повернулся к деревенскому инспектору.

— Надеюсь, вы не будете возражать против моего сотрудничества с вами, мистер Бэйнс?

— Почту за честь, сэр.

— До сих пор вы, я вижу, действовали быстро и толково. Разрешите спросить: есть ли данные, позволяющие уточнить час, когда его настигла смерть?

— Тело к часу ночи уже лежало там. С часу пошел дождь, а смерть наступила, несомненно, еще до дождя.

— Но это совершенно исключено, мистер Бэйнс! — объявил наш клиент. — Его голос нельзя

спутать ни с каким другим. Я могу подтвердить под присягой, что в час ночи я лежал в постели и не кто, как Гарсия, говорил со мной в моей спальне.

— Примечательно, но отнюдь не исключено, — сказал с улыбкою Холмс.

— Вы нашли разгадку? — спросил Грегсон.

— Дело выглядит не слишком сложным, хотя, конечно, в нем есть новые и любопытные черты. Необходимо собрать дополнительные данные, прежде чем я позволю себе вынести окончательное и определенное суждение. Кстати, мистер Бэйнс, вы при осмотре дома, кроме этой записки, не обнаружили ничего примечательного?

Сыщик посмотрел на моего друга каким-то особенным взглядом.

— Там есть, — сказал он, — очень даже примечательные вещи. Может быть, когда я управлюсь в полиции, вы съездите со мной на место и скажете мне, что вы о них думаете?

— Я весь к вашим услугам, — сказал Шерлок Холмс и позвонил. — Проводите джентльменов, миссис Хадсон, и пошлите мальчика на почту с этой телеграммой. Пять шиллингов на оплаченный ответ.

Когда посетители ушли, мы некоторое время сидели молча. Холмс жадно курил, сдвинув брови над своими пронзительными глазами и выдвинув голову вперед в характерном для него страстном напряжении мысли.

— Ну, Уотсон, — спросил он, вдруг повернувшись ко мне, — что вы об этом скажете?

— Насчет шутки с мистером Скотт-Эклсом не скажу вам ровно ничего.

— А насчет преступления?

— Поскольку все, проживавшие в доме, исчезли, я сказал бы, что они так или иначе причастны к убийству и сбежали от суда.

— Это, конечно, вполне возможное предположение. Однако, если его допустить, очень странным представится, что двое слуг, вступив в заговор против хозяина, почему-то нападают на него в ту единственную ночь, когда у него гость. Они могли разделаться с ним без помехи во всякую другую ночь.

— А почему же тогда они сбежали?

— Вот именно. Почему они сбежали? Это существенный факт. Другой существенный факт — замечательное происшествие с нашим клиентом, Скотт-Эклсом. Неужели, дорогой мой Уотсон, это вне пределов человеческой изобретательности — дать объяснение, которое могло бы связать эти два существенных факта? И если к тому же под него удастся подогнать и таинственную записку, составленную в таких странных выражениях, что ж, тогда его бы стоило принять как рабочую гипотезу. Если потом новые установленные нами факты все улягутся в схему, тогда наша гипотеза может постепенно перейти в решение.

— Но какова она, наша гипотеза?

Холмс откинулся в кресле, полузакрыв глаза.

— Вы должны согласиться, дорогой мой Уотсон, что о розыгрыше здесь и думать не приходится. Готовились серьезные дела, как показало дальнейшее, и то, что Скотт-Эклса заманили в Сиреневую сторожку, стоит с ними в прямой связи.

— Но какая здесь возможна связь?

— Разберем шаг за шагом. Есть что-то неестественное — это сразу видно — в странной и внезапной дружбе между молодым испанцем и Скотт-Эклсом. Почин принадлежит испанцу. Едва познакомившись, он на следующий же день едет к Эклсу в гости в другой конец Лондона и поддерживает с ним тесную связь, пока тот не приезжает к нему в Эшер. Что же ему было нужно от Эклса? Что Эклс мог ему дать? Я не вижу в этом человеке никакого обаяния. Он и умом не блещет; и едва ли можно думать о духовном сродстве между ним и человеком живого и тонкого латинского интеллекта. Почему же Гарсия из всех своих знакомых избирает именно его как человека, особенно подходящего для его целей? Есть у него какое-нибудь выделяющее его качество? Я сказал бы, есть. Он воплощенная британская добропорядочность, как раз такой человек, какой в роли свидетеля должен импонировать другому британцу. Вы сами видели, что его показания при всей их необычности не внушили и тени сомнения ни одному из наших двух инспекторов.

— Но что он должен был засвидетельствовать?

— Как обернулось дело, — ничего, но сложись оно иначе, — все, что угодно. Так я толкую факты.

— Понятно. Он мог бы подтвердить алиби.

— Вот именно, мой дорогой Уотсон: он мог бы подтвердить алиби. Допустим, в порядке обсуждения, что слуги в Сиреновой сторожке все являются соучастниками некоего заговора. Покушение, в чем бы оно ни заключалось, предполагалось совершить, скажем, до часу ночи. Возможно, что-нибудь подстроили с часами, и когда Скотт-Эклс ложился спать, было раньше, чем он думал: и уж во всяком случае, очень вероятно, что когда Гарсия нарочно зашел к нему и сказал, что уже час ночи, на самом деле было не позже двенадцати. Если бы Гарсия успешно совершил намеченное дело, в чем бы оно ни состояло, и к часу вернулся бы домой, у него был бы, очевидно, убедительный ответ на обвинение. Был бы налицо этот англичанин безупречной репутации, готовый присягнуть на любом суде, что обвиняемый сидел все время дома. Это при самом дурном повороте давало некоторую гарантию.

— Да, конечно, тут мне все понятно. Но как объяснить исчезновение остальных?

— Я еще не располагаю всеми фактами, но думается, с этим едва ли возникнут неразрешимые трудности. Все же это ошибка — строить дедукцию до того, как получены достаточные данные. Незаметно для самого себя начинаешь их подгонять под свою схему.

— А записка?

— Как она гласила? «Цвета — наши исконные: зеленый и белый». Речь как будто о соревнованиях. «Зеленый — открыто, белый — закрыто». Это явно сигнализация. «Парадная лестница, второй этаж, первый коридор, седьмая направо, зеленое сукно». Это — указание места встречи. За всем этим, возможно, кроется ревнивый муж. Затеянное, во всяком случае, связано было с большой опасностью. Будь это иначе, она не добавила бы: «Да хранит вас Бог». «Д.» — это то, что может навести на след.

— Гарсия — испанец. Я полагаю. «Д.» проставлено вместо «Долорес». В Испании это очень распространенное женское имя.

— Отлично, Уотсон, превосходно, но совершенно неприемлемо. Испанка писала бы испанцу по-испански. Записка бесспорно от англичанки. Итак, нам остается только набраться терпения и ждать, когда этот умница инспектор вернется за нами. А пока мы можем благодарить свою счастливую судьбу, что она на несколько часов избавила нас от невыносимой тягости безделья.



Наш суррейский инспектор еще не вернулся, когда пришел ответ на телеграмму Холмса. Он его прочел и уже хотел заложить в свою записную книжку, но, верно, заметил, как у меня вытянулось лицо, и со смехом перебросил мне эту ответную телеграмму.

— Мы возвращаемся в высоких сферах, — сказал он.
Телеграмма представляла собой перечень имен и адресов:

«Лорд Харрингби — Ущелье. Сэр Джордж Фоллиот — Оксшоттский Замок. Мистер Хайнс Хайнс, мировой судья — Парди-Плейс. Мистер Джеймс Бейкер Уильямс — Фортон, Старый Дом. Мистер Хендерсон — Дозорная Башня. Преподобный Джошуа Стоун — Нижний Уолслинг».

— Этим и ограничивается наше поле действий, — сказал Холмс. — Способ напрашивается сам собой. Бэйнс с его методическим умом, несомненно, избрал подобный же план.

— Мне не совсем ясно.

— Но, дорогой мой друг, мы ведь уже пришли к выводу, что в записке, которую Гарсия получил за обедом, назначалась какая-то встреча. Далее, если напрашивающееся толкование правильно и для того, чтобы попасть на место тайного свидания, надо подняться с парадного хода на второй этаж и искать седьмую дверь по коридору, то совершенно ясно, что дом очень большой. Столь же очевидно, что он стоит не дальше, как в двух милях от Оксшотта, коль скоро Гарсия направился туда пешком и рассчитывал, по моему толкованию данных, вовремя вернуться в Сиреневую сторожку, пока в силе его алиби, то есть до часу ночи. Так как больших домов поблизости от Оксшотта, наверно, не так уж много, я прибег к простому, самоочевидному методу: запросил агентство, упомянутое Скотт-Эклсом, и получил их список. Здесь они все налицо, в этой телеграмме, и наша запутанная нить другим своим концом уходит в один из них.

Было около шести, когда мы добрались в сопровождении инспектора Бэйнса до Эшера — славного городка в графстве Суррей.

Мы с Холмсом прихватили с собой все, что нужно для ночевки, и сняли довольно удобные комнаты в гостинице «Бык». Наконец вместе с нашим сыщиком мы отправились на осмотр Сиреневой сторожки. Вечер был холодный и темный, резкий мартовский ветер и мелкий дождь хлестали нам в лицо, и от этого еще глуше казался пустынный выгон, которым шла дорога, еще печальней цель, к которой она нас вела.

2. Тигр из Сан-Педро

Отшагав мили две, мы подошли, невеселые и озябшие, к высоким деревянным воротам, за которыми начиналась угрюмая каштановая аллея. Изогнутая, укрытая тенью, она привела нас к низкому, темному дому, черному, как смоль, на свинцово-сером небе. По фасаду в одном из окон — слева от двери — чуть мерцал слабый отблеск света.

— Тут у нас дежурит констебль, — сказал Бэйнс. — Я постучусь в окно. — Он прошел прямо по газону и легонько постучал пальцами в нижнее стекло. Сквозь потное стекло я смутно увидел, как с кресла у камина вскочил какой-то человек, услышал донесшийся из комнаты резкий крик, и через полминуты нам открыл дверь полисмен, бледный, тяжело дыша и с трудом удерживая в дрожащей руке шатающуюся свечу.

— В чем дело, Уолтерс? — резко спросил Бэйнс.

Полисмен отер лоб носовым платком и облегченно вздохнул.

— Хорошо, что вы пришли, сэр. Вечер тянулся так долго, а нервы у меня что-то не те, что были.

— Нервы, Уолтерс? А я и не знал, что у вас есть нервы.

— Понимаете, сэр, дом пустой, и тишина такая, да еще эта странная штука на кухне. И потом, когда вы постучали в окно, я подумал, что это опять вернулся он.

— Кто он?

— Сам не знаю. Не иначе, как дьявол, сэр. Он тут все стоял под окном.

— Кто стоял под окном и когда?

— Часа два тому назад. Когда только начало темнеть. Я сидел в кресле и читал. Не знаю, что меня толкнуло поднять голову, но только в окошко, в нижнее стекло, на меня смотрело чье-то лицо.

Боже мой, сэр, что это была за рожа! Она мне будет сниться по ночам.

— Ну-ну, Уолтерс! Констеблю полиции не пристало так говорить.

— Знаю, сэр, знаю. Но меня кинуло в дрожь, сэр, что пользы скрывать? Она была не черная, сэр, и не белая, и ни какого ни на есть известного мне цвета, а какая-то землистая, что ли, в желтоватых разводах. И широченная, сэр, — вдвое больше вашего лица. А глядела-то как: выпученные глазища и белые оскаленные зубы — ну, совсем, точно голодный зверь. Говорю вам, сэр, я пальцем не мог пошевелить, не мог вдохнуть, пока это чудовище не исчезло, сэр шмыгнуло куда-то и пропало. Я кинулся за ним в кусты, но там слава Богу, никого не оказалось.



— Когда бы я не знал, что вы хороший работник, Уолтерс, я бы за такие слова закатил вам выговор. Будь там сам дьявол, полицейский на посту никак не должен говорить «слава Богу», когда не сумел его схватить. Может, вам это все померещилось, нервы шалят?

— Проверить это очень просто, — сказал Холмс, зажигая свой карманный фонарик.

— Да, — доложил он, быстро осмотрев газон, — башмаки, по-моему, номер двенадцатый. Если у него и рост подстать, он должен быть великаном.

— Куда он делся?

— Видимо, продрался сквозь кусты и выбежал на большую дорогу.

На лице инспектора отразилось важное раздумье.

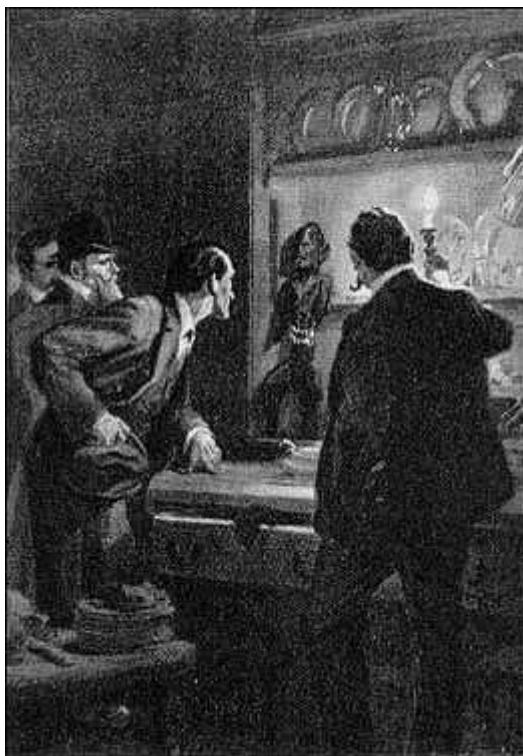
— Ладно, — сказал он. — Кто бы это ни был и что бы он ни затевал, его здесь нет, и мы должны заняться нашей прямой задачей. С вашего разрешения, мистер Холмс, мы сейчас осмотрим с вами дом.

В спальнях и гостиных тщательный обыск, по словам Бэйнса, ничего особенного не дал. Очевидно, жильцы не привезли с собою почти что ничего, и все вещи в доме, вплоть до последних мелочей, были взяты на прокат. Оставлено было много одежды с маркой «Маркс и К°, Хай-Холборн». Телеграфный запрос уже был сделан и тоже ничего не дал: Маркс знал о своем клиенте только одно, что он исправный плательщик. Из собственного имущества было обнаружено несколько табачных трубок, кое-какие романы — два из них на испанском, — устарелый револьвер системы Лефосе да гитара — вот, собственно, и все.

— Тут ничего особенного, — сказал Бэйнс, вышагивая со свечой в руке из комнаты в комнату. — Теперь, мистер Холмс, я предложу вашему вниманию кухню.

Это было мрачное, с высоким потолком помещение окнами на задний двор. В одном углу — соломенная подстилка, служившая, должно быть, повару постелью. Стол был завален початыми блюдами со снедью и грязными тарелками — остатки вчерашнего обеда.

— Посмотрите вот на это, — сказал Бэйнс. — Как, по-вашему, что это может быть?



Он поднес свечу к какому-то необыкновенному предмету, приставленному к задней стенке посудного шкафа. Он был такой сморщенный, съежившийся, выцветший, что не разберешь, что же это такое. Можно было только сказать, что это что-то черное, обтянутое кожей, и что похоже оно на крошечное человеческое тельце. Посмотрев на него, я сперва подумал, что передо мною мумия негритянского младенца, а потом мне показалось, что это скорей сильно скрючившаяся и очень старая обезьянка. Я так и не решил, чье же это в конце концов тело — человеческое или звериное? Посередине оно было опоясано двойною нитью бус из белых ракушек.

— Интересно... очень интересно! — заметил Холмс, взглядевшись в эти зловещие останки. — Есть что-нибудь еще?

Бэйнс молча подвел нас к раковине и поднял над ней свечу. По ней раскиданы были туловище и конечности зверски растерзанной, с неошипанными перьями крупной белой птицы. Холмс указал на оторванную голову с красным жабо на шее.

— Белый петух, — сказал он. — Чрезвычайно интересно! Случай в самом деле весьма любопытный.



Но самое зловещее мистер Бэйнс приберег напоследок. Он вытащил из-под раковины цинковое ведро, полное крови. Потом взял со стола и показал нам большое плоское блюдо с горой изрубленных и обгорелых костей.

— Здесь убивали и жгли. Это все мы выгребли из топки. Утром у нас был тут врач. Говорит, кости не человеческие.

Холмс улыбался, потирая руки.

— Должен вас поздравить, инспектор: вам достался очень необычный и поучительный случай. Надеюсь, вас не обидит, если я скажу вам, что ваши способности выше тех возможностей, какие открыты перед вами.

Маленькие глазки Бэйнса засверкали от удовольствия.

— Вы правы, мистер Холмс. Нас тут, в провинции, губит застой. Такой случай, как этот, для человека редкая удача, и я постараюсь не упустить ее. Что вы скажете об этих костях?

— Кости ягненка, сказал бы я, или козленка.

— А о белом петухе?

— Любопытно, Бэйнс, очень любопытно. Я бы даже сказал — уникально!

— Да, сэр, в этом доме жили, наверно, очень странные люди, и уклад у них был очень странный. Один из них погиб. Может быть, его слуги проследили его и убили? Если так, мы их перехватим; во всех портах стоят у нас посты. Но, на мой взгляд, тут другое. Да, сэр, на мой взгляд, тут нечто совсем другое.

— Значит, у вас есть своя теория?

— И я проверю ее сам, мистер Холмс. Мне это послужит к чести. Вы уже составили себе репутацию, а мне свою надо еще только утверждать. Хотелось бы мне, чтобы потом я мог говорить, что решил задачу без вашей помощи.

Холмс добродушно рассмеялся.

— Ладно, инспектор, — сказал он. — Ступайте своим путем, а я пойду своим. Если я чего-то достигну, все будет к вашим услугам по первой вашей просьбе. Пожалуй, я видел в доме все, что было нужно; и мое время может быть потрачено с большей пользой где-нибудь еще. All revoir¹, желаю вам успеха. По множеству тонких признаков, которые, верно, никому, кроме меня, ничего не сказали бы, я видел, что Холмс напал на след. Сторонним наблюдателям он показался бы спокойным, как всегда; и тем не менее в его посветлевших глазах, в живости его движений ощущалась какая-то

¹ До свидания (франц.)

еле сдерживаемая страстность и какая-то напряженность, позволявшие мне заключить, что гон начался. Холмс по своему обыкновению ничего не говорил, а я по своему — не задавал вопросов. С меня было довольно и того, что я участвую в охоте и оказываю другу посильную помощь, не отвлекая его ненужными расспросами от неотступного размышления. В положенное время он сам обратится ко мне.

Итак, я ждал, но, к своему все возрастающему разочарованию, ждал напрасно. Проходил день за днем, а друг мой не предпринимал никаких шагов. Как-то он съездил утром в город, и по одному брошенному вскользь замечанию я понял, что он заходил в Британский музей. Если не считать этого единственного случая, он проводил свои дни в долгих и нередко одиноких прогулках или в разговорах с местными кумушками, с которыми завел знакомство.

— По-моему, Уотсон, неделя в деревне принесет вам неоценимую пользу, — заметил он однажды. — Так приятно увидеть опять первые зеленые побеги на живой изгороди и сережки на орешнике! С лопатой в руке, с ботанизированной и кратким определителем растений тут отлично можно отдохнуть, расширяя при том свои знания.

Он и сам бродяжил в таком снаряжении, но вечерами мог предъявить довольно скудный сбор трав и цветов.

В наших прогулках мы иногда набредали на инспектора Бэйяса. Толстое, красное его лицо, когда он здоровался с моим спутником, собиралось в складки от широкой улыбки, маленькие глазки поблескивали. О розысках своих он говорил немного, но из этого немногого мы могли заключить, что и он вполне доволен ходом дела. Все же, признаюсь, я порядком удивился, когда дней через пять после убийства, развернув утром газету, я увидел набранное огромными буквами:

**ТАЙНА ОКСШОТТА РАСКРЫТА
ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ УБИЙЦА АРЕСТОВАН**

Холмс, как ужаленный, подскочил в своем кресле, когда я прочитал вслух эти заголовки.

— Быть не может! — вскричал он. — Это что ж означает, что Бэйнс его накрыл?

— Очевидно, так, — сказал я, пробежав глазами следующую заметку.

«Сильное волнение охватило город Эшер и его окрестности, когда вчера поздно вечером распространилось известие об аресте, произведенном в связи с Оксшоттским убийством. Наши читатели, вероятно, помнят, что мистер Гарсия из Сиреневой сторожки был найден мертвым на Оксшоттском Выгоне, причем на его теле были обнаружены следы, с несомненностью говорящие о насильственной смерти; и что в ту же ночь его лакей и повар сбежали, что наводило на мысль об их соучастии в убийстве. Есть предположение, очень вероятное, хотя и недоказанное, что покойный хранил в доме ценности, похищение которых и явилось мотивом преступления. Инспектор Бэйнс, ведущий это дело, прилагал все усилия к обнаружению места укрытия преступников и не без оснований полагал, что они не могли сбежать далеко, а укрылись в каком-то заранее подготовленном убежище. Однако с самого начала представлялось несомненным, что беглецы непременно будут обнаружены, так как повар, по свидетельству двух-трех разносчиков, мельком видевших его в окно, обладает чрезвычайно приметной внешностью: это очень рослый и на редкость безобразный мулат с желтоватым лицом резко выраженного негритянского склада. Человека этого уже видели после свершения убийства: констебль Уолтерс обнаружил его и пытался преследовать, когда тот в первый же, вечер имел дерзость наведаться в Сиреневую сторожку. Рассчитав, что для такого посещения мулат должен был иметь какую-то цель и, значит, по всей вероятности, повторит свою попытку, инспектор Бэйнс оставил дом пустым, по поместил засаду в кустах. Ночью мулат попал в ловушку и был схвачен после борьбы, в которой этот дикарь жестоко укусил констебля Даунинга. После первых допросов арестованного полицией, очевидно, разрешат дальнейшее содержание его под стражей, и его поимка вселяет надежду, что Оксшоттская тайна будет вскоре раскрыта».



— Нужно немедленно повидаться с Бэйнсом! — закричал Холмс. — Времени в обрез, но мы еще успеем застать его дома.

Мы быстро прошли деревенскую улицу и, как и ожидали, захватили инспектора при выходе из дому.

— Читали, мистер Холмс? — спросил он, протягивая нам газету.

— Да, Бэйнс, читал. Не примите в обиду, но я позволю себе подружески предостеречь вас.

— Предостеречь, мистер Холмс?

— Я и сам вникал в это дело, и я уверен, что вы на ложном пути. Не хочется мне, чтобы вы слишком долго блуждали понапрасну, пока убедитесь в этом сами!

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Холмс.

— Уверяю вас, я говорю это, желая вам добра.

Мне показалось, будто Бэйнс чуть подмигнул одним своим крошечным глазом.

— Мы условились, что будем работать каждый сам по себе, мистер Холмс. И я следую уговору.

— Ага, очень хорошо, — сказал Холмс. — Так уж не ругайте меня потом.

— Зачем же, сэр? Я вижу, что вы со мной по-хорошему. Но у каждого своя система, мистер Холмс. Вы действуете по своей, а я, может, по своей.

— Не будем больше об этом говорить.

— Я всегда с удовольствием поделюсь с вами новостями. Этот парень совершенный дикарь, силен, как ломовая лошадь, и свиреп, как черт. Он Даунингу чуть совсем не откусил большой палец, пока мы с ним совладали. Он по-английски ни слова, и мы ничего не можем вытянуть из него — мычит и только.

— У вас, вы думаете, есть доказательства, что он убил своего хозяина?

— Я этого не говорю, мистер Холмс. Не говорю. У нас у каждого своя дорожка. Вы пробуете идти по вашей, я по своей. Ведь так мы договорились?

— Не пойму я этого человека, — сказал, пожимая плечами, Холмс, когда мы вышли от инспектора. — Сам себе яму роет. Что ж, попробуем, как он говорит, идти каждый своей дорожкой и посмотрим, что из этого получится. А все-таки этот инспектор Бэйнс не так прост — я тут чего-то не понял.

— Сядьте же в это кресло, Уотсон, — сказал Холмс, когда мы вернулись в свои комнаты в «Быке». — Я хочу, чтобы вы уяснили себе ситуацию, так как сегодня вечером мне, возможно, понадобится ваша помощь. Сейчас я покажу вам, как шло, насколько я мог проследить, развитие этого случая. Он как будто вовсе и не сложен в основных своих чертах, а между тем представляет неужи-

данные трудности для ареста виновных. В этом смысле у нас остаются пробелы, которые еще предстоит заполнить.

Вернемся к записке, полученной Гарсией за обедом в день его смерти. Мы можем отбросить идею Бэйнса, что в деле замешаны слуги Гарсии. Это опровергается тем, что он сам же постарался завлечь в дом Скотт-Эклса, что могло быть сделано единственно в целях алиби. Значит, именно Гарсия замыслил какое-то предприятие — и, по-видимому, преступное — на ту самую ночь, когда он встретил свою смерть. Я говорю «преступное», потому что, только замыслив преступное, человек желает подготовить себе алиби. Кто же тогда всего вероятней лишил его жизни? Конечно, тот, против кого был направлен его преступный умысел. До сих пор мы, как мне кажется, стоим на твердой почве.

Теперь нам видно, что могло послужить причиной к исчезновению слуг Гарсии. Они были оба соучастниками в том неизвестном нам покушении. Если бы к возвращению Гарсии оно было бы уже совершено, всякое подозрение отпало бы благодаря свидетельству англичанина и все прошло бы безнаказанно. Но покушение сопряжено было с опасностью, и если бы к намеченному часу Гарсия не вернулся, это означало бы, что он сам поплатился жизнью. Поэтому они условились, что в этом случае двое его подчиненных должны уйти в какое-то заранее приготовленное место, где они могли бы укрыться от преследования, чтобы в дальнейшем повторить свою попытку. Так, не правда ли, все факты получают объяснение?

Передо мною все легло, точно распутанная пряжа. Я, как всегда, только диву давался, как мне раньше не было это столь же очевидно самому.

— А почему же один из слуг вернулся?

— Мы можем представить себе, что при побеге он в спешке забыл захватить какую-то вещь, очень ему дорогую — такую, что расстаться с ней для него невыносимо. Как, по-вашему, это объяснимо бы его упрямые попытки вернуться за нею?

— Хорошо. Следующее звено?

— Следующее звено — записка, полученная Гарсией за обедом. Это нить, ведущая к другому сообщнику. Где же мы найдем ее второй конец? Я вам уже показывал, что его надо искать в некоем большом доме и что число больших домов ограничено. Свои первые дни в деревне я посвятил планомерным прогулкам, и, гуляя, я между своими ботаническими поисками ознакомился со всеми большими домами и выведал семейную историю их обитателей. Один из этих домов — и только один — привлек мое внимание. Это Дозорная Башня, знаменитый старый замок времен Якова I. Он стоит в одной миле от того конца Оксшотта и менее чем в полумиле от места, где разыгралась трагедия. Все прочие большие дома принадлежат прозаическим, почтенным людям, живущим размеренной жизнью, далекой от всякой романтики. А вот мистер Хендерсон из Дозорной Башни выглядел во всех рассказах необыкновенным человеком, с которым могут происходить необыкновенные вещи. Поэтому я сосредоточил свое внимание на нем и его домашних.

Удивительные это люди, Уотсон, и всех удивительней он сам. Я исхитрился явиться к нему под благовидным предлогом, но, кажется, я прочел в его темных, глубоко запавших, подозрительных глазах, что он безошибочно разгадал мою действительную цель. Это человек лет пятидесяти, крепкий, энергичный, со стальными волосами, густыми, черными, кустистыми бровями, поступью оленя и осанкой императора — жестокий, властный человек, снаружи пергамент, а под ним раскаленное железо. Он или иностранец или же долго жил в тропиках, потому что он желтый и высохший, но тугой, как плеть. Его друг и секретарь, мистер Лукас, тот, несомненно, иностранец, шоколадно-коричневый, коварный и вкрадчивый — с кошачьей повадкой и ядовито-любезным разговором. Как видите, Уотсон, теперь перед нами уже две группы иностранцев, одна в Сиреновой сторожке, другая в Дозорной Башне. Таким образом, наши пробелы понемногу заполняются.

Эти два человека, связанные дружбой и взаимным доверием, составляют ядро второй группы; но в доме есть еще одна особа, может быть, более важная для нас в смысле наших розысков. У Хендерсона двое детей — две дочки, одна тринадцати, другая одиннадцати лет. Гувернанткой при них — мисс Вернет, англичанка лет сорока. И есть еще доверенный лакей. Эта небольшая компания образует тесную семью: они всегда путешествуют вместе, а Хендерсон, надо сказать, большой путешественник, он вечно в разъездах. Он всего лишь несколько недель как вернулся в Дозорную Башню

после годичного отсутствия. Добавлю, что он несметно богат и может с легкостью удовлетворить свою любую прихоть. Дом его полон всяких буфетчиков, лакеев, горничных и прочей прислуги — обычный зажавшийся и обленившийся штат большого барского дома в английской деревне.

Все это я знаю частью из деревенских сплетен, частью по собственным наблюдениям. Нет лучшего орудия для этой цели, чем уволенные слуги с их обидой, и мне выпала удача найти одного такого. Я говорю «удача», но я не встретил бы ее на своем пути, если б не искал. Как заметил Бэйнс, у нас у каждого есть своя система. Вот система-то моя и помогла мне найти Джона Уорнера, бывшего садовника с Дозорной Башни, которого властный хозяин под горячую руку уволил. А у него, со своей стороны, есть друзья среди живущих в доме слуг, которые все до одного трепещут перед своим Господином и ненавидят его. Таким образом у меня оказался ключ к тайнам дома.

Странные люди, Уотсон! Я, может быть, там еще не во всем разобрался, но это, во всяком случае, очень странные люди! Дом на два крыла, и слуги живут все в одном крыле, семья в другом. Между теми и другими нет иного связующего звена, кроме личного лакея самого Хендерсона, прислуживающего также всей семье за столом. Все подается к некоей двери, соединяющей обе половины. Гувернантка с девочками чуть ли вообще никуда не выходит за пределы сада. Хендерсон никогда, ни под каким видом не выходит из дому один. Его всюду сопровождает, как тень, его темнолицый секретарь. Слуги говорят между собой, будто он страшно чего-то боится. «Душу дьяволу продал за деньги, — говорит Уорнер, вот и ждет, что кредитор придет истребовать свое». Никто понятия не имеет, кто они и откуда явились. Они очень необузданны. Хендерсону дважды случилось отхлестать человека плеткой, и только тугой кошелек оба раза позволил ему, откупившись большими деньгами, уйти от суда.

Теперь, Уотсон, давайте обсудим ситуацию в свете этих добавочных сведений. Мы можем с достоверностью принять, что записка была от кого-то из слуг этого странного дома и приглашала Гарсию осуществить некое покушение согласно ранее составленному плану. Кем написана записка? Кем-то внутри цитадели — и при том женщиной. Так кем же тогда, если не мисс Вернет, гувернанткой? Все наше построение, очевидно, приводит нас к ней. Во всяком случае, мы можем принять это как гипотезу и посмотрим, какие следствия она за собой повлечет. Я могу добавить, что возраст мисс Вернет и ее репутация, бесспорно, исключают мою первую мысль, что подоплекой в этом деле могла быть какая-то любовная история.

Если записка от нее, то, по всей вероятности, эта женщина — друг и сообщница Гарсии. Тогда как же она должна была себя повести, узнав о его смерти? Если он встретил свой конец, когда сам совершал незаконное дело, сообщница должна держать рот на замке. Все же в сердце она, конечно, затаила жестокую ненависть к его убийцам и, наверно, чем только может, станет помогать отмщению за него. Так нельзя ли нам повидаться с ней и воспользоваться ее помощью? Это первое, что мне пришло на ум. Но тут перед нами встает один зловещий факт. С ночи убийства никто и нигде не видел мисс Вернет. Она еще с вечера точно исчезла. Жива ли она? Может быть, и ее постигла смерть в ту же ночь — вместе с другом, которого она призывала? Или ее только держат взаперти? Вот вопрос, на который мы должны дать ответ.

Вы оцените, Уотсон, всю трудность положения. Нам не на что опереться, чтобы требовать вмешательства закона. Наше построение покажется фантазмагорией, если с ним явиться к судье. Что женщина исчезла, не поставят ни во что, — весь уклад этого странного дома таков, что любой из его обитателей может неделю не показываться людям на глаза. А между тем женщине, возможно, в любую минуту грозит смерть. В моей власти наблюдать за домом, поставить своего человека, Уорнера, сторожить у ворот — и только. Но мы же не можем дать делу идти своим ходом. Если закон бессилен, мы должны взять риск на себя.

— Что же вы предлагаете?

— Я знаю, в какой она комнате. Туда можно пробраться с крыши флигеля. Мое предложение: не попробовать ли нам с вами сегодня ночью проникнуть в самое сердце тайны?

Перспектива, должен я признаться, была не слишком заманчива. Старый дом, дышащий убийством, странные и страшные его обитатели, тайные опасности, подстерегающие проходящего, и то, что мы сами при этом выступаем правонарушителями, — все это, взятое вместе, охлаждало мой пыл. Но было в холодных рассуждениях Холмса нечто такое, что вы, не дрогнув, пошли бы с ним на самое

рискованное дело. Вы знали, что так и только так можно найти решение задачи. Я молча пожал ему руку, и жребий был брошен.

Но нашему расследованию не суждено было закончиться такою авантюрой. Было около пяти часов, мартовский вечер уже стелил свои тени, когда в комнату к нам ворвался в сильном возбуждении какой-то деревенский житель.

— Они уехали, мистер Холмс. С последним поездом. Леди вырвалась, она в моем кэбе — здесь, внизу.

— Превосходно, Уорнер! — прокричал, вскочив на ноги, Холмс. — Уотсон, пробелы быстро заполняются!

Женщина в кэбе была в полуобмороке от нервного истощения. На ее горбоносом, исхудалом лице лежал отпечаток какой-то недавней трагедии. Ее голова безжизненно свесилась на грудь, но, когда она подняла голову и тупо повела глазами, я увидел черные точки зрачков на серых радужных оболочках: ее опоили опиумом.

— Я поджидал у ворот, как вы наказывали, мистер Холмс, — докладывал наш тайный агент, хендерсоновский уволенный садовник. — Когда они выехали в карете, я двинул за ними следом на станцию. Леди шла по платформе, как во сне, но, когда они стали сажать ее в поезд, она ожила и давай отбиваться. Они впихнули ее в вагон. Она стала опять вырываться. Я вступился за нее, посадил ее в свой кэб, и вот мы здесь. Никогда не забуду, с каким лицом глядел на меня в окно вагона этот человек, когда я ее уводил. Его бы воля — не долго б я пожил на свете. Черные глаза, лицо желтое, сам осклабился — сущий дьявол!



Мы внесли женщину наверх, уложили на диван, и две чашки крепчайшего кофе быстро разогнали пары опиума и прояснили ее мысли. Холмс вызвал Бэйнса и коротко объяснил ему, как обстоит дело.

— Прекрасно, сэр, вы мне доставили то, чего мне не хватало, — показания свидетельницы, — с жаром сказал инспектор, пожимая руку моему другу. — Я ведь с самого начала шел с вами по одному и тому же следу.

— Как? Вы подозревали Хендерсона?

— Когда вы, мистер Холмс, прятались в кустах у Дозорной Башни, я там сидел в саду на дереве и смотрел на вас сверху. Все дело было в том, кто первый добудет доказательства.

— Зачем же тогда вы арестовали мулата?

Бэйнс усмехнулся.

— Я был уверен, что этот Хендерсон, как он себя называет, понял, что попал под подозрение, и,

значит, будет начеку и не шелохнется, куда чует над собой опасность. Вот я и арестовал не того человека — пусть его думает, что у нас другие подозрения. Я знал, что тут он, вероятно, попробует смыться и даст нам возможность подобраться к мисс Вернет.

Холмс положил руку на плечо инспектору.

— Вы далеко пойдете в своей профессии, — сказал он. — У вас есть чутье и интуиция.

Бэйнс покраснел от удовольствия.

— У меня всю неделю караулил на станции сотрудник в штатской одежде. Куда бы кто из «Башни» ни поехал, он проследил бы. Но когда мисс Вернет вырвалась, он, видно, растерялся. К счастью, ваш человек ее подхватил, и все обернулось благополучно. Мы, ясное дело, не можем арестовать их без ее показаний, так что чем скорей мы снимем допрос, тем лучше.

— Она приходит в себя, — сказал Холмс, поглядев на гувернантку. — Но скажите мне, Бэйнс, кто он, этот Хендерсон?

— Хендерсон, — ответил инспектор, — это дон Мурильо, известный когда-то под прозвищем Тигра из Сан-Педро.

Тигр из Сан-Педро! Вся его история мгновенно пронеслась в моей памяти. За ним утвердилась слава самого низкого, кровожадного тирана, какой когда-либо правил страной, притязающей на цивилизованность. Сильный, бесстрашный, энергичный — этих качеств оказалось довольно, чтобы он мог принудить уstraшенный народ терпеть его мерзкие пороки чуть не двенадцать лет. Его имя повергало в ужас всю Центральную Америку. К концу этого срока поднялось против него всеобщее восстание. Но он был так же хитер, как жесток, и при первом же слухе о надвигающихся беспорядках тайно вывез свои богатства на пароходе с экипажем из своих приверженцев. На другой день повстанцы ворвались в пустой дворец. Диктатор, его двое детей, его секретарь, его сокровища — все ускользнуло от них. С этого часа он исчез из мира, и в европейской печати часто обсуждалось, не скрывается ли он за той или другою личностью.

— Да, сэр, дон Мурильо, Тигр из Сан-Педро, — продолжал Бэйнс. — Загляните в справочник, и вы увидите, что цвета Сан-Педро — зеленый и белый, те же, что в нашей записке, мистер Холмс. Он взял себе имя «Хендерсон», но я проследил его через Париж, Рим и Мадрид вплоть до Барселоны, где пришвартовался его пароход в восемьдесят шестом году. Все это время его разыскивали, чтобы отомстить ему, но только недавно им удалось его выследить.

— Его нашли год тому назад, — сказала мисс Вернет. Приподнявшись на локте, она теперь напряженно следила за разговором. — Было уже одно покушение на его жизнь, но какой-то злой гений ограждает его. Вот и сейчас благородный, рыцарственный Гарсия погиб, а это чудовище вышло невредимым. Но придет другой и третий, пока однажды не совершится над злодеем правый суд. Это верно, как то, что завтра встанет солнце. — Ее худые руки сжались в кулаки, и страстная ненависть выбелила ее изможденное лицо.

— Но как вы, мисс Вернет, оказались втянуты в это дело? — спросил Холмс. — Дама, англичанка, вдруг вступает в заговор убийц?

— Я вступила в заговор, потому что только таким путем могли свершиться правосудие. Какое дело английскому закону до моря крови, пролитой много лет назад в Сан-Педро, или до судна, груженного ценностями, которые украдены этим человеком? Для вас это все равно как преступления, совершенные на другой планете. Но мы-то знаем. Мы знаем правду, выстраданную в горе и муках. Для нас нет в преисподней дьявола, подобного Хуану Мурильо, и нет на земле покоя, пока его жертвы еще взывают о мести.

— Он, бесспорно, таков, как вы говорите, — вставил Холмс. — Я слышан о его жестокости. Но как это коснулось лично вас?

— Расскажу вам все. Этот негодяй избрал своим политическим принципом расправляться под тем или другим предлогом с каждым, кто мог бы со временем стать для него опасным соперником. Мой муж (да, мое настоящее имя — сеньора Висенте Дурандо), мой муж, Висенте Дурандо, был посланником Сан-Педро в Лондоне. Здесь мы встретились с ним, и он на мне женился. Не было на земле человека благородней его. На мое горе Мурильо прослышал о его даровитости, отозвал его под каким-то предлогом и отдал под расстрел. Предчувствуя свою судьбу, муж отказался взять меня с собой. Его земли и все имущество были конфискованы, я осталась одна со своим горем и без

средств к существованию.

Потом произошло падение тирана. Он бежал, как вы сейчас рассказывали. Но многие из тех, чью жизнь он искалечил, чьи родные и близкие претерпели пытки и смерть от его руки, не примирились с таким исходом. Они сплотились в союз, который не распадется до тех пор, пока не сделает своего дела. Как только мы разведали, что низвергнутый деспот скрывается под видом Хендерсона, на меня возложили задачу наняться к нему на службу и извещать остальных при его переездах. Мне удалось выполнить задачу, получив место гувернантки в его доме. Он и не подозревал, что каждый день садится за стол с той самой женщиной, мужа которой он без суда, единым росчерком пера послал на казнь. Я улыбалась ему, добросовестно воспитывала его дочерей — и ждала своего часа. Одно покушение было сделано в Париже и сорвалось. Мы металась туда и сюда по Европе, чтобы сбить преследователей со следа, и наконец вернулись в этот дом, который он снял еще при первом своем приезде в Англию.

Но и здесь ждали вершители правосудия. Понимая, что он непременно вернется сюда, Гарсия, чей отец до Мурильо занимал в Сан-Педро высший правительственный пост, ждал его здесь с двумя своими верными товарищами — людьми невысокого звания, но которым, как и ему, было за что мстить. Днем он едва ли смог бы что-то сделать, так как Мурильо соблюдал всемерную осторожность и не выходил из дому иначе, как в сопровождении своего сподвижника Лукаса, или Лопеса, как его именовали в дни его величия. Ночью, однако, он спал один, и тут мститель мог бы к нему подобраться. Однажды вечером, как было заранее условлено, я собралась послать другу последние указания, так как Мурильо был всегда настороже и непрестанно менял спальню. Я должна была проследить, чтобы входная дверь была не заперта, и зеленым или белым светом в окне дать знать, что все благополучно или что попытку лучше отложить.

Но все у нас пошло кривь и вкось. Я чем-то возбудила подозрение у Лопеса, секретаря. Он подкрался сзади и, как только я дописала записку, набросился на меня. Вдвоем с хозяином он уволок меня в мою комнату, и здесь они держали надо мною суд как над уличенной предательницей. Во время суда они не раз готовы были всадить в меня нож — и всадили бы, когда бы знали, как потом уйти от ответа. Наконец после долгих споров они пришли к заключению, что убивать меня слишком опасно. Но они решили раз и навсегда разделаться с Гарсией. Мне заткнули рот, и Мурильо выкручивал мне руки до тех пор, пока я не дала ему адрес. Клянусь вам, я дала бы ему выкрутить их вовсе, если бы знала, что грозило Гарсии. Лопес сам надписал адрес на моей записке, запечатал ее своею запонкой и отправил ее со слугой, испанцем Хосе. Как они его убили, я не знаю, одно мне ясно, — что погиб он от руки Мурильо, потому что Лопес остался стеречь меня. Дорога вьется по зарослям дрока, так он, должно быть, подстерег его в кустах и там оглушил его и прикончил.



Сперва они думали дать Гарсии войти в дом и затем убить, как будто пойманного с поличным грабителя; но потом рассудили, что если их припугают к следствию и станут снимать с них допрос, то сразу откроется, кто они такие, и огласка вскоре навлечет на них новое покушение. А так со смертью Гарсии преследование могло и вовсе прекратиться, потому что эта прямая расправа отпугнула бы других от подобных попыток.

Они теперь могли бы успокоиться, если бы не то, что я знала об их преступлении. Я не сомневаюсь, что моя жизнь не раз висела на волоске. Меня заперли в моей комнате, грозили мне всякими ужасами, всячески истязали, чтобы сломить мой дух — видите эту ножевую рану на моем плече, эти синяки по всей руке, — а когда я попробовала раз закричать в окно, мне забили в горло кляп. Пять дней длилось это тюремное заключение, и есть мне давали совсем мало — только-только, чтобы с голоду не умереть. Сегодня к часу дня мне принесли хороший завтрак, но я сразу поняла, что в него чего-то намешали. Помню, меня в каком-то полусне не то вели, не то несли к карете; в том же состоянии посадили в поезд. Только, когда дернулись колеса, я вдруг поняла, что моя свобода в моих руках. Я соскочила, меня пробовали втащить обратно, и, если бы не пришел на помощь этот добрый человек, который усадил меня в свой кэб, мне бы не вырваться от них. Теперь, слава Богу, им уже мной не завладеть никогда.

Мы все напряженно слушали этот удивительный рассказ.

Первым прервал молчание Холмс.

— Трудности для нас еще не кончились, — заметил он, покачав головой. — С полицией наше дело закончено, начинается работа для суда.

— В том-то и суть, — сказал я. — Ловкий адвокат сумеет представить это как меру самозащиты. За ними может числиться сотня преступлений, но судить их будут сейчас только за это одно.

— Ну нет! — бойко возразил Бэйнс. — Не так он плох, наш закон. Самозащита — это одно. А умышленно заманить человека с целью убить его — это совсем другое, какой бы опасности вы от него ни страшились. Нет, нет, нам ничего не поставят в вину, когда обитатели Дозорной Башни предстанут пред судом на ближайшей сессии в Гилдфорде.

История, однако, говорит, что если Тигр из Сан-Педро получил наконец по заслугам, то это случилось еще не сразу. Коварный и смелый, он со своим сообщником ушел от преследователей, зайдя на Эдмонтон-стрит в какой-то пансион и выйдя из него задними воротами на Керзон-сквер.

С того дня в Англии их больше не видели. А полгода спустя в Мадриде, в гостинице «Эскуриал», были убиты в своих номерах некий маркиз Монтальва и его секретарь, сеньор Рулли. Преступление приписывалось нигилистам, но захватить убийц так и не удалось. Инспектор Бэйнс зашел к нам на Бейкер-стрит и показал газету, где описывались темное лицо секретаря и властные черты хозяина, его магнетические черные глаза, его косматые брови. У нас не осталось сомнений, что правосудие, хоть и запоздалое, наконец свершилось.

— Сумбурное дело, мой дорогой Уотсон, — сказал Холмс, покуривая свою вечернюю трубку. — Вам едва ли удастся представить его в том сжатом изложении, которое так любезно вашему сердцу. Оно раскинулось на два материка, охватывает две группы таинственных личностей и вдобавок осложняется присутствием респектабельного гостя, нашего друга Скотт-Эклса, привлечение которого показывает мне, что покойный Гарсия обладал вкусом к интриге и развитым инстинктом самосохранения. Тут замечательно только то, что в дебрях всяческих возможностей мы с нашим достойным сотрудником, инспектором Бэйном, оба цепко ухватились за самое существенное, и это правильно вело нас по извилям кривой тропы. Что-нибудь все-таки остается, что не совсем вам ясно?

— Чего ради возвращался повар-мулат?

— Думаю, на это нам ответит та странная вещь на кухне. Человек этот — неразвитый дикарь из глухих лесов Сан-Педро, и это был его фетиш. Когда он со своим товарищем бежал в их заранее подготовленное убежище, где, несомненно, уже засел кто-то из их сообщников, товарищ уговорил его не брать с собой такую громоздкую улику. Но сердце мулата не могло от нее оторваться, и на другой же день он потянулся к ней. Заглядывает в окно, видит полисмена Уолтерса — дом занят! Он переждал еще три дня, и тут его вера или его суеверие толкнули его сделать новую попытку. Ин-

спектор Бэйнс, хотя передо мной и делал вид, что недооценивает этот инцидент, на самом деле со свойственной ему пронизательностью понял все его значение и расставил мулату ловушку, в которую тот и попался. Что-нибудь еще, Уотсон?

— Растерзанная птица, кровь в ведре, обугленные кости — вся тайна ведьминской кухни.

Холмс улыбался, раскрывая свой блокнот на длинной выписке.

— Я провел целое утро в Британском музее, читая по этим и смежным вопросам. Вот вам цитата из книги Эккермана «Вудуизм и негритянские религии»:

«Убежденный вудуист никогда не приступит ни к какому важному делу, не принеся установленной жертвы своим нечистым Богам, дабы умиловить их. В чрезвычайных случаях эти обряды принимают вид человеческого жертвоприношения, сопровождающегося людоедством. Обычно же в жертву приносится белый петух, которого раздирают на куски живьем, или черный козел, которому перерезают горло, а тело сжигают».

Как видите, наш темнокожий друг проводил обряд по всем правилам своей религии. Да, Уотсон, дикая история, — добавил Холмс, медленно закрывая на застежку свой блокнот, — но, как я имел уже случай заметить, от дикого до ужасного только шаг.²

Arthur Conan Doyle

Картонная коробка

Выбирая несколько типичных дел, иллюстрирующих замечательные свойства ума моего друга Шерлока Холмса, я старался, насколько возможно, отыскать среди них наименее сенсационные, но в то же время открывающие широкое поле для его талантов. Однако, к сожалению, совершенно не-

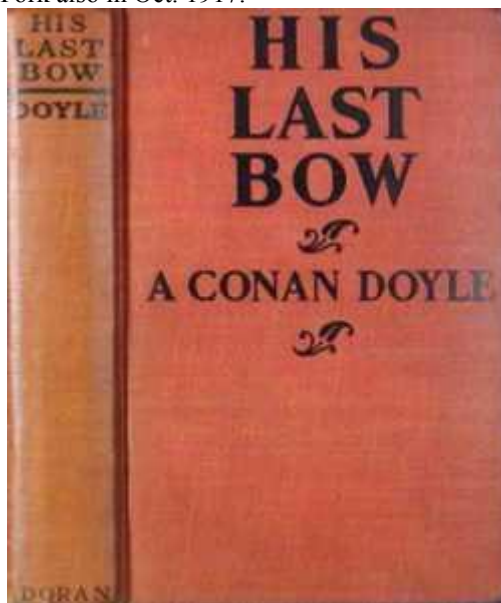
² **The Adventure of Wisteria Lodge**

Part 1. The Singular Experience of Mr. John Scott Eccles

Part 2. The Tiger of San Pedro

First published in the Collier's Weekly Magazine, Aug. 1908, with 6 illustrations by Frederic Dorr Steele, and in the Strand Magazine, Sept...Oct. 1908, with 10 illustrations by Arthur Twidle.

The whole collection was first published in Oct. 1917 by John Murray in an edition of 10,684 copies. First American edition published by the G. H. Doran Co. in New York also in Oct. 1917.



возможно отделить сенсационное от криминального, и летописец оказывается перед дилеммой: он должен либо пожертвовать подробностями, необходимыми для его отчета, и, следовательно, дать неверное представление о деле в целом, либо использовать материалы, которые дает ему не выбор, а случай. После этого краткого вступления я перехожу к моим запискам о странной и в своем роде ужасной цепи событий.

Стоял неимоверно жаркий августовский день. Бейкер-стрит была раскалена, как печь, и ослепительный блеск солнца на желтом кирпиче дома напротив резал глаза. Трудно было поверить, что это те самые стены, которые так мрачно глядели сквозь зимний туман. Шторы у нас были наполовину спущены, и Холмс, поджав ноги, лежал на диване, читая и перечитывая письмо, полученное с утренней почтой. Сам я за время службы в Индии привык переносить жару лучше, чем холод, и тридцать три градуса выше нуля не особенно меня тяготили. Но в утренних газетах не было ничего интересного. Сессия парламента закрылась. Все уехали за город, и я начал тосковать по полянам Нью-Фореста и по каменистому пляжу Саутси. Однако истощенный банковский счет заставил меня отложить отпуск, а что касается моего друга, то ни сельская местность, ни море никак не привлекали его. Ему нравилось затаиться среди пяти миллионов людей, перебирая их своими щупальцами и чутко ловя каждый слух или подозрение о неразгаданном преступлении. Любви к природе не нашлось места среди множества его достоинств, и он изменял себе лишь тогда, когда оставлял в покое городского злодея и начинал выслеживать его деревенского собрата.



Увидев, что Холмс слишком поглощен чтением, чтобы беседовать со мной, я отбросил скучную газету и, откинувшись на спинку кресла, погрузился в размышления. Внезапно голос моего друга прервал их.

— Вы правы, Уотсон, — сказал он. — Это совершенно нелепый способ решать споры.

— Совершенно нелепый! — воскликнул я и, внезапно поняв, что он угадал мою невысказанную мысль, подскочил в кресле и в изумлении уставился на него.

— Что это. Холмс? — вскричал я. — Я просто не представляю себе, как это возможно.

Он от души рассмеялся, видя мое недоумение.

— Помните, — сказал он, — не так давно, когда я прочел вам отрывок из рассказа По, в котором логически рассуждающий наблюдатель следит за внутренним ходом мыслей своего собеседника, вы были склонны рассматривать это просто как *tour de force*³ автора. Я же сказал, что постоянно занимаюсь тем же, но вы мне не поверили.

— Ну что вы!

— Возможно, вы не выразили этого словами, дорогой Уотсон, но бровями выразили несомненно. Итак, когда я увидел, что вы отложили газету и задумались, я был рад возможности прочесть ваши мысли и под конец ворваться в них в доказательство того, что я не отстал от вас ни на шаг.

Но я все же далеко не был удовлетворен таким объяснением.

— В том отрывке, который вы прочли мне, — сказал я, — наблюдатель делает свои умозаклю-

³ Фокус, выдумка (франц.)

чения на основании действий человека, за которым он наблюдает. Насколько я помню, этот человек споткнулся о кучу камней, посмотрел на звезды и так далее. Но я спокойно сидел в кресле. Какой же ключ я мог вам дать?

— Вы несправедливы к себе. Человеку даны черты лица как средство для выражения эмоций, и ваши верно служат вам.

— Вы хотите сказать, что прочли мои мысли по лицу?

— По лицу и особенно по глазам. Вероятно, вы сами не можете теперь вспомнить, с чего начались ваши размышления.

— Не могу.

— Тогда я скажу вам. Отложив газету — это и было действием, которое привлекло к вам мое внимание, — вы полминуты сидели с отсутствующим видом. Затем ваши глаза остановились на недавно вставленном в раму портрете генерала Гордона⁴, и по тому, как изменилось ваше лицо, я понял, что размышления начались. Но они увели вас не очень далеко. Вы бросили взгляд на портрет Генри Уорда Бичера⁵, который без рамы стоит на ваших книгах. Затем вы посмотрели вверх на стену, и ваша мысль стала ясна. Вы подумали, что, если вставить этот портрет в раму, он как раз и займет пустое пространство и будет хорошо сочетаться с портретом Гордона.

— Вы удивительно проследили за мной! — воскликнул я.

— До сих пор я едва ли мог ошибиться. Но тут ваши мысли вернулись к Бичеру, и вы посмотрели на него внимательно, даже испытующе. Затем вы перестали щуриться, но продолжали смотреть на портрет, и ваше лицо стало задумчивым. Вы вспоминали эпизоды карьеры Бичера. Я прекрасно понимал, что при этом вы не можете не думать о той миссии, которую он выполнял по поручению северян во время Гражданской войны, потому что я помню ваше негодование по поводу того, как его встретили наиболее нетерпимые наши сограждане. Вы были так возмущены, что, разумеется, думая о Бичере, не могли не подумать и об этом. Когда через секунду вы отвели глаза от портрета, я предположил, что ваши мысли обратились к Гражданской войне, а заметив, как сжались ваши губы, засверкали глаза, а руки стиснули подлокотники кресла, я уже не сомневался, что вы в самом деле думаете о храбрости, проявленной обеими сторонами в этой отчаянной борьбе. Но затем на ваше лицо снова набежала тень; вы покачали головой. Вы размышляли об ужасах войны и бесполезных человеческих жертвах. Ваша рука потянулась к старой ране, а губы искривились в усмешке — я понял, что нелепость такого способа разрешения международных конфликтов стала вам ясна. Тут я согласился, что это нелепо, и был рад обнаружить, что все мои заключения оказались правильными.

— Абсолютно! — сказал я. — Но и теперь, когда вы мне все объяснили, признаюсь, я не перестаю удивляться.

— Все это было очень поверхностно, дорогой Уотсон, уверяю вас. Я не стал бы отвлекать этим вашего внимания, не вырази вы недоверия в тот раз. Но вот здесь у меня в руках задача, решение которой может оказаться труднее, чем этот маленький опыт чтения мыслей. Видели ли вы в газете коротенькую заметку об удивительном содержании пакета, присланного по почте некой мисс Кушинг на Кросс-стрит, в Кройдоне?

— Нет, я ничего такого не видел.

— Так, значит, вы пропустили ее. Бросьте-ка мне газету. Смотрите, вот тут, под финансовым обзором. Не будете ли вы любезны прочесть ее вслух?

Я поднял газету, которую он бросил мне обратно, и прочел указанную заметку. Она была озаглавлена «Страшная посылка».

⁴ Гордон, Чарльз Джордж (1833–1885) — английский генерал. В начале 1884 года был послан английским правительством для подавления махдистского освободительного восстания в Судане и в январе 1885 года был убит при взятии повстанцами Хартума.

⁵ Бичер, Генри Уорд (1813–1887) — американский священник, брат Г. Бичер-Стоу — автора «Хижины дяди Тома». Сторонник женского равноправия, противник рабства. В 1863 году приезжал в Англию с циклом лекций об освобождении негров.

«Мисс Сьюзен Кушинг, проживающая на Кросс-стрит, в Кройдоне, стала жертвой возмутительнейшей шутки, если только не окажется, что это происшествие имеет более зловещий смысл. Вчера в два часа дня почтальон принес ей небольшой пакет, завернутый в бумагу. Это была картонная коробка, наполненная крупной солью. Высыпав соль, мисс Кушинг в ужасе обнаружила два человеческих уха, отрезанных, по-видимому, совсем недавно. Коробка была отправлена по почте из Белфаста накануне утром. Отправитель не указан, и таинственность дела усугубляется тем, что мисс Кушинг, незамужняя особа пятидесяти лет, ведет самый уединенный образ жизни и имеет так мало знакомых и корреспондентов, что очень редко получает что-либо по почте.

Однако несколько лет назад, живя в Пендже⁶, она сдавала в своем доме комнаты трем молодым студентам-медикам, от которых была вынуждена избавиться вследствие их шумливости и распущенности. Полиция считает, что безобразный поступок, возможно, является делом рук этих молодых людей, которые имели зуб на мисс Кушинг и хотели напугать ее, послав ей этот сувенир из анатомического театра. Некоторое правдоподобие этой версии придает тот факт, что один из студентов раньше жил в Северной Ирландии, насколько известно мисс Кушинг, — в Белфасте. А пока ведется энергичное расследование, порученное мистеру Лестрейду, одному из лучших агентов нашей сыскной полиции».

— С «Дейли кроникл» все, — сказал Холмс, когда я дочитал статью. — Теперь послушаем нашего друга Лестрейда. Утром я получил от него записку, в которой он пишет:

«Я думаю, что это дело придется Вам очень по вкусу. Мы надеемся довести его до конца, но у нас возникли некоторые трудности в связи с отсутствием материала. Мы, разумеется, телеграфировали в белфастский почтамт, но в тот день было отправлено много посылок, и они ничего не могут сказать про эту и не помнят ее отправителя. Коробка полуфунтовая, из-под паточного табака, и она нам ничего не дает.

Предположение насчет студента-медика все еще кажется мне наиболее вероятным, но если у Вас есть несколько свободных часов, я был бы очень рад видеть Вас здесь. Я весь день буду либо в этом доме, либо в полицейском участке».

— Что вы на это скажете, Уотсон? Можете ли вы презреть жару и поехать со мной в Кройдон с некоторой надеждой на новое дело для ваших анналов?

— Я как раз думал, чем бы мне заняться.

— Тогда у вас будет занятие. Позвоните, чтобы нам принесли ботинки, и пошлите за кэбом. Я буду готов через минуту, только сниму халат и напольшу портсигар.

Пока мы ехали в поезде, прошел дождь, и в Кройдоне жара была менее гнетущей, чем в столице. Перед отъездом Холмс отправил телеграмму, и Лестрейд, как всегда подвижной, щегольски одетый и похожий на хорька, встретил нас на станции. Через пять минут мы были на Кросс-стрит, где жила мисс Кушинг.

Это была очень длинная улица, застроенная двухэтажными кирпичными домами, чистенькими и немного чопорными; на белых каменных крылечках судачили женщины в передниках. Пройдя около половины улицы, Лестрейд остановился и постучал в дверь; на стук вышла девочка-служанка. Нас провели в гостиную, где сидела мисс Кушинг. У нее было спокойное лицо, большие кроткие глаза и седеющие волосы, закрывавшие виски. Она вышивала салфеточку для кресла, а рядом стояла корзинка с разноцветными шелками.

⁶ Пригород Лондона.



— Эта пакость лежит в сарае, — сказала она, когда Лестрейд вошел в комнату. — Хоть бы вы их совсем забрали!

— Я так и сделаю, мисс Кушинг. Я держал их здесь только для того, чтобы мой друг мистер Холмс мог взглянуть на них в вашем присутствии.

— А почему в моем присутствии, сэр?

— На случай, если он захочет вас о чем-нибудь спросить.

— Что тут еще спрашивать, раз я сказала вам, что ровно ничего об этом не знаю?

— Совершенно верно, сударыня, — сказал Холмс успокаивающе. — Не сомневаюсь, что вам больше чем достаточно надоели в связи с этим делом.

— Еще бы, сэр. Я человек скромный, живу тихо. Мне никогда не случалось видеть свое имя в газетах, и полиция у меня в доме не бывала. Я не позволю, чтобы эту пакость вносили сюда, мистер Лестрейд. Если вы хотите взглянуть на них, вам придется пойти в сарай.

Маленький сарай находился в узком садике за домом. Лестрейд вошел в сарай и вынес желтую картонную коробку, кусок оберточной бумаги и веревку. В конце дорожки была скамья, мы сели на нее, и Холмс принялся рассматривать предметы, которые Лестрейд передавал ему один за другим.

— Прелюбопытнейшая веревка, — заметил он, поднимая ее к свету и обнюхивая. — Что вы скажете об этой веревке, Лестрейд?

— Она просмолена.

— Совершенно верно. Это кусок просмоленного шпагата. Несомненно, вы заметили также, что мисс Кушинг разрешила веревку ножницами, это видно по двум срезам с каждой стороны. Это очень важно.

— Не понимаю, что тут важного, — сказал Лестрейд.

— Важно, что узел остался цел и что это узел особого рода.

— Он завязан очень аккуратно. Я уже обратил на это внимание, — не без самодовольства сказал Лестрейд.

— Ну, хватит о веревке, — сказал Холмс, улыбаясь, — теперь займемся упаковкой. Оберточная бумага с отчетливым запахом кофе. Как, вы этого не заметили? Здесь не может быть никакого сомнения. Адрес написан печатными буквами, довольно коряво: «Мисс С. Кушинг, Кросс-стрит, Кройдон». Написано толстым пером, возможно, «фондо», и очень плохими чернилами. Слово «Кройдон» вначале было написано через «е», которое затем изменено на «о». Итак, посылка была отправлена мужчиной — почерк явно мужской, — не очень образованным и не знающим Кройдона. Пойдем дальше. Коробка желтая, полуфунтовая, из-под паточного табака, ничем не примечательная, если не считать двух отпечатков больших пальцев в левом нижнем углу. Она наполнена крупной солью, которая применяется для хранения кож и для других промышленных целей, связанных с сырьем. И в соли находится весьма своеобразное вложение.

С этими словами он вытащил два уха и, положив себе на колено доску, стал внимательно их изучать, а мы с Лестрейдом, стоя по обе стороны, наклонились вперед и смотрели то на эти страш-

ные сувениры, то на серьезное, сосредоточенное лицо нашего спутника. Наконец он положил их обратно в коробку и некоторое время сидел, глубоко задумавшись.



— Вы заметили, конечно, — сказал он наконец, — что это непарные уши.

— Да, это я заметил. Но если это шутка каких-нибудь студентов-медиков, им ничего не стоило послать и два непарных уха и пару.

— Совершенно правильно. Но это не шутка.

— Вы в этом убеждены?

— Много в этом убеждает. Для работы в анатомическом театре в трупы вводят консервирующий раствор. На этих ушах его не заметно. Кроме того, они свежие. Они были отрезаны тупым инструментом, что едва ли могло бы случиться, если бы это делал студент. Далее, в качестве консервирующего вещества медик, естественно, выбрал бы раствор карболки или спирт и уж, конечно, не крупную соль. Повторяю: это не розыгрыш, перед нами серьезное преступление.

Легкая дрожь пробежала по моему телу, когда я услышал слова Холмса и увидел его помрачневшее лицо. За этим решительным вступлением таилось нечто странное, необъяснимое и ужасное. Лестрейд, однако, покачал головой, как человек, которого убедили только наполовину.

— Несомненно, кое-что говорит против версии с розыгрышем, — сказал он, — но против другой версии есть более сильные аргументы. Мы знаем, что эта женщина в течение последних двадцати лет, как в Пендже, так и здесь, жила самой тихой и добропорядочной жизнью. За это время она едва ли провела хоть один день вне дома. С какой же стати преступник станет посылать ей доказательство своей вины, тем более, что она — если только она не превосходная актриса — понимает в этом так же мало, как и мы?

— Это и есть задача, которую мы должны решить, — ответил Холмс, — и я, со своей стороны, начну с предположения, что мои рассуждения правильны и что было совершено двойное убийство. Одно из этих ушей женское, маленькое, красивой формы, с проколом для серьги. Второе — мужское, загорелое и также с проколом для серьги. Эти два человека, по-видимому, мертвы, иначе мы бы уже слышали о них. Сегодня пятница. Посылка была отправлена в четверг утром. Следовательно, трагедия произошла в среду, или во вторник, или раньше. Если эти два человека были убиты, кто, кроме самого их убийцы, мог послать мисс Кушинг это свидетельство его преступления? Будем считать, что отправитель пакета и есть тот человек, которого мы ищем. Но у него должны быть веские причины для отправки этого пакета мисс Кушинг. Что же это за причины? Должно быть, необходимость сообщить ей, что дело сделано! Или, может быть, желание причинить ей боль. Но тогда она должна знать, кто этот человек. А знает ли она это? Сомневаюсь. Если она знает, зачем ей было звать полицию? Она могла закопать уши, и все осталось бы в тайне. Так она поступила бы, если бы хотела покрыть преступника. А если она не хотела его покрывать, она назвала бы его имя. Вот головоломка, которую нужно решить.

Он говорил быстро, высоким, звонким голосом, глядя невидящим взором поверх садовой

ограды, потом проворно вскочил на ноги и пошел к дому.

— Я хочу задать несколько вопросов мисс Кушинг, — сказал он.

— В таком случае я вас покину, — сказал Лестрейд, — потому что у меня здесь есть еще одно дельце. Я думаю, что от мисс Кушинг мне больше ничего не нужно. Вы найдете меня в полицейском участке.

— Мы зайдем туда по дороге на станцию, — отозвался Холмс.

Через минуту мы были снова в гостиной, где мисс Кушинг продолжала спокойно и безмятежно вышивать свою салфеточку. Когда мы вошли, она положила ее на колени и устремила на нас открытый, испытующий взгляд своих голубых глаз.

— Я убеждена, сэр, — сказала она, — что это ошибка и посылка предназначалась вовсе не мне. Я несколько раз говорила это джентльмену из Скотленд-Ярда, но он только смеется надо мной. Насколько я знаю, у меня нет ни одного врага на свете, так зачем же вдруг кому-то понадобилось сыграть со мной такую шутку?

— Я склоняюсь к такому же мнению, мисс Кушинг, — сказал Холмс, садясь рядом с ней. — По-моему, более чем вероятно...

— Он умолк, и я, посмотрев в его сторону, с удивлением увидел, что он впился глазами в ее профиль. Удивление, а затем и удовлетворение промелькнули на его энергичном лице, но, когда она взглянула на него, чтобы узнать причину его молчания, он уже всецело овладел собой. Теперь и я, в свою очередь, пристально посмотрел на ее гладко причесанные седеющие волосы, опрятный чепец, маленькие позолоченные серьги, спокойное лицо; но я не увидел ничего, что могло бы объяснить явное волнение моего друга.

— Я хочу задать вам несколько вопросов...

— Ох, надоели мне эти вопросы! — раздраженно воскликнула мисс Кушинг.

— По-моему, у вас есть две сестры.

— Откуда вы знаете?

— Как только я вошел в комнату, я заметил на камине групповой портрет трех женщин, одна из которых, несомненно, вы сами, а другие так похожи на вас, что родство не подлежит сомнению.

— Да, вы совершенно правы. Это мои сестры — Сара и Мэри.

— А вот тут, рядом со мной, висит другой портрет, сделанный в Ливерпуле, портрет вашей младшей сестры и какого-то мужчины, судя по одежде — стюарда. Я вижу, что она в то время не была замужем.

— Вы очень быстро все замечаете.

— Это моя профессия.

— Ну что же, вы совершенно правы. Но она вышла замуж за мистера Браунера через несколько дней после этого. Когда был сделан снимок, он служил на Южноамериканской линии, но он так любил мою сестру, что не мог вынести долгой разлуки с ней и перевелся на пароходы, которые ходят между Ливерпулем и Лондоном.

— Случайно не на «Победителя»?

— Нет, на «Майский день», насколько я знаю. Джим однажды приезжал сюда ко мне в гости. Это было до того, как он нарушил свое обещание не пить; а потом он всегда пил, когда бывал на берегу, и от самой малости становился как сумасшедший. Да! Плохой это был день когда его снова потянуло к бутылке. Сначала он поссорился со мной, потом с Сарой, а теперь Мэри перестала нам писать, и мы не знаем, что с ними.

Тема эта явно волновала мисс Кушинг. Как большинство одиноких людей, она вначале стеснялась, но под конец стала чрезвычайно разговорчивой. Она рассказала нам много подробностей о своем зяте-стюарде, а затем, перейдя к своим бывшим постояльцам — студентам-медикам, долго перечисляла все их провинности, сообщила их имена и названия больниц, где они работали. Холмс слушал внимательно, время от времени задавая вопросы.

— Теперь о вашей средней сестре, Саре, — сказал он. — Как-то удивительно, что вы не живете одним домом, раз вы обе не замужем.

— Ах! Вы не знаете, какой у нее характер, а то бы не удивлялись. Я попыталась было, когда переехала в Кройдон, и мы жили вместе до недавнего времени — всего месяца два прошло, как мы

расстались. Не хочется говорить плохое про родную сестру, но она, Сара, всегда лезет не в свое дело и привередничает.

— Вы говорите, что она поссорилась с вашими ливерпульскими родственниками?

— Да, а одно время они были лучшими друзьями. Она даже поселилась там, чтобы быть рядом с ними. А теперь не знает, как покрепче обругать Джима Браунера. Последние полгода, что она жила здесь, она только и говорила, что о его пьянстве и скверных привычках. Наверно, он поймал ее на какой-нибудь сплетне и сказал ей пару теплых слов; ну, тут все и началось.

— Благодарю вас, мисс Кушинг, — сказал Холмс, вставая и откланиваясь. — Ваша сестра Сара живет, кажется, в Уоллингтоне, на Нью-стрит? Всего хорошего, мне очень жаль, что пришлось вас беспокоить по делу, к которому, как вы и говорите, вы не имеете никакого отношения.



Когда мы вышли на улицу, мимо проезжал кэб, и Холмс окликнул его.

— Далеко ли до Уоллингтона? — спросил он.

— Всего около мили, сэр.

— Отлично. Садитесь, Уотсон. Надо ковать железо, пока горячо. Хоть дело и простое, с ним связаны кое-какие поучительные детали. Эй, остановитесь возле телеграфа, когда будем проезжать мимо.

Холмс отправил короткую телеграмму и всю остальную часть пути сидел в кэбе, развалившись и надвинув шляпу на нос, чтобы защититься от солнца. Наш возница остановился у дома, похожего на тот, который мы только что покинули. Мой спутник приказал ему подождать, но едва он взялся за дверной молоток, как дверь отворилась, и на пороге появился серьезный молодой джентльмен в черном, с очень блестящим цилиндром в руке.

— Мисс Кушинг дома? — спросил Холмс.

— Мисс Сара Кушинг серьезно больна, — ответил тот. — Со вчерашнего дня у нее появились симптомы тяжелого мозгового заболевания. Как ее врач, я ни в коем случае не могу взять на себя ответственность и пустить к ней кого-либо. Советую вам зайти дней через десять.

Он надел перчатки, закрыл дверь и зашагал по улице.

— Ну что ж, нельзя — значит, нельзя, — бодро сказал Холмс.

— Вероятно, она и не смогла бы, а то и не захотела бы много вам сказать.

— А мне вовсе и не нужно, чтобы она мне что-нибудь говорила. Я хотел только посмотреть на нее. Впрочем, по-моему, у меня и так есть все, что надо... Отвезите нас в какой-нибудь приличный отель, где можно позавтракать, а потом мы поедem к нашему другу Лестрейду в полицейский участок.

Мы отлично позавтракали; за столом Холмс говорил только о скрипках и с большим воодушевлением рассказал, как он за пятьдесят пять шиллингов купил у одного еврея, торгующего подержанными вещами на Тоттенхем-Корт-роуд, скрипку Страдивариуса, которая стоила по меньшей мере

пятьсот гиней. От скрипок он перешел к Паганини, и мы около часа просидели за бутылкой кларета, пока он рассказывал мне одну за другой истории об этом необыкновенном человеке. Было уже далеко за полдень, и жаркий блеск солнца сменился приятным мягким светом, когда мы приехали в полицейский участок. Лестрейд ждал нас у двери.

— Вам телеграмма, мистер Холмс, — сказал он.

— Ха, это ответ! — Он распечатал ее, пробежал глазами и сунул в карман. — Все в порядке, — сказал он.

— Вы что-нибудь выяснили?

— Я выяснил все!

— Что? — Лестрейд посмотрел на него в изумлении. — Вы шутите.

— Никогда в жизни не был серьезнее. Совершенно ужасное преступление, и теперь, мне кажется, я раскрыл все его детали.

— А преступник?

Холмс нацарапал несколько слов на обороте своей визитной карточки и бросил ее Лестрейду.

— Вот о ком идет речь, — сказал он. — Произвести арест можно будет самое раннее завтра вечером. Я просил бы вас не упоминать обо мне в связи с этим делом, ибо я хочу, чтобы мое имя называли только в тех случаях, когда разгадка преступления представляет известную трудность. Идемте, Уотсон.

Мы зашагали к станции, а Лестрейд так и остался стоять, восхищенно глядя на карточку, которую бросил ему Холмс.

— В этом деле, — сказал Шерлок Холмс, когда мы, закулив сигары, беседовали вечером в нашей квартире на Бейкер-стрит, — как и в расследованиях, которые вы занесли в свою хронику под заглавиями «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех», мы были вынуждены рассуждать в обратном порядке, идя от следствий к причинам. Я написал Лестрейду с просьбой сообщить нам недостающие подробности, которые он узнает только после того, как возьмет преступника. А об этом можно не беспокоиться, потому что, несмотря на полное отсутствие ума, он вцепится, как бульдог, если поймет, что надо делать; эта-то цепкость и помогла ему сделать карьеру в Скотленд-Ярде.

— Значит, вам еще не все ясно? — спросил я.

— В основном все. Мы знаем, кто совершил это отвратительное преступление, хотя одна из жертв нам еще неизвестна. Конечно, вы уже пришли к какому-то выводу.

— Очевидно, вы подозреваете этого Джима Браунера, стюарда с ливерпульского парохода?

— О! Это больше чем подозрение.

— И все же я не вижу ничего, кроме весьма неопределенных указаний.

— Напротив, по-моему, ничто не может быть яснее. Давайте еще раз пройдем по основным этапам нашего расследования. Как вы помните, мы подошли к делу абсолютно непредвзято, что всегда является большим преимуществом. У нас не было заранее построенной теории. Мы просто отправились туда, чтобы наблюдать и делать выводы из наших наблюдений. Что мы увидели прежде всего? Очень спокойную и почтенную женщину, судя по всему, не имеющую никаких тайн, и фотографию, из которой я узнал, что у нее есть две младших сестры. Тогда же у меня мелькнула мысль, что коробка могла предназначаться одной из них. Но я оставил эту мысль, решив, что подтвердить ее или опровергнуть еще успею. Затем, как вы помните, мы пошли в сад и увидели необычайное содержимое маленькой желтой коробки.

Веревка была такая, какой шьют паруса, и в нашем расследовании сразу же запахло морем. Когда я заметил, что она завязана распространенным морским узлом, что посылка была отправлена из порта и что в мужском ухе сделан прокол для серьги, а это чаще встречается у моряков, чем у людей сухопутных, мне стало совершенно ясно, что всех актеров этой трагедии надо искать поближе к кораблям и к морю.

Рассмотрев надпись на посылке, я обнаружил, что она адресована мисс С. Кушинг. Самая старшая сестра была бы, разумеется, просто мисс Кушинг, но хотя ее имя начинается на «С», с этой же буквы могло начинаться имя и одной из двух других. В таком случае расследование пришлось бы начинать сначала, совсем на другой основе. Для того, чтобы выяснить это обстоятельство, я и вернулся в дом. Я уже собирался заверить мисс Кушинг, что, по-моему, здесь произошла ошибка,

когда, как вы, вероятно, помните, я внезапно умолк. Дело в том, что я вдруг увидел нечто, страшно меня удивившее и в то же время чрезвычайно сузившее поле нашего расследования.

Будучи медиком, Уотсон, вы знаете, что нет такой части человеческого тела, которая была бы столь разнообразна, как ухо. Каждое ухо, как правило, очень индивидуально и отличается от всех остальных. В «Антропологическом журнале» за прошлый год вы можете найти две мои статейки на эту тему. Поэтому я осмотрел уши в коробке глазами специалиста и внимательно отметил их анатомические особенности. Вообразите мое удивление, когда, взглянув на мисс Кушинг, я понял, что ее ухо в точности соответствует женскому уху, которое я только что изучал. О совпадении не могло быть и речи. Передо мной была та же несколько укороченная ушная раковина, с таким же широким изгибом в верхней части, та же форма внутреннего хряща. Словом, судя повеем важнейшим признакам, это было то же самое ухо.

Конечно, я сразу понял огромную важность этого открытия. Ясно, что жертва находилась в кровном и, по-видимому, очень близком родстве с мисс Кушинг. Я заговорил с ней о ее семье, и вы помните, что она сразу сообщила нам ряд ценнейших подробностей.

Во-первых, имя ее сестры Сара, и адрес ее до недавнего времени был тот же самый, так что понятно, как произошла ошибка и кому посылка предназначалась. Затем мы услышали об этом стюарде, женатом на третьей сестре, и узнали, что одно время он был очень дружен с мисс Сарой и та даже переехала в Ливерпуль, чтобы быть ближе к Браунерам, но потом они поссорились. После этой ссоры все отношения между ними прервались на несколько месяцев, так что, если бы Браунер решил отправить посылку мисс Саре, он, несомненно, послал бы ее по старому адресу.

И вот дело начало удивительным образом проясняться. Мы узнали о существовании этого стюарда, человека неуравновешенного, порывистого, — вы помните, что он бросил превосходное, по-видимому, место, чтобы не покидать надолго жену, — и к тому же запойного пьяницы. Мы имели основание полагать, что его жена была убита и тогда же был убит какой-то мужчина — очевидно, моряк. Конечно, в качестве мотива преступления прежде всего напрашивалась ревность. Но почему эти доказательства совершенного злодеяния должна была получить мисс Сара Кушинг? Вероятно, потому, что за время своего пребывания в Ливерпуле она сыграла важную роль в событиях, которые привели к трагедии. Заметьте, что пароходы этой линии заходят в Белфаст, Дублин и Уотерфорд; таким образом, если предположить, что убийца — Браунер и что он сразу же сел на свой пароход «Майский день», Белфаст — первое место, откуда он мог отправить свою страшную посылку.



Но на этом этапе было возможно и другое решение, и, хотя я считал его очень маловероятным, я решил проверить себя, прежде чем двигаться дальше. Могло оказаться, что какой-нибудь неудачливый влюбленный убил мистера и миссис Браунер и мужское ухо принадлежит мужу. Против этой теории имелось много серьезных возражений, но все же она была допустима. Поэтому я послал телеграмму Элтару, моему другу из ливерпульской полиции, и попросил его узнать, дома ли миссис Браунер и отплыл ли мистер Браунер на «Майском дне». Затем мы с вами направились в Уоллингтон к мисс Саре.

Прежде всего мне любопытно было посмотреть, насколько точно повторяется у нее семейное ухо. Кроме того, она, конечно, могла сообщить нам очень важные сведения, но я не слишком надеялся, что она захочет это сделать. Она наверняка знала о том, что произошло накануне, поскольку об этом шумит весь Кройдон, и она одна могла понять, кому предназначалась посылка. Если бы она хотела помочь правосудию, она вероятно, уже связалась бы с полицией. Во всяком случае, повидать ее было нашей прямой обязанностью, и мы пошли. Мы узнали, что известие о прибытии посылки — ибо ее болезнь началась с того момента — произвело на нее такое впечатление, что вызвало горячку. Таким образом, окончательно выяснилось, что она поняла значение посылки, но не менее ясно было и то, что нам придется некоторое время подождать прежде чем она сможет оказать нам какое-то содействие.

Однако мы не зависели от ее помощи. Ответы ждали нас в полицейском участке, куда Элтар послал их по моей просьбе. Ничто не могло быть убедительнее. Дом миссис Браунер стоял запертый больше трех дней, и соседи полагали, что она уехала на юг к своим родственникам. В пароходном агентстве было установлено, что Браунер отплыл на «Майском дне», который, по моим расчетам, должен появиться на Темзе завтра вечером. Когда он придет, его встретит туповатый, но решительный Лестрейд, и я не сомневаюсь, что мы узнаем все недостающие подробности.

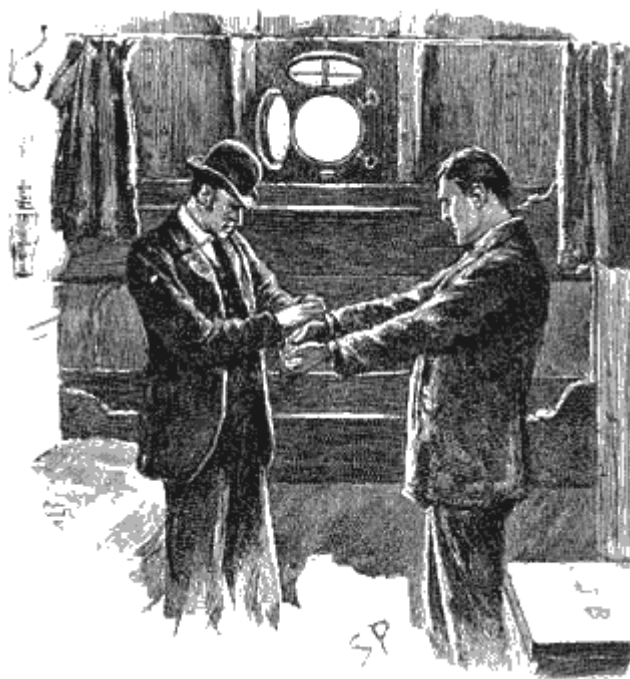
Шерлок Холмс не обманулся в своих ожиданиях. Два дня спустя он получил объемистый конверт, в котором была короткая записка от сыщика и отпечатанный на машинке документ, занимавший несколько страниц большого формата.

— Ну вот, Лестрейд поймал его, — сказал Холмс, взглянув на меня. — Вероятно, вам будет интересно послушать, что он пишет.

«Дорогой мистер Холмс!

Согласно плану, который мы выработали с целью проверки наших предположений (это «мы» великолепно, правда, Уотсон?), я отправился вчера в шесть часов вечера в Альберт-док и взобрался на борт парохода «Майский день», курсирующего на линии Ливерпуль — Дублин — Лондон. Наведя справки, я узнал, что стюард по имени Джеймс Браунер находится на борту и во время рейса вел себя так странно, что капитан был вынужден освободить его от его обязанностей. Сойдя вниз, где находилась его койка, я увидел, что он сидит на сундуке, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Это большой, крепкий парень, чисто выбритый и очень смуглый — немного похож на Олдриджа, который помогал нам в деле с мнимой прачечной. Когда он услышал, что мне нужно, он вскочил на ноги, и я поднес свисток к губам, чтобы позвать двух человек из речной полиции, которые стояли за дверью; но он словно бы совсем обессилел и без всякого сопротивления дал надеть на себя наручники. Мы отправили его в участок и захватили его сундук, надеясь обнаружить в нем какие-нибудь вещественные доказательства; но за исключением большого острого ножа, который есть почти у каждого моряка, мы не нашли ничего, что вознаградило бы наши старания. Однако выяснилось, что нам не нужны никакие доказательства, потому что, когда его привели к инспектору, он пожелал сделать заявление, которое, разумеется, записывал наш стенографист. Мы отпечатали три экземпляра, один из которых я прилагаю. Дело оказалось, как я всегда и думал, исключительно простым, но я благодарен Вам за то, что Вы помогли мне его расследовать.

С сердечным приветом



— Хм! Это действительно было очень простое расследование, — заметил Холмс, — но едва ли оно представлялось ему таким вначале, когда он обратился к нам. Однако давайте посмотрим, что говорит сам Джим Браунер. Вот его заявление, сделанное инспектору Монтгомери в Шедуэллском полицейском участке, — по счастью, запись стенографическая.

«Хочу ли я что-нибудь сказать? Да, я много чего хочу сказать. Все хочу выложить, начистоту. Вы можете повесить меня или отпустить — мне плевать. Говорю вам, я с тех пор ни на минуту не мог заснуть; наверно, если я и засну теперь, так только вечным сном. Иногда его лицо стоит передо мной, а чаще — ее. Все время так. Он смотрит хмуро, злобно, а у нее лицо такое удивленное. Ах, бедная овечка, как же ей было не удивляться, когда она прочла смерть на лице, которое всегда выражало одну только любовь к ней.

Но это все Сара виновата, и пусть проклятие человека, которому она сломала жизнь, падет на ее голову и свернет кровь в ее жилах! Не думайте, что я оправдываюсь. Я знаю, я снова начал пить, вел себя, как скотина. Но она простила бы меня, она льнула бы ко мне, как веревка к блоку, если бы эта женщина не переступила нашего порога. Ведь Сара Кушинг любила меня — в этом все дело, — она любила меня, пока ее любовь не превратилась в смертельную ненависть, когда она узнала, что след моей жены в грязи значит для меня больше, чем все ее тело и душа.

Их было три сестры. Старшая была просто хорошая женщина, вторая — дьявол, а третья — ангел. Когда я женился, Саре было тридцать три, а Мэри — двадцать девять. Мы зажили своим домом и счастливы были не знаю как, и во всем Ливерпуле, не было женщины лучше моей Мэри. А потом мы пригласили Сару на недельку, и неделька превратилась в месяц, а дальше — больше, так что она стала членом нашей семьи.

Тогда я ходил в трезвенниках, мы понемножку откладывали и жили припеваючи. Боже мой, кто бы мог подумать, что все так кончится? Кому это могло прийти в голову?

Я обычно приезжал домой на субботу и воскресенье, а иногда, если пароход задерживался для погрузки, я бывал свободен по целой неделе, поэтому довольно часто видел свою свояченицу Сару. Была она ладная, высокая, черноволосая, быстрая и горячая, с гордо закинутой головой, а в глазах у нее вспыхивали искры как из-под кремня. Но я даже и не думал о нем, когда крошка Мэри была рядом, вот Бог мне свидетель.

Иногда мне казалось, что ей нравится сидеть со мной вдвоем или вытаскивать меня на прогулку, да я не придавал этому значения. Но однажды вечером у меня открылись глаза. Я пришел с парохода; жены не было, но Сара была дома. «Где Мэри?» — спросил я. «О, пошла платить по каким-то счетам». От нетерпения я принялся мерять шагами комнату. «Джим, неужели ты и пяти минут не можешь быть счастлив без Мэри? — спросила она. — Плохи мои дела, если моя компания не устраивает тебя даже на такое короткое время». «Да будет тебе, сестрица», — сказал я и ласково протянул ей руку, а она схватила ее обеими руками, такими горячими, точно она была в жару. Я посмотрел ей в глаза и все там прочел. Она могла ничего не говорить, да и я тоже. Я нахмурился и отдернул руку. Она молча постояла рядом со мной, потом подняла руку и похлопала меня по плечу. «Верный старый Джим!» — сказала она и с легким смешком, словно издеваясь надо мной, выбежала из комнаты.



И вот с этого времени Сара возненавидела меня всей душой, а она такая женщина, которая умеет ненавидеть. Я был дурак, что позволил ей остаться у нас, — пьяный дурак, но я ни слова не сказал Мэри, потому что это ее огорчило бы. Все шло почти как прежде, но через некоторое время я начал замечать, что Мэри как будто изменилась. Она всегда была такой доверчивой и простодушной, а теперь стала странная и подозрительная и все допытывалась, где я бываю, и что делаю, и от кого получаю письма, и что у меня в карманах, прочие такие глупости. С каждым днем она становилась все чуднее и раздражительнее, и мы то и дело ссорились из-за пустяков. Я не знал, что и думать. Сара теперь избегала меня, но с Мэри они были просто неразлучны. Сейчас-то я понимаю, как она интриговала и настраивала мою жену против меня, но в то время я был слеп, как крот. Потом я снова запил, но этого бы не было, если бы Мэри оставалась прежней. Теперь у нее появилась причина чувствовать ко мне отвращение, и пропасть между нами стала увеличиваться. А потом появился этот Алек Фэрберн, и все покатилося к чертям.

Сперва он пришел в мой дом из-за Сары, но скоро стал ходить уже к нам, — он умел расположить к себе человека и без труда всюду заводил друзей. Лихой был малый, развязный, такой щеголеватый, кудрявый; объехал полсвета и умел рассказать о том, что повидал. Я не спорю, в компании он был парень что надо и для матроса на редкость

учтив: видно, было время, когда он больше торчал на мостике, чем на баке. Он то и дело забегал к нам, и за весь этот месяц мне ни разу не пришло в голову, что его мягкость и обходительность могут довести до беды. Наконец кое-что показалось мне подозрительным, и с той поры я уже не знал покоя.

Это была просто мелочь. Я неожиданно вошел в гостиную и, переступая через порог, заметил радость на лице жены. Но когда она увидела, кто идет, оживление исчезло с ее лица, и она отвернулась с разочарованным видом. Этого было для меня достаточно. Мои шаги она могла спутать только с шагами Алека Фэрберна. Попадись он мне тогда, я бы его убил на месте, потому что я всегда теряю голову, когда выхожу из себя. Мэри увидела дьявольский огонь в моих глазах, бросилась ко мне, схватила меня за рукав и кричит: «Не надо, Джим, не надо!» «Где Сара?» — спросил я. «На кухне», — ответила она. «Сара, — сказал я, входя в кухню, — чтоб ноги этого человека здесь больше не было». «Почему?» — спросила она. «Потому что я так сказал». «Вот как! — сказала она. — Если мои друзья недостаточно хороши для этого дома, тогда и я для него недостаточно хороша». «Ты можешь делать что хочешь, — сказал я, — но если Фэрберн покажется здесь снова, я пришлю тебе его ухо в подарок». Наверное, мое лицо испугало ее, потому что она не ответила ни слова и в тот же вечер от нас уехала.

Я не знаю, от одной ли злости она делала все это или думала поссорить меня с женой, подбивая ее на измену. Во всяком случае, она сняла дом через две улицы от нас и стала сдавать комнаты морякам. Фэрберн обычно жил там, и Мэри ходила туда пить чай со своей сестрой и с ним. Часто она там бывала или нет, я не знаю, но однажды я выследил ее, и, когда я ломился в дверь, Фэрберн удрал, как подлый трус, перепрыгнув через заднюю стену сада. Я пригрозил жене, что убью ее, если еще раз увижу их вместе, и повел ее домой, а она всхлипывала, дрожала и бледная была, как бумага. Между нами теперь не оставалось уже и следа любви. Я видел, что она ненавидит меня и боится, и, когда от этой мысли я снова принимался пить, она вдобавок презирала меня.

Тем временем Сара убедилась, что в Ливерпуле ей не заработать на жизнь, и уехала, как я понял, к своей сестре в Кройдон, а у нас дома все продолжалось по-старому. И вот наступила последняя неделя когда случилась эта беда и пришла моя гибель.

Дело было так. Мы ушли на «Майском дне» в семидневный рейс, но большая бочка с грузом отвязалась и пробила переборку, так что нам пришлось вернуться в порт на двенадцать часов. Я сошел на берег и отправился домой, думая, каким сюрпризом это будет для моей жены, и надеясь, что, может, она обрадуется, увидев меня так скоро. С этой мыслью я повернул на нашу улицу, и тут мимо меня проехал кэб, в котором сидела она рядом с Фэрберном; оба они болтали, и смеялись и даже не думали обо мне, а я стоял и глядел на них с тротуара.

Правду вам говорю, даю слово, с той минуты я был сам не свой, и как вспомню — все это кажется мне туманным сном. Последнее время я много пил и от всего вместе совсем свихнулся. В голове моей и сейчас что-то стучит, как клепальный молоток, но в то утро у меня в ушах шумела и гудела целая Ниагара.

Я погнался за кэбом. В руке у меня была тяжелая дубовая палка, и говорю вам: я сразу потерял голову. Но пока я бежал, я решил быть похитрее и немного отстал, чтобы видеть их, но самому не попадаться им на глаза. Вскоре они остановились у вокзала. Возле кассы была большая толпа, так что я подошел к ним совсем близко, но они меня не видели. Они взяли билеты до Нью-Брайтона. Я тоже, только сел на три вагона дальше. Когда мы приехали, они пошли по набережной, а я — в какой-нибудь сотне ярдов следом за ними. Наконец я увидел, что они берут лодку и собираются ехать кататься, потому что день был очень жаркий, и они, конечно, решили, что на воде будет прохладнее.

Теперь их словно отдали мне в руки. Стояла легкая дымка, и видимость не превышала нескольких сот ярдов. Я тоже взял лодку и поплыл за ними. Я смутно видел их впереди, но они шли почти с такой же скоростью, как я, и успели, должно быть, отъехать от берега на добрую милю, прежде чем я догнал их. Дымка окружала нас, словно завеса.

О Господи, я не забуду, какие у них стали лица, когда они увидели, кто был в лодке, которая к ним приближалась. Она вскрикнула не своим голосом. А он стал ругаться, как сумасшедший, и тыкать в меня веслом: должно быть, в моих глазах он увидел смерть. Я увернулся и нанес ему удар палкой — голова его раскололась, как яйцо. Ее я, может быть, и пощадил бы, несмотря на все мое безумие, но она обвила его руками, заплакала и стала звать его «Алек». Я ударил еще раз, и она упала рядом с ним. Я был как дикий зверь, почуявший кровь. Если бы Сара была там, клянусь Богом, и она бы пошла за ними. Я вытащил нож и... ну ладно, хватит. Мне доставляло какую-то жестокую радость думать, что почувствует Сара, когда получит это и увидит, чего она добилась. Потом я привязал тела к лодке, проломил доску и подождал, пока они не утонули. Я был уверен, что хозяин лодки подумает, будто они заблудились в тумане и их унесло в море. Я привел себя в порядок, причалил к берегу, вернулся на свой корабль, и ни одна душа не подозревала о случившемся. Ночью я приготовил посылку для Сары Кушинг, а на другой день отправил ее из Белфаста.



Теперь вы знаете всю правду. Вы можете повесить меня или сделать со мной что хотите, но не сможете наказать меня так, как я уже наказан. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу эти два лица — они все смотрят на меня, как смотрели тогда, когда моя лодка выплыла из тумана. Я убил их быстро, а они убивают меня медленно; еще одна такая ночь, и к утру я либо сойду с ума, либо умру. Вы не посадите меня в одиночку, сэръ? Умоляю вас, не делайте этого, и пусть с вами обойдутся в ваш последний день так же, как вы сейчас обойдетесь со мной».

— Что же это значит, Уотсон? — мрачно спросил Холмс, откладывая бумагу. — Каков смысл этого круга несчастий, насилия и ужаса? Должен же быть какой-то смысл, иначе получается, что нашим миром управляет случай, а это невыносимо. Так каков же смысл? Вот он, вечный вопрос, на который человеческий разум до сих пор не может дать ответа.⁷

Arthur Conan Doyle

⁷ **The Adventure of the Cardboard Box**

First published in the Strand Magazine, Jan. 1893, with 8 illustrations by Sidney Paget. The story was not included in the first English edition of The Memoirs of Sherlock Holmes, thought in the first American edition by Harper in 1894.

Алое кольцо

I

— По-моему, миссис Уоррен, у вас нет серьезных причин беспокоиться, — сказал Шерлок Холмс, — а мне, человеку, чье время в какой-то степени ценно, нет смысла ввязываться в эту историю. Право же, у меня достаточно других занятий. — И он снова взялся за свой огромный альбом с газетными вырезками, намереваясь вклеить в него и вписать в указатель какие-то новые материалы.

Но миссис Уоррен, упрямая и лукавая, как всякая женщина, твердо стояла на своем.

— В прошлом году вы распутали дело одного моего жильца, — сказала она. — Мистера Фэрдела Хоббса.

— О да, пустяковое дело.

— Но он, не переставая, говорил об этом — про вашу доброту, сэр, про то, как вы сумели раскрыть тайну. Я вспомнила его слова теперь, когда сама брожу в потемках и окружена тайной. Я уверена, вы найдете время, если только захотите.

Холмс поддавался на лесть и, надо отдать ему справедливость, был человеком отзывчивым. Эти две силы побудили его, вздохнув, безропотно положить на место кисточку для клея и отодвинуться от стола вместе со своим креслом.

— Ну что ж, миссис Уоррен, рассказывайте. Вам не мешает, если я закурю? Спасибо. Уотсон, — спички! Насколько я понимаю, вы обеспокоены тем, что ваш новый жилец не выходит из своих комнат и вы никогда его не видите? Простите, миссис Уоррен, но будь я вашим постояльцем, вы частенько не видели бы меня неделями.

— Вы правы, сэр, только тут совсем другое. Мне страшно, мистер Холмс. Я не сплю по ночам от страха. Слушать, как он ходит там взад и вперед, с раннего утра и до позднего вечера, и никогда его не видеть — такого мне не вынести. Мой муж нервничает, как и я, но он весь день на службе, а мне куда деваться? Почему он прячется? Что он натворил? Кроме служанки, я одна с ним в доме, и мои нервы больше не выдерживают.

Холмс наклонился к женщине и положил ей на плечо свои длинные, тонкие пальцы. Он, когда хотел, проявлял чуть ли не гипнотическую способность успокаивать. Взгляд женщины утратил выражение испуга, а черты ее взбудораженного лица обрели присущую им обыденность. Она села в указанное Холмсом кресло.

— Если я берусь распутать загадку, я должен знать мельчайшие подробности, — сказал он. — Соберитесь с мыслями. Самая незначительная деталь может оказаться самой существенной. Вы говорите, этот человек явился десять дней назад и заплатил вам за квартиру и стол вперед за две недели?

— Он спросил, какие будут мои условия, сэр. Я ответила — пятьдесят шиллингов в неделю. На верхнем этаже у меня небольшая гостиная и спальня — обособленная квартирка.

— Дальше?

— Он сказал: «Я буду платить вам вдвое больше — пять фунтов в неделю, если вы согласитесь на мои условия». Я женщина небогатая, сэр, мистер Уоррен зарабатывает мало, и такие деньги для меня большое подспорье. Он тут же достал десятифунтовый кредитный билет. «Вы будете получать столько же каждые две недели в течение долгого времени, если согласитесь, — сказал он, — а нет — так я с вами никаких дел больше не имею».

— И какие же он поставил условия?

— Так вот, сэр, он хотел иметь ключ от дома. В этом ничего удивительного нет. Жильцы нередко имеют свой ключ. А также, чтоб его предоставили самому себе, и никогда, ни при каких обстоятельствах не тревожили.

— Но ведь и в этом нет ничего особенного.

— Так-то оно так, сэр, да надо меру знать. А тут какая уж мера. Он у нас десять дней, и ни я, ни мистер Уоррен, ни служанка ни разу его не видели. Мы слышим, как он там ходит и ходит — ночью, утром, днем, но из дому он выходил только в первый вечер.

— О, значит, в первый вечер он выходил?

— Да, сэр, и вернулся очень поздно — мы все уже легли спать. Он предупредил, что придет поздно, и просил не запира́ть дверь на задвижку. Я слышала, как он поднимался по лестнице, это было уже после полуночи.

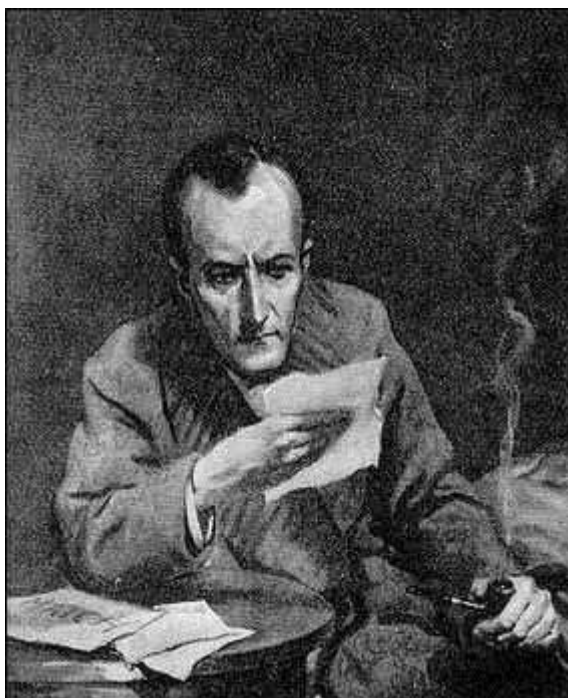
— А как насчет еды?

— Он особо наказал, чтоб еду ставили на стул за его дверью после того, как он позвонит. Когда поест, он звонит опять, и мы забираем поднос с того же стула. А если ему надо что-нибудь еще, он оставляет клочок бумаги, на котором написано печатными буквами.

— Печатными буквами?

— Да, сэр, карандашом. Только одно слово и ничего больше. Я принесла вам показать, вот: МЫЛО. А вот еще: СПИЧКА. Эту записку — «ДЕЙЛИ ГАЗЕТТ» — он положил в первое утро. Я оставляю ему эту газету на стуле каждое утро вместе с завтраком.

— Вот как! — сказал Холмс, с любопытством разглядывая клочки бумаги, протянутые ему миссис Уоррен. — Это действительно не совсем обычно. Желание отгородиться от людей мне понятно, но зачем печатные буквы? Писать печатными буквами — утомительное занятие. Почему он не пишет просто? Как вы это объясните, Уотсон?



— Он хочет скрыть свой почерк?

— Но зачем? Что ему до того, если квартирная хозяйка получит бумажку, написанную его рукой? Впрочем, может, вы и правы... Ну, а почему такие лаконичные записки?

— Понятия не имею.

— Это открывает перед нами интересные возможности для умозаключений. Написано плохо отточенным, фиолетового света карандашом весьма обычного образца. Обратите внимание, у записки оборвали уголок после того, как она была напечатана, недостает кусочка буквы «м» в слове «мыло». Наводит на размышления, Уотсон, а?

— Он чего-то опасается?

— Безусловно. На бумажке, по-видимому, остался след, отпечаток пальца или что-нибудь еще, по чему его могли бы опознать. Так вы говорите, миссис Уоррен, что человек этот среднего роста, брюнет и носит бороду. А сколько ему лет?

— Молодой, сэр, не больше тридцати.

— На что вы еще обратили внимание?

— Он правильно говорил по-английски, сэр, и все-таки, судя по произношению, я подумала, что он иностранец.

— И он был хорошо одет?

— Очень хорошо, сэ, настоящий джентльмен. Черный костюм — ничего такого, что бросалось бы в глаза.

— Он не назвался?

— Нет, сэ.

— Не получал писем, и никто не навещал его?

— Нет.

— Но вы или служанка, разумеется, входите по утрам в его комнату?

— Нет, сэ, он сам себя обслуживает.

— Неужели! Поистине удивительно. Ну, а какой у него был багаж?

— Один большой коричневый чемодан — и только.

— М-да, не сказал бы, что у нас много данных. Так вы говорите, что из комнаты ничего не выносили, совсем ничего?

Миссис Уоррен извлекла из сумочки конверт и вытряхнула из него на стол две использованные спички и окурочек сигареты.

— Это было нынче утром на подносе. Я принесла, так как слышала, что даже из мелочей вы умеете делать серьезные выводы.

Холмс пожал плечами.

— Из этого никаких серьезных выводов не сделаешь. Спичками, разумеется, зажигали сигареты, судя по тому, что обгорел только кончик. Когда зажигают сигару или трубку, сгорает половина спички. Э, а вот окурочек действительно представляет интерес. Вы говорите, у этого джентльмена усы и борода?

— Да, сэ.

— Тогда не понимаю. Эту сигарету, по-моему, мог курить только гладко выбритый человек. Ведь даже ваши скромные усы, Уотсон, нельзя было бы не опалить.

— Мундштук? — предположил я.

— Ни в коем случае: примят кончик. А может быть, у вас в доме живут два человека, миссис Уоррен?

— Нет, сэ. Он ест так мало, что я порой удивляюсь, как одному-то хватает.

— Что ж, придется ждать еще материала. В конце концов вам не на что жаловаться. Квартирную плату вы получили, и он спокойный жилец, хотя, безусловно, не совсем обычный. Он хорошо вам платит, а если предпочитает не показываться, то, собственно, вас это не касается. У нас нет причин нарушать его уединение, пока нет оснований полагать, что он скрывается от закона. Я берусь за это дело и буду о нем помнить. Сообщите, если произойдет что-либо новое, и рассчитывайте на мою помощь, если она понадобится.

— В этом деле, несомненно, есть кой-какие занятные особенности, Уотсон, — сказал он после того, как миссис Уоррен ушла. — Оно может оказаться пустяковым — допустим, жилец просто оригинал; возможно, однако, что оно гораздо серьезнее, чем выглядит поначалу. Прежде всего приходит в голову, что в комнатах миссис Уоррен живет вовсе не тот человек, который их снимал.

— Почему вы так думаете?

— На такую мысль наводит окурочек, и потом, разве не было установлено, что жилец выходил один раз и в тот же день, как снял квартиру? Он — или кто-то другой — возвратился, когда никто в доме не мог его видеть. У нас нет никаких доказательств, что вернувшийся — тот самый человек, который уходил. Далее, человек, снявший комнаты, правильно говорил по-английски. Этот же пишет печатными буквами и «спичка» вместо «спичкл». По-видимому, он нашел слово в словаре, ведь словарь дает существительное только в единственном числе. Краткость, возможно, ему нужна, чтобы скрыть незнание английского языка. Да, Уотсон, у нас достаточно оснований подозревать, что тут произошла замена.

— Но с какой целью?

— Наша задача в том и заключается, чтобы это разгадать. Один очевидный путь к разгадке у нас, пожалуй, есть. — Он достал свой огромный альбом, куда изо дня в день клеивал вырезанные из лондонских газет объявления о розыске пропавших, о месте встреч и тому подобное. — Боже

мой! — воскликнул он, листая страницы. — Какая разноголосица стонов, криков, нытья! Какой короб необычайных происшествий! А ведь именно из этого короба человек, изучающий необычное, может выудить самые ценные сведения! Жилец миссис Уоррен уединился, и ему не шлют писем из опасения, что раскроется тайна, которую так хотят сохранить. Каким же путем сообщать ему о том, что происходит за стенами дома? Разумеется, через газеты. По-видимому, другого способа нет, и, по счастью для нас, мы можем ограничиться изучением одной газеты.

Вот вырезки из «Дейли газетт» за последние две недели. «Дама в черном боа в Конькобежном Клубе Принса» — это пропустим. «Неужели Джимми разобьет сердце своей матери!» — и это вряд ли имеет к нам отношение: «Если женщина, потерявшая сознание в Брикстонском омнибусе...» — меня она не интересует. «Душа моя тоскует по тебе...» — нытье, Уотсон, самое настоящее нытье! А вот это подходит больше. Слушайте: «Терпение. Найду какой-нибудь верный способ общаться. А пока этот столбец. Дж.» Напечатано через два дня после того, как жилец поселился у миссис Уоррен. Вполне годится, верно? Таинственный незнакомец, возможно, читает по-английски, хотя и не умеет писать. Попытаемся снова напасть на этот след. Ну вот, так и есть — три дня спустя. «Дело идет на лад. Терпение и благоразумие. Тучи рассеются. Дж.» Потом — ничего целую неделю. А вот нечто более определенное. «Путь расчищается. Если найду возможность сообщить, помни условленный код — один А, два Б и так далее. Узнаешь вскорости. Дж.» Напечатано во вчерашней газете, в сегодняшней — ничего. Все это весьма подходит к случаю с жильцом миссис Уоррен. Ждать недолго, Уотсон, я уверен, что положение прояснится.

Мой друг оказался прав. Утром я застал его стоящим на коврике перед камином, спиной к огню, с улыбкой полного удовлетворения на лице.

— Ну, что вы теперь скажете, Уотсон! — воскликнул он и взял со стола газету. «Высокий красный дом с белыми каменными карнизами. Четвертый этаж. Второе окно слева. Когда стемнеет. Дж.» Это уже вполне определено. После завтрака мы, пожалуй, произведем небольшую разведку в окрестностях дома миссис Уоррен... А-а, миссис Уоррен! Какие у вас новости?

Стремительность, с какой наша клиентка влетела в комнату, говорила о том, что произошло что-то очень важное.

— С меня хватит, мистер Холмс! — вскричала она. — Надо сообщить в полицию! Пусть укладывает чемодан и убегает. Я бы сразу поднялась к нему и так ему и сказала бы, да подумала, что сперва надо посоветоваться с вами. Но терпение мое кончилось, уж если дошло до того, что избili моего старика...

— Избили мистера Уоррена?

— Ну, во всяком случае, обошлись с ним по-свински.

— Но кто с ним обошелся по-свински?

— Вот это мы и хотим узнать! Случилось это нынче утром, сэр. Мистер Уоррен работает табельщиком у Мортон и Вейлайта на Тоттенхем-Корт-роуд. Уходит он из дому около семи. Так вот, нынче утром, не прошел он и десяти шагов по улице, как его нагнали двое, накинули на голову пальто и сунули в кэб, стоявший у обочины. Целый час они возили его, потом отворили дверь и вышвырнули. Он лежал на мостовой, обезумев от страха, и, конечно, ему было не до того, куда девался кэб. Когда он встал, то увидел, что находится на Хэмстед-Хит. Он приехал домой в омнибусе и теперь лежит на кушетке, а я сразу помчалась сюда рассказать, что произошло.



— Чрезвычайно интересно, — сказал Холмс. — Не заметил ли он, как выглядели эти люди, не слышал ли, о чем говорили?

— Нет, он совсем обалдел. Знает только, что подняла его будто нечистая сила и будто нечистая сила бросила наземь. Их было не меньше, чем двое, а может, и трое.

— И вы связываете нападение на вашего мужа с жильцом?

— А как же! Мы живем здесь пятнадцать лет, и подобного никогда не случалось. Больше я не желаю терпеть. Деньги — это еще не все в жизни. Я сегодня же выставлю его из своего дома.

— Подождите немного, миссис Уоррен. Не делайте ничего наспех. Боюсь, что случай куда более серьезен, чем кажется на первый взгляд. Теперь ясно, что вашему жильцу грозит какая-то опасность. Столь же ясно, что в туманном утреннем свете враги, подстерегавшие его у двери, приняли за него вашего мужа. Обнаружив свою ошибку, они его отпустили. Мы можем лишь гадать, как бы они поступили, если бы не ошиблись.

— Ну, а мне что делать, мистер Холмс?

— Мне было бы весьма любопытно посмотреть на вашего жильца, миссис Уоррен.

— Ума не приложу, как это устроить, если не взломать дверь. Когда я оставляю поднос и спускаюсь по лестнице, я всегда слышу, как он ее отпирает.

— Ему приходится уносить поднос в комнату. Разве нельзя где-нибудь спрятаться и последить за ним?

Хозяйка задумалась.

— Верно, сэр, Напротив есть чулан. Я могла бы поставить туда зеркало, и если вы скроетесь за дверью...

— Великолепно! — воскликнул Холмс. — А когда у него второй завтрак?

— Около часа, сэр.

— Значит, мы с доктором Уотсоном придем к тому времени. Всего вам хорошего, миссис Уоррен.

В половине первого мы были уже у дома миссис Уоррен — высокого, узкого, желтого кирпичного дома на Грейт-Орм-стрит, неширокой улочке к северо-востоку от Британского музея. Он был расположен поблизости от угла, и из него открывался вид на Хау-стрит с ее более солидными строениями. Посмеиваясь, Холмс указал на одно из них — большой многоквартирный дом, стоявший несколько впереди других, из тех, что невольно привлекают внимание.

— Вот оно, Уотсон! Высокий красный дом с белыми каменными карнизами. А вот и окно, откуда будут подавать сигналы. Место известно, известен и код; наша задача не окажется трудной. В том окне объявление: «Сдается внаем». Следовательно, квартира пуста и сообщник может ею пользоваться... Ну, как дела, миссис Уоррен?

— Я все для вас подготовила. Оставьте башмаки внизу, поднимайтесь, и я впущу вас в чулан.

Она все устроила очень удобно. Зеркало было так поставлено, что, сидя в темноте, мы ясно видели дверь напротив. Только мы уселись и миссис Уоррен нас покинула, как отдаленное звяканье

возвестило, что таинственный сосед позвонил. Вскоре явилась хозяйка, поставила поднос на стул возле запертой двери и, тяжело ступая, удалилась. Скрючившись в уголке за нашей дверью, мы устремили взгляд на зеркало. Замерли шаги хозяйки, туг же щелкнул ключ, повернулась дверная ручка, и две тонких руки взяли со стула поднос. Через минуту его быстро поставили на место, и передо мною мелькнуло прекрасное смуглое личико, с ужасом глядевшее на чуть приоткрытую дверь чулана. Потом дверь в комнату захлопнулась, ключ в замке повернулся снова, и все стихло. Холмс дернул меня за рукав, и мы, крадучись, спустились по лестнице.



— Вечером я приду опять, — сказал он выжидающе смотревшей на него хозяйке. — По-моему, Уотсон, нам лучше обсудить это дело у себя дома.

— Итак, мое предположение подтвердилось, — начал он, удобно расположившись в кресле. — Произошла замена. Я только не предугадал, Уотсон, что мы встретим женщину, и женщину незаурядную.

— Она увидела нас.

— Она увидела что-то испугавшее ее. Это несомненно. В общем, ход событий достаточно ясен, вы согласны с этим? Парочка ищет убежища в Лондоне, спасаясь от нависшей над ними страшной угрозы. Насколько серьезна угроза, можно судить по тому, что приняты строгие меры предосторожности. Мужчина, которому необходимо что-то совершить, желает на это время обеспечить женщине полную безопасность. Задача нелегкая, однако он решил ее весьма своеобразно и настолько успешно, что присутствие женщины в доме неизвестно даже квартирной хозяйке, которая ей носит еду. Теперь ясно, зачем нужны печатные буквы: чтобы не видно было, что пишет женщина. Встретаться с ней мужчина не может — он навел бы врагов на ее след. А поскольку ему нельзя с нею видаться, он общал ей о себе через газету. Пока что все понятно.

— Но что за этим кроется?

— Ах, Уотсон, вы, как всегда, практичны донельзя! Что за всем этим кроется? Забавная проблема миссис Уоррен несколько усложнилась и принимает все более злоеший характер. Покамест мы можем с уверенностью сказать одно: это не банальное любовное приключение. Вы заметили выражение лица женщины, когда ей почудилась опасность? Мы слышали также о нападении на хозяина, ведь его, несомненно, приняли за жильца. Все это, а также крайняя необходимость сохранить тайну, говорит о том, что речь идет о жизни и смерти. Далее, нападение на мистера Уоррена показы-

вайт, что врагам, кто бы они ни были, неизвестно о замене квартиранта-мужчины женщиной. Это весьма любопытно и запутанно, Уотсон.

— А почему бы вам не отстраниться от этого дела? Никакой выгоды оно вам не сулит.

— Правда, не сулит. Искусство для искусства, Уотсон. Вы ведь тоже, когда занимались врачебной практикой, наверное, лечили не только за плату.

— Чтобы пополнять свое образование. Холмс.

— Учиться никогда не поздно, Уотсон. Образование — это цепь уроков, и самый серьезный приходит род конец. Наш случай поучительный. Он не принесет ни денег, ни славы, и все же хочется загадку распутать. С наступлением темноты мы сделаем шаг вперед в наших изысканиях.

Когда мы снова пришли в квартиру миссис Уоррен, сумрак лондонского вечера сгустился; унылую, однообразно серую пелену разрывали только резко очерченные желтые квадраты окон и расплывчатые круги газовых фонарей. Выглянув из затемненной гостиной, мы увидели еще одно тусклое пятно света, мерцавшее высоко во мраке.

— В той комнате кто-то ходит, — прошептал Холмс, приблизив свое длинное напряженное лицо к стеклу. — Да, я вижу его тень. Вот он опять. У него в руке свеча. Теперь он смотрит в нашу сторону. Хочет убедиться, что она наблюдает за ним. Начинает подавать сигналы. Принимайте и вы, Уотсон, чтобы мы могли сверить наши данные. Одна вспышка, — разумеется, А. Ну, сколько вы насчитали? Двадцать? Я тоже. Должно означать Т. АТ — вполне вразумительно! Снова Т. Это, разумеется, начало второго слова. Получается ТЕНТА. Кончилось. Неужели все, Уотсон? АТТЕНТА — бессмысленно. Нет смысла и в том случае, если считать за три слова — АТ, ТЕН, ТА. Началось опять! Что же это такое? АТТЕ — как, то же самое? Странно, Уотсон, очень странно! И опять все сначала! АТ — да ведь он повторяет уже в третий раз. Три раза — АТТЕНТА. Сколько же будет еще? Нет, кажется, кончил. Он отошел от окна. Как вы это объясните, Уотсон?

— Зашифрованное сообщение.

Неожиданно Холмс хмыкнул, будто что-то сообразив.

— И шифр не такой уж головоломный, Уотсон. Ведь это на итальянском! «А» в конце — обозначает, что адресовано женщине. «Берегись! Берегись! Берегись!» Что скажете, Уотсон?

— Полагаю, что вы попали в точку.

— Несомненно. Предупреждение необычайно важное, потому и повторено трижды. Но беречься чего? Погодите, он снова подошел к окну.

Мы опять увидели смутный силуэт согнувшегося человека и мелькание огонька в окне, когда сигналы возобновились. Теперь их передавали намного быстрее, так быстро, что трудно было уследить.

— PERICOLO — pericolo — а это что означает, Уотсон? Опасность? Боже милостивый! Да это сигнал опасности. Опять начал! PERI... Вот те на, что же...

Свет вдруг погас, скрылся мерцающий квадрат, и четвертый этаж черной лентой опоясал высокое здание с его рядами светящихся окон. Последний предостерегающий сигнал внезапно оборван. Почему? Кем? Такая мысль возникла у нас обоих одновременно. Холмс отскочил от окна.

— Это не шутки, Уотсон! — крикнул он. — Там происходит какая-то дьявольщина! Почему сигналы так странно прекратились? Надо связаться со Скотленд-Ярдом, а с другой стороны, уходить нам нельзя — время не терпит.

— Может, мне сбежать за полицией?

— Необходимо поточнее узнать, в чем там дело. Может быть, причина совсем безобидная. Скорее туда, Уотсон, и попытаемся разобраться сами.

II

Когда мы быстро шли по Хау-стрит, я оглянулся на только что покинутый нами дом. В окошке верхнего этажа маячила тень головы — тень женщины, которая напряженно, затаив дыхание, смотрела в ночь, ожидая возобновления сигналов.

Перед зданием на Хау-стрит, склонившись над перилами и уткнув лицо в шарф, стоял человек в длинном пальто. Он вздрогнул, когда свет фонаря в подъезде упал на наши лица.

— Холмс! — вскричал он.

— Да, это я, Грегсон! — отозвался мой спутник, здороваясь с сыщиком из Скотленд-Ярда. — Влюбленные встретились вновь. Что вас привело сюда?

— Очевидно, то же, что и вас, — сказал Грегсон, — но каким образом вы узнали об этом деле, ума не приложу.

— Меня и вас привели разные нити одного и того же запутанного клубка. Я принимал сигналы.

— Сигналы?

— Да, из этого окна. Они оборвались на середине. Мы пришли выяснить, почему. Но так как дело сейчас в верных руках, у меня нет оснований заниматься им дальше.

— Погодите! — с жаром крикнул Грегсон. — Скажу вам по чести, мистер Холмс, с вашей поддержкой я в любом деле чувствую себя увереннее. Этот подъезд единственный в доме. Ему от нас не уйти.

— Кому? Кто он такой?

— Наконец-то перевес на нашей стороне, мистер Холмс. Придется вам с этим согласиться. — Он сильно ударил своей тростью по тротуару, после чего кучер извозчичьей кареты, стоявшей в конце улицы, не спеша направился к нам с кнутом в руке. — Позвольте представить вам мистера Холмса, — сказал ему Грегсон. — А это мистер Ливертон из американского агентства Пинкертона.

— Герой тайны Лонг-Айлендской пещеры! — воскликнул Холмс. — Рад познакомиться с вами, сэр.

Американец, деловитый молодой человек с острыми чертами продолговатого, гладко выбритого лица, покраснел, услышав такую похвалу.

— То, что нам предстоит сейчас, — дело всей моей жизни, мистер Холмс. Если мне удастся схватить Джорджано...

— Что? Джорджано из лиги «Алое кольцо»?

— О, у него уже европейская слава? Что ж, в Америке нам все о нем известно. Мы знаем, что на его совести пятьдесят убийств, но пока что у нас нет неопровержимых улик, и мы не можем его арестовать. Я гнался за ним по пятам из Нью-Йорка и неделю слежу за ним в Лондоне, выжидая случая схватить его за шиворот. Мы с мистером Грегсоном выследили его — он в этом большом доме, где только один подъезд, и ему от нас не скрыться. С тех пор, как он там, вышли трое, но, клянусь, его в их числе не было.

— Мистер Холмс говорил о сигналах, — вставил Грегсон. — Я уверен, ему, как всегда, известны такие подробности, каких мы не знаем.

Холмс в коротких словах разъяснил, как мы себе представляем положение дел. Американец с досадой стиснул руки.

— Он узнал, что мы здесь!

— Почему вы так думаете?

— А разве не ясно? Он скрылся в доме и подает знаки соучастнику — в Лондоне несколько человек из его банды. Потом, как вы изволили заметить, когда он сообщал о грозящей опасности, сигналы вдруг оборвались. Что же это означает, если не то, что он увидел нас из окна или почему-то догадался, насколько близка опасность, и решил действовать немедленно, чтобы ее избежать? Что вы предлагаете, мистер Холмс?

— Подняться наверх и выяснить на месте, что там произошло.

— Но у нас нет ордера на его арест.

— Этот человек находится в пустой квартире при подозрительных обстоятельствах, — сказал Грегсон. — Для начала достаточно. Когда мы посадим его за решетку, Нью-Йорк, наверное, поможет нам удержать его там. Я беру на себя ответственность за арест.

Наши сыщики-профессионалы, может быть, не всегда быстро шевелят мозгами, но в храбрости им нельзя отказать. Грегсон поднимался по ступенькам, чтобы арестовать этого матерого преступника, столь же деловито и спокойно, как если бы шел по парадной лестнице Скотленд-Ярда. Пинкертоновский агент попытался было обогнать его, но Грегсон весьма решительно оттеснил его назад. Лондонские опасности — привилегия лондонской полиции.

Дверь квартиры слева на четвертом этаже была приоткрыта. Грегсон отворил ее. Внутри было

темно и очень тихо. Я чиркнул спичкой и зажег фонарь сыщика. Когда огонь разгорелся, все мы ахнули в изумлении. На сосновых досках голого пола виднелись свежие следы крови. Красные отпечатки сапог вели в нашу сторону из внутренней комнаты, дверь в которую была закрыта. Грегсон широко распахнул ее и поднял фонарь, горевший теперь ярким пламенем, а мы нетерпеливо глядели из-за его спины.

На полу посредине пустой комнаты распростерся человек геркулесовского сложения. Черты его смуглого, гладко выбритого лица были страшно искажены, голова с жутким венчиком алой крови лежала на светлом паркете в растекшейся кровавой луже. Колени его были подняты, руки раскинуты, а в могучей коричневой шее торчала рукоятка ножа. Хоть он и был гигантом, сокрушительный удар, видимо, свалил его, как мясник валит быка. Возле его правой руки на полу лежал внушительный обоюдоострый кинжал с роговой рукоятью, а рядом черная лайковая перчатка.



— Боже мой! Ведь это и есть Черный Джорджано! — вскричал американский сыщик. — На этот раз кто-то нас опередил.

— А вот и свеча на окошке, мистер Холмс, — сказал Грегсон. — Но что это вы делаете?

Холмс подошел к окну, зажег свечу и принялся размахивать ею перед оконным переплетом. Потом взгляделся в темноту, погасил свечу и бросил на пол.

— Пожалуй, это нам поможет.



Он вернулся к обоим профессионалам, осматривавшим тело, и в глубокой задумчивости стал рядом.

— Вы говорите, что пока ждали внизу, из дома вышли трое, — произнес он наконец. — Вы разглядели их?

— Да, разглядел.

— Был ли среди них человек лет тридцати, смуглый, чернобородый, среднего роста?

— Да, он прошел мимо меня последним.

— Думаю, что это тот, кто вам нужен. Я могу его описать вам, и у нас есть великолепный отпечаток его ноги. По-моему, этого вам хватит.

— Не очень-то много, мистер Холмс, чтобы найти его среди миллионов лондонцев.

— Возможно. Потому я и подумал, что нелишне призвать на помощь даму.

При этих словах мы все обернулись. В прямоугольнике двери стояла высокая красивая женщина — таинственная квартирантка миссис Уоррен. Она медленно приблизилась, ее бледное лицо было полно тревоги, напряженный, испуганный взгляд прикован к темной фигуре, лежавшей на полу.



— Вы убили его! — пробормотала она. — О, Dio mio⁸, вы убили его! Потом она глубоко перевела дыхание и с радостным криком подпрыгнула. Она кружилась по комнате, хлопала в ладоши, ее карие глаза горели восторгом и изумлением, с губ срывались тысячи прелестных итальянских возгласов. Ужасно и удивительно было смотреть на эту женщину, охваченную радостью при виде такого зрелища. Вдруг она остановилась и вопрошающе взглянула на нас.

— Но вы! Ведь вы полиция? Вы убили Джузеппе Джорджано? Правда?

— Мы полиция, сударыня.

Она вгляделась в темные углы комнаты.

— А где же Дженнаро? Дженнаро Лукка, мой муж? Я Эмилия Лукка, мы оба из Нью-Йорка. Где Дженнаро? Он только что позвал меня из этого окна, и я помчалась со всех ног.

— Это я позвал, — сказал Холмс.

— Вы! Но как вы узнали?

— Ваш шифр несложен, сударыня. Вы нужны нам здесь. Я был уверен, что стоит мне подать знак *Vieni*⁹, и вы обязательно придете. Прекрасная итальянка взглянула на Холмса с благоговейным страхом.

— Не понимаю, откуда вам все это известно, — сказала она. — Джузеппе Джорджано... как он... — Она замолчала, и вдруг ее лицо осветилось радостью и гордостью. — Теперь я поняла! Мой Дженнаро! Это сделал мой прекрасный, чудесный Дженнаро, который охранял меня от всех бед, он убил чудовище собственной сильной рукой! О Дженнаро, какой ты замечательный! Есть ли на свете женщина, достойная такого мужчины!

— Так вот, миссис Лукка, — сказал прозаичный Грегсон, положив руку на локоть синьоры так же бесстрастно, как если бы она была хулиганом из Ноттинг-Хилла. — Пока мне еще не совсем ясно, кто вы такая и зачем вы здесь, но из того, что вы сказали, мне вполне ясно, что вами заинтересуются в Скотленд-Ярде.

— Одну минуту, Грегсон, — вмешался Холмс, — я полагаю, эта леди и сама не прочь дать нам кое-какие сведения. Вам понятно, сударыня, что вашего мужа арестуют и будут судить за убийство

⁸ Боже мой (итал.)

⁹ Приходи (итал.)

человека, который лежит перед нами? Ваши слова могут быть использованы как доказательство его виновности. Но если вы полагаете, что ваш муж действовал не в преступных целях и желал бы сам, чтобы о них узнали, то, рассказав нам все, вы очень ему поможете.

— Теперь, когда Джорджано мертв, нам ничего не страшно, — ответила итальянка. — Это был дьявол, чудовище, и ни один судья в мире не накажет моего мужа за то, что он убил его.

— В таком случае, — сказал Холмс, — я предлагаю запереть дверь, оставив все, как есть, пойти вместе с этой леди к ней на квартиру и принять решение после того, как она расскажет нам век историю.

Через полчаса мы все четверо сидели в маленькой гостиной синьоры Лукки, слушая ее удивительный рассказ о зловещих событиях, развязки которых нам довелось быть свидетелями. Она говорила, по-английски быстро и бегло, однако весьма неправильно, и для большей ясности я несколько упорядочил ее речь.

— Родилась я в Посилиппо, неподалеку от Неаполя, — начала она, — я дочь Аугусто Барелли, который был там главным юристом, а одно время и депутатом от этого округа. Дженнаро служил у моего отца, и я влюбилась в него, ибо в него нельзя не влюбиться. Он был беден и не имел положения в обществе, не имел ничего, кроме красоты, силы и энергии, и отец не дал согласия на брак. Мы бежали, поженились в Бари, продали мои драгоценности, а на вырученные деньги уехали в Америку. Это случилось четыре года назад, и с тех пор мы жили в Нью-Йорке.

Сначала судьба была к нам очень благосклонна. Дженнаро оказал услугу одному джентльмену-итальянцу — спас его от головорезов в месте, называемом Бовери, и таким образом приобрел влиятельного друга. Зовут его Тито Касталотте, он главный компаньон известной фирмы «Касталотте и Замба», основного поставщика фруктов в Нью-Йорк. Синьор Замба много болеет, и все дела фирмы, в которой занято более трехсот человек, в руках нашего нового друга Касталотте. Он взял моего мужа к себе на службу, назначил заведующим отделом и проявлял к нему расположение, как только мог. Синьор Касталотте холост, и, мне кажется, он относился к Дженнаро, как к родному сыну, а я и мой муж любили его, словно он был нам отец. Мы сняли и меблировали в Бруклине небольшой домик, и наше будущее казалось нам обеспеченным, как вдруг появилась черная туча и вскоре заволочла все небо.

Как-то вечером Дженнаро возвратился с работы и привел с собой соотечественника. Звали его Джорджано, и он тоже был из Посилиппо. Это был человек колоссального роста, в чем вы сами могли убедиться — вы видели его труп. У него было не только огромное тело, в нем все было фантастично, чрезмерно и жутко. Голос его звучал в нашем домике, как гром. Когда он говорил, там едва хватало места для его громадных размахивающих рук. Мысли, переживания, страсти — все было преувеличенное, чудовищное. Он говорил, вернее, орал, с таким жаром, что остальные только сидели и слушали, испуганные могучим потоком слов. Глаза его сверкали, и он держал вас в своей власти. Это был человек страшный и удивительный. Слава создателю, что он мертв!

Он стал приходить все чаще и чаще. Но я знала, что Дженнаро, как и я, не испытывал радости от его посещений. Мой несчастный муж сидел бледный, равнодушный, слушая бесконечные разглагольствований насчет политики и социальных проблем, что являлось темой разговоров нашего гостя. Дженнаро молчал, но я, хорошо его зная, читала на его лице чувство, какого оно не выражало никогда раньше. Сперва я подумала, что это неприязнь. Потом поняла, что это нечто большее. То был страх, едва скрываемый, неодолимый страх. В ту ночь — в ночь, когда я прочитала на его лице ужас, — я обняла его и умоляла ради любви ко мне, ради всего, что дорого ему, ничего не утаивать и рассказать мне, почему этот великан так удручает его.

Муж рассказал мне, и от его слов сердце мое оледенело. Мой бедный Дженнаро в дни пылкой, одинокой юности, когда ему казалось, что весь мир против него, и его сводили с ума несправедливости жизни, вступил в неаполитанскую лигу «Алое кольцо» — нечто вроде старых карбонариев. Тайны этой организации, клятвы, которые дают ее члены, ужасны, а выйти из нее, согласно правилам, невозможно. Мы бежали в Америку, и Дженнаро думал, что избавился от всего этого навсегда. Представьте себе его ужас, когда однажды вечером он встретил на улице гиганта Джорджано, того самого человека, который в Неаполе втянул его в организацию и на юге Италии заработал себе прозвище «Смерть», ибо руки его по локоть обгарены кровью убитых! Он приехал в Нью-Йорк, скрыва-

ясь от итальянской полиции, и уже успел создать там отделение этой страшной лиги. Все это Дженнаро рассказал мне и показал полученную им в тот день бумажку с нарисованным на ней алым кольцом. Там говорилось, что в такой-то день и час состоится собрание, на котором он должен присутствовать.

Это ничего хорошего не сулило, но худшее ждало нас впереди. С некоторого времени я стала замечать, что Джорджано, придя к нам — а теперь он приходил чуть ли не каждый вечер, — обращается только ко мне, а если и говорит что-нибудь моему мужу, то не спускает с меня страшного, неистового взгляда своих блестящих глаз. Однажды его тайна обнаружилась. Я пробудила в нем то, что он называл любовью, — любовь чудовища, дикаря. Дженнаро еще не было дома, когда он пришел. Он придвинулся ко мне, схватил своими огромными ручищами, сжал в медвежьем объятии и, осыпая поцелуями, умолял уйти с ним. Я отбивалась, отчаянно крича, тут вошел Дженнаро и бросился на него. Джорджано ударил мужа так сильно, что тот упал, потеряв сознание, а сам бежал из дома, куда вход ему был закрыт навсегда. С того вечера он стал нашим смертельным врагом.

Через несколько дней состоялось собрание. По лицу Дженнаро, когда он возвратился, я поняла, что случилось нечто ужасное. Такой беды нельзя было себе представить. Общество добывает средства, шантажируя богатых итальянцев и угрожая им насилием, если они откажутся дать деньги. На этот раз они наметили своей жертвой Касталотте, нашего друга и благодетеля. Он не испугался угроз, а записки бандитов передал полиции. И вот решили учинить над ним такую расправу, которая отбила бы у других охоту противиться. На собрании постановили взорвать динамитом его дом с ним вместе. Бросили жребий, кому выполнять это чудовищное дело. Опуская руку в мешок, Дженнаро увидел улыбку на жестоком лице своего врага. Конечно, все было как-то подстроено, потому что на ладони мужа оказался роковой кружок с алым кольцом — приказ совершить убийство. Он должен был лишиться жизни самого близкого друга, — за неповиновение товарищи наказали бы его и меня тоже. Дьявольская лига мстила отступникам или тем, кого боялась, наказывая не только их самих, но и близких им людей, и этот ужас навис над головой моего несчастного Дженнаро и сводил его с ума.

Всю ночь мы сидели, обнявшись, подбадривая друг друга перед лицом ожидающих нас бед. Взрыв назначили на следующий вечер. В полдень мы с мужем были уже на пути в Лондон и, конечно, предупредили нашего благодетеля об опасности и сообщили полиции все сведения, необходимые для охраны его жизни.

Остальное, джентльмены, вам известно. Мы не сомневались, что нам не уйти от своих врагов, как нельзя уйти от собственной тени. У Джорджано были и личные причины для мести, но мы знали также, какой это неумолимый, коварный и упорный человек. В Италии и в Америке без конца толкуют о его страшном могуществе. А сейчас уж он, конечно, использовал бы свои возможности. Благодаря тому, что мы опередили врагов, у нас оказалось несколько спокойных дней, и мой любимый обеспечил мне убежище, где я могла укрыться от опасности. Сам он хотел иметь свободу действий, чтобы снестись с итальянской и американской полицией. Я не имею представления, где он живет и как. Я узнавала о нем только из заметок в газете. Однажды, выглянув в окно, я увидела двух итальянцев, наблюдавших за домом, и поняла, что каким-то образом Джорджано обнаружил наше пристанище. Наконец Дженнаро сообщил мне через газету, что будет сигнализировать из определенного окна, но сигналы говорили только о необходимости остерегаться и внезапно прервались. Теперь мне ясно: муж знал, что Джорджано напал на его след, и, слава Богу, подготовился к встрече с ним. А теперь, джентльмены, скажите: совершили мы такое, что карается законом, и есть ли на свете суд, который вынес бы обвинительный приговор Дженнаро за то, что он сделал?

— Что же, мистер Грегсон, — сказал американец, посмотрев на английского агента, — не знаю, какова ваша британская точка зрения, но в Нью-Йорке, я полагаю, подавляющее большинство выразит благодарность мужу этой дамы.

— Ей придется поехать со мною к начальнику, — ответил Грегсон — Если ее слова подтвердятся, не думаю, что ей или ее мужу что-нибудь грозит. Но, чего я не способен уразуметь, так это каким образом в этом деле оказались замешаны вы, мистер Холмс.

— Образование, Грегсон, образование! Все еще обучаюсь в университете. Кстати, сейчас еще нет восьми часов, а в Ковент-Гардене идет опера Вагнера. Если поторопиться, мы можем успеть ко

Arthur Conan Doyle

Чертежи Брюса-Партигтона

В предпоследнюю неделю ноября 1895 года на Лондон спустился такой густой желтый туман, что с понедельника до четверга из окон нашей квартиры на Бейкер-стрит невозможно было различить силуэты зданий на противоположной стороне. В первый день Холмс приводил в порядок свой толстенный справочник, снабжая его перекрестными ссылками и указателем. Второй и третий день были им посвящены музыке средневековья — предмету, в недавнее время ставшему его коньком. Но когда на четвертый день мы после завтрака, отодвинув стулья, встали из-за стола и увидели, что за окном плывет все та же непроглядная, бурая мгла, маслянистыми каплями оседающая на стеклах, нетерпеливая и деятельная натура моего друга решительно отказалась влачить дольше столь унылое существование. Досадуя на бездействие, с трудом подавляя свою энергию, он расхаживал по комнате, кусал ногти и постукивал пальцами по мебели, попадавшейся на пути.

— Есть в газетах что-либо достойное внимания? — спросил он меня.

Я знал, что под «достойным внимания» Холмс имеет в виду происшествия в мире преступлений. В газетах были сообщения о революции, о возможности войны, о предстоящей смене правительства, но все это находилось вне сферы интересов моего компаньона. Никаких сенсаций уголовного характера я не обнаружил — ничего, кроме обычных, незначительных нарушений законности. Холмс издал стон и возобновил свои беспокойные блуждания.

— Лондонский преступник — бездарный тупица, — сказал он ворчливо, словно охотник, упустивший добычу. — Гляньте-ка в окно, Уотсон. Видите, как вдруг возникают и снова тонут в клубах тумана смутные фигуры? В такой день вор или убийца может невидимкой рыскать по городу, как тигр в джунглях, готовясь к прыжку. И только тогда... И даже тогда его увидит лишь сама жертва.

— Зарегистрировано множество мелких краж, — заметил я.

Холмс презрительно фыркнул.

— На такой величественной, мрачной сцене надлежит разыгрываться более глубоким драмам, — сказал он. — Счастье для лондонцев, что я не преступник.

— Еще бы! — сказал я с чувством.

— Вообразите, что я — любой из полусотни тех, что имеют достаточно оснований покушаться на мою жизнь. Как вы думаете, долго бы я оставался в живых, ускользая от собственного преследования? Неожиданный звонок, приглашение встретиться — и все кончено. Хорошо, что не бывает туманных дней в южных странах, где убивают, не задумываясь... Ого! Наконец-то нечто такое, что, быть может, нарушит нестерпимое однообразие нашей жизни.

Это вошла горничная с телеграммой. Холмс вскрыл телеграфный бланк и расхохотался.

— Нет, вы только послушайте. К нам жалуется Майкрофт, мой брат!

— И что же тут особенного?

— Что особенного? Это все равно, как если бы трамвай вдруг свернул с рельсов и покатил по проселочной дороге. Майкрофт движется по замкнутому кругу: квартира на Пэл-Мэл, клуб «Диоген» Уайтхолл — вот его неизменный маршрут. Сюда он заходил всей один раз. Какая катастрофа заставила его сойти с рельсов?

— Он не дает объяснений?

Холмс протянул мне телеграмму. Я прочел:

¹⁰ **The Adventure of the Red Circle**

First published in the Strand Magazine, Mar...Apr. 1911, with 3 illustrations by H. M. Brock and 1 by Joseph Simpson, and in the American edition of the Strand Magazine, Apr...May 1911, illustrated as above.

«Необходимо повидаться по поводу Кадогена Уэста. Прибуду немедленно.

Майкрофт».

— Кадоген Уэст? Я где-то слышал это имя.

— Мне оно ничего не говорит. Но чтобы Майкрофт вдруг выкинул такой номер... Непостижимо! Легче планете покинуть свою орбиту. Между прочим, вам известно, кто такой Майкрофт?

Мне смутно помнилось, что Холмс рассказывал что-то о своем брате в ту пору, когда мы расследовали «Случай с переводчиком».

— Вы, кажется, говорили, что он занимает какой-то небольшой правительственный пост.

Холмс коротко рассмеялся.

— В то время я знал вас недостаточно близко. Приходится держать язык за зубами, когда речь заходит о делах государственного масштаба. Да, верно. Он состоит на службе у британского правительства. И так же верно то, что подчас он и есть само британское правительство.

— Но, Холмс, помилуйте...

— Я ожидал, что вы удивитесь. Майкрофт получает четыреста пятьдесят фунтов в год, занимает подчиненное положение, не обладает ни малейшим честолюбием, отказывается от титулов и званий, и, однако, это самый незаменимый человек во всей Англии.

— Но каким образом?

— Видите ли, у него совершенно особое амплуа, и создал его себе он сам. Никогда доселе не было и никогда не будет подобной должности. У него великолепный, как нельзя более четко работающий мозг, наделенный величайшей, неслыханной способностью хранить в себе несметное количество фактов. Ту колоссальную энергию, какую я направил на раскрытие преступлений, он поставил на службу государству. Ему вручают заключения всех департаментов, он тот центр, та расчетная палата, где подводится общий баланс. Остальные являются специалистами в той или иной области, его специальность — знать все. Предположим, какому-то министру требуются некоторые сведения касательно военного флота, Индии, Канады и проблемы биметаллизма. Запрашивая поочередно соответствующие департаменты, он может получить все необходимые факты, но только Майкрофт способен тут же дать им правильное освещение и установить их взаимосвязь. Сперва его расценивали как определенного рода удобство, кратчайший путь к цели. Постепенно он сделал себя центральной фигурой. В его мощном мозгу все разложено по полочкам и может быть предъявлено в любой момент. Не раз одно его слово решало вопрос государственной политики — он живет в ней, все его мысли тем только и поглощены. И лишь когда я иной раз обращаюсь к нему за советом, он снисходит до того, чтобы помочь мне разобраться в какой-либо из моих проблем, почитая это для себя гимнастикой ума. Но что заставило сегодня Юпитера спуститься с Олимпа? Кто такой Кадоген Уэст, и какое отношение имеет он к Майкрофту?

— Вспомнил! — воскликнул я и принялся рыться в ворохе газет, валявшихся на диване. — Ну да, конечно, вот он! Кадоген Уэст — это тот молодой человек, которого во вторник утром нашли мертвым на линии метрополитена.

Холмс выпрямился в кресле, весь обратившись в слух: рука его, державшая трубку, так и застыла в воздухе, не добравшись до рта.

— Тут, должно быть, произошло что-то очень серьезное, Уотсон. Смерть человека, заставившая моего брата изменить своим привычкам, не может быть заурядной. Но какое отношение имеет к ней Майкрофт, черт возьми? Случай, насколько мне помнится, совершенно банальный. Молодой человек, очевидно, выпал из вагона и разбился насмерть. Ни признаков ограбления, ни особых оснований подозревать насилие — так ведь, кажется?

— Дознание обнаружило много новых фактов, — ответил я.

— Случай, если присмотреться к нему ближе, напротив, чрезвычайно странный.

— Судя по действию, какое он оказал на моего брата, это, вероятно, и в самом деле что-то из ряда вон выходящее. — Он поудобнее уселся в кресле. — Ну-ка, Уотсон, выкладывайте факты.

— Полное имя молодого человека — Артур Кадоген Уэст. Двадцати семи лет от роду, холост, младший клерк в конторе Арсенала в Вулидже.

— На государственной службе? Вот и звено, связывающее его с Майкрофтом!

— В понедельник вечером он неожиданно уехал из Вулиджа. Последней его видела мисс Вайолет Уэстбери, его невеста: в тот вечер в половине восьмого он внезапно оставил ее прямо на улице, в тумане. Ссоры между ними не было, и девушка ничем не может объяснить его поведение. Следующее известие о нем принес дорожный рабочий Мэйсон, обнаруживший его труп неподалеку от станций метрополитена Олдгет.

— Когда?

— Во вторник в шесть часов утра. Тело лежало почти у самой остановки, как раз там, где рельсы выходят из тоннеля, слева от них, если смотреть с запада на восток, и несколько в стороне. Череп оказался расколотым, вероятно, во время падения из вагона. Собственно, ничего другого и нельзя предположить, ведь труп мог попасть в тоннель только таким образом. Его не могли притащить с какой-либо из соседних улиц: было бы совершенно невозможно пронести его мимо контролеров. Следовательно, эта сторона дела не вызывает сомнений.

— Превосходно. Да, случай отменно прост. Человек, живой или мертвый, упал или был сброшен с поезда. Пока все ясно. Продолжайте.

— На линии, где нашли Кадогена Уэста, идет движение с запада на восток. Здесь ходят и поезда метро и загородные поезда, выходящие из Уилсдена и других пунктов. Можно с уверенностью утверждать, что молодой человек ехал ночным поездом, но где именно он сел, выяснить не удалось.

— Разве нельзя было узнать по его билету?

— Билета у него не нашли.

— Вот как! Позвольте, но это очень странно! Я по собственному опыту знаю, что пройти на платформу метро, не предъявив билета, невозможно. Значит, надо предположить, что билет у молодого человека имелся, но кто-то его взял, быть может, для того, чтобы скрыть место посадки. А не обронил ли он билет в вагоне? Тоже вполне вероятно. Но самый факт отсутствия билета чрезвычайно любопытен. Убийство с целью ограбления исключается?

— По-видимому. В газетах дана опись всего, что обнаружили в карманах Кадогена Уэста. В кошельке у него было два фунта и пятнадцать шиллингов. А также чековая книжка Вулиджского отделения одного крупного банка — по ней и установили личность погибшего. Еще при нем нашли два билета в бенуар театра в Вулидже на тот самый понедельник. И небольшую пачку каких-то документов технического характера.

Холмс воскликнул удовлетворенно:

— Ну, наконец-то! Теперь все понятно. Британское правительство — Вулидж — технические документы — брат Майкрофт. Все звенья цепи налицо. Но вот, если не ошибаюсь, и сам Майкрофт, он нам пояснит остальное.



Через минуту мы увидели рослую, представительную фигуру Майкрофта Холмса. Дородный, даже грузный, он казался воплощением огромной потенциальной физической силы, но над этим массивным телом возвышалась голова с таким великолепным лбом мыслителя, с такими пронизательными, глубоко посаженными глазами цвета стали, с таким твердо очерченным ртом и такой тонкой игрой выражения лица, что вы тут же забывали о неуклюжем теле и отчетливо ощущали только доминирующий над ним мощный интеллект.

Следом за Майкрофтом Холмсом показалась сухопарая, аскетическая фигура нашего старого приятеля Лестрейда, сыщика из Скотленд-Ярда. Озабоченное выражение их лиц ясно говорило, что разговор предстоит серьезный. Сыщик молча пожал нам руки. Майкрофт Холмс стянул с себя пальто и опустился в кресло.

— Очень неприятная история, Шерлок, — сказал он. — Терпеть не могу ломать свои привычки, но власти предрержащие и слышать не пожелали о моем отказе. При том конфликте, какой в настоящее время наблюдается в Сиаме, мое отсутствие в министерстве крайне нежелательно. Но положение напряженное, прямо-таки критическое. Никогда еще не видел премьер-министра до такой степени расстроенным. А в адмиралтействе все гудит, как в опрокинутом улье. Ты ознакомился с делом?

— Именно этим мы сейчас и занимались. Какие у Кадогена Уэста нашли документы?

— А, в них-то все и дело. По счастью, главное не вышло наружу, не то пресса подняла бы шум на весь мир. Бумаги, которые этот несчастный молодой человек держал у себя в кармане, — чертежи подводной лодки конструкции Брюса-Партиingtonа.

Произнесено это было столь торжественно, что мы сразу поняли, какое значение придавал Майкрофт случившемуся. Мы с моим другом ждали, что он скажет дальше.

— Вы, конечно, знаете о лодке Брюса-Партиingtonа? Я думал, всем о ней известно.

— Только понаслышке.

— Трудно переоценить ее военное значение. Из всех государственных тайн эта охранялась особенно ревностно. Можете поверить мне на слово: в радиусе действия лодки Брюса-Партиingtonа невозможно никакое нападение с моря. За право монополии на это изобретение два года тому назад была выплачена громадная сумма. Делалось все, чтобы сохранить его в тайне. Чертежи чрезвычайно сложны, включают в себя около тридцати отдельных патентов, из которых каждый является существенно необходимым для конструкции в целом. Хранятся они в надежном сейфе секретного отдела — в помещении, смежном с Арсеналом. На дверях и окнах запоры, гарантирующие от грабителей. Выносить документы не разрешалось ни под каким видом. Пожелай главный конструктор флота свериться по ним, даже ему пришлось бы самому ехать в Вулидж. И вдруг мы находим их в кармане мертвого мелкого чиновника, в центре города! С политической точки зрения это просто ужасно.

— Но ведь вы получили чертежи обратно!

— Да нет же! В том-то и дело, что нет. Из сейфа похищены все десять чертежей, а в кармане у Кадогена Уэста их оказалось только семь. Три остальных, самые важные, исчезли — украдены, пропали. Шерлок, брось все, забудь на время свои пустяковые полицейские ребусы. Ты должен разрешить проблему, имеющую колоссальное международное, значение. С какой целью Уэст взял документы? При каких обстоятельствах он умер? Как попал труп туда, где он был найден? Где три недостающих чертежа? Как исправить содеянное зло? Найди ответы на эти вопросы, и ты окажешь родине немаловажную услугу.

— Почему бы тебе самому не заняться расследованием? Твои способности к анализу не хуже моих.

— Возможно, Шерлок, но ведь тут понадобится выяснять множество подробностей. Дай мне эти подробности, и я, не вставая с кресла, вручу тебе точное заключение эксперта. Но бегать туда и сюда, допрашивать железнодорожных служащих, лежать на животе, глядя в лупу, — нет, уволь, это не по мне. Ты и только ты в состоянии раскрыть это преступление. И если у тебя есть желание увидеть свое имя в очередном списке награжденных...

Мой друг улыбнулся и покачал головой.

— Я веду игру ради удовольствия, — сказал он. — Но дело действительно не лишено интереса, я не прочь за него взяться. Дай мне, пожалуйста, еще факты.

— Я записал вкратце все основное. И добавил несколько адресов — могут тебе пригодиться. Официально ответственным за документы является известный правительственный эксперт сэр Джеймс Уолтер, его награды, титулы и звания занимают в справочном словаре две строки. Он поседел на государственной службе, это настоящий английский дворянин, почетный гость в самых высокопоставленных домах, и, главное, патриотизм его не вызывает сомнений. Он один из двоих, имеющих ключ от сейфа. Могу еще сообщить, что в понедельник в течение всего служебного дня документы, безусловно, были на месте, и сэр Джеймс Уолтер уехал в Лондон около трех часов, взяв ключ от сейфа с собой. Весь тот вечер он провел в доме адмирала Синклера на Баркли-сквер.

— Это проверено?

— Да. Его брат, полковник Валентайн Уолтер, показал, что сэр Джеймс действительно уехал из Вулиджа, и адмирал Синклер подтвердил, что вечер понедельника он пробыл у него. Таким образом, сэр Джеймс Уолтер в случившемся непосредственной роли не играет.

— У кого хранится второй ключ?

— У старшего клерка конторы техника Сиднея Джонсона. Ему сорок лет, женат, пятеро детей. Человек молчаливый, суровый. Отзывы по службе отличные. Коллеги не слишком его жалуют, но работник он превосходный. Согласно показаниям Джонсона, засвидетельствованным только его женой, в понедельник после службы он весь вечер был дома, и ключ все время оставался у него на обычном месте, на цепочке от часов.

— Расскажи нам о Кадогене Уэсте.

— Служил у нас десять лет, работал безупречно. У него репутация горячей головы, человека несдержанного, но прямого и честного. Ничего плохого мы о нем сказать не можем. Он числился младшим клерком, был под началом у Сиднея Джонсона. По долгу службы он ежедневно имел дело с этими чертежами. Кроме него, никто не имел права брать их в руки.

— Кто в последний раз запирает сейф?

— Сидней Джонсон.

— Ну, а кто взял документы, известно. Они найдены в кармане у младшего клерка Кадогена Уэста. Относительно этого и раздумывать больше нечего, все ясно.

— Только на первый взгляд, Шерлок. На самом деле многое остается непонятным. Прежде всего зачем он их взял?

— Я полагаю, они представляют собой немалую ценность?

— Он мог легко получить за них несколько тысяч.

— Ты можешь предположить иной мотив, кроме намерения продать эти бумаги?

— Нет.

— В таком случае примем это в качестве рабочей гипотезы. Итак, чертежи взял молодой Кадо-

ген Уэст. Прodelать это он мог только с помощью поддельного ключа.

— Несколько поддельных ключей. Ведь ему надо было сперва войти в здание, затем в комнату.

— Следовательно, у него имелось несколько поддельных ключей. Он повез документы в Лондон, чтобы продать военную тайну, и, несомненно, рассчитывал вернуть оригиналы до того, как их хватятся. Приехав в Лондон с этой целью, изменник нашел там свой конец.

— Но как это случилось?

— На обратном пути в Вулидж был убит и выброшен из вагона.

— Олдгет, где было найдено тело, намного дальше станции Лондонский мост, где он должен был бы сойти, если бы действительно ехал в Вулидж.

— Можно представить себе сколько угодно обстоятельств, заставивших его проехать мимо своей станции. Ну, например, он вел с кем-то разговор, закончившийся бурной ссорой и убийством изменника. Может быть, и так: Кадоген Уэст хотел выйти из вагона, упал на рельсы и разбился, а тот, другой, закрыл за ним дверь. В таком густом тумане никто ничего не мог увидеть.

— За неимением лучших будем пока довольствоваться этими гипотезами. Но, обрати внимание, Шерлок, сколько остается неясного. Допустим, Кадоген Уэст задумал переправить бумаги в Лондон. Естественно далее предположить, что у него там была назначена встреча с иностранным агентом, а для этого ему было бы необходимо высвободить себе вечер. Вместо этого он берет два билета в театр, отправляется туда с невестой и на полдороге внезапно исчезает.

— Для отвода глаз, — сказал Лестрейд, уже давно выказывавший признаки нетерпения.

— Прием весьма оригинальный. Это возражение первое. Теперь второе возражение. Предположим, Уэст прибыл в Лондон и встретился с агентом. До наступления утра ему надо было во что бы то ни стало успеть положить документы на место. Взял он десять чертежей. При нем нашли только семь. Что случилось с остальными тремя? Вряд ли он расстался бы с ними добровольно. И, далее, где деньги, полученные за раскрытие военной тайны? Логично было бы ожидать, что в кармане у него найдут крупную сумму.

— По-моему, тут все абсолютно ясно, — сказал Лестрейд.

— Я отлично понимаю, как все произошло. Уэст выкрал чертежи, чтобы продать их. Встретился в Лондоне с агентом. Не сошлись в цене. Уэст отправляется домой, агент за ним. В вагоне агент его приканчивает, забирает самые ценные из документов, выталкивает труп из вагона. Все сходится, как, по-вашему?

— Почему при нем не оказалось билета?

— По билету можно было бы догадаться, какая из станций ближе всего к местонахождению агента. Поэтому он и вытащил билет из кармана убитого.

— Bravo, Лестрейд, bravo, — сказал Холмс. — В ваших рассуждениях есть логика. Но если так, розыски можно прекратить. С одной стороны, изменник мертв, с другой стороны, чертежи подводной лодки Брюса-Партигтона, вероятно, уже на континенте. Что же нам остается?

— Действовать, Шерлок, действовать! — воскликнул Майкрофт, вскакивая с кресла. — Интуиция подсказывает мне, что тут кроется нечто другое. Напряги свои мыслительные способности, Шерлок. Посети место преступления, повидай людей, замешанных в деле, — все переверни вверх дном! Еще никогда не выпадало тебе случая оказать родине столь большую услугу.

— Ну что же, — сказал Холмс, пожав плечами. — Пойдемте, Уотсон. И вы, Лестрейд, не откажите в любезности на часок-другой разделить наше общество. Мы начнем со станции Олдгет. Всего хорошего, Майкрофт. Думаю, к вечеру ты уже получишь от нас сообщение о ходе дела, но, предупреждаю заранее, многого не жди.

Час спустя мы втроем — Холмс, Лестрейд и я — стояли с метро как раз там, где поезд, приближаясь к остановке, выходит из тоннеля. Сопровождавший нас краснолицый и весьма услужливый старый джентльмен представлял в своем лице железнодорожную компанию.

— Тело молодого человека лежало вот здесь, — сказал он нам, указывая на место футок в трех от рельсов. — Сверху он ниоткуда упасть не мог — видите, всюду глухие стены. Значит, свалился с поезда, и, по всем данным, именно с того, который проходил здесь в понедельник около полуночи.

— В вагонах не обнаружено никаких следов борьбы; насилия?

— Никаких. И билета тоже не нашли.

— И никто не заметил ни в одном из вагонов открытой двери?

— Нет.

— Сегодня утром мы получили кое-какие новые данные, — сказал Лестрейд. — Пассажир поезда метро, проезжавший мимо станции Олдгет в понедельник ночью, приблизительно в 11.40, показал, что перед самой остановкой ему почудилось, будто на пути упало что-то тяжелое. Но из-за густого тумана он ничего не разглядел. Тогда он об этом не заявил. Но что это с мистером Холмсом?

Глаза моего друга были прикованы к тому месту, где рельсы, изгибаясь, выползают из тоннеля. Станция Олдгет — узловая, и потому здесь много стрелок. На них-то и был устремлен острый, ищущий взгляд Холмса, и на его вдумчивом, подвижном лице я заметил так хорошо знакомое мне выражение: плотно сжатые губы, трепещущие ноздри, сведенные в одну линию тяжелые густые брови.



— Стрелки... — бормотал он. — Стрелки...

— Стрелки? Что вы хотите сказать?

— На этой дороге стрелок, я полагаю, не так уж много?

— Совсем мало.

— Стрелки и поворот... Нет, клянусь... Если бы это действительно было так...

— Да что такое, мистер. Холмс? Вам пришла в голову какая-то идея?

— Пока только догадки, намеки, не более. Но дело, безусловно, приобретает все больший интерес. Поразительно, поразительно... А впрочем, почему бы и нет?.. Я нигде не заметил следов крови.

— Их почти и не было.

— Но ведь, кажется, рана на голове была очень большая?

— Череп расколен, но внешние повреждения незначительны.

— Все-таки странно — не могло же вовсе обойтись без кровотечения! Скажите, нельзя ли мне обследовать поезд, в котором ехал пассажир, слышавший падение чего-то тяжелого?

— Боюсь, что нет, мистер Холмс. Тот поезд давно расформирован, вагоны попали в новые составы.

— Могу заверить вас, мистер Холмс, что все до единого вагоны были тщательно осмотрены, — вставил Лестрейд. — Я проследил за этим самолично.

К явным недостаткам моего друга следует отнести его нетерпимость в отношении людей, не обладающих интеллектом столь же подвижным и гибким, как его собственный.

— Надо полагать, — сказал он и отвернулся. — Но я, между прочим, собирался осматривать не вагоны. Уотсон, дольше нам здесь оставаться незачем, все, что было нужно, уже сделано. Мы не будем вас более задерживать, мистер Лестрейд. Теперь наш путь лежит в Вулидж.

На станции Лондонский мост Холмс составил телеграмму и, прежде чем отправить, показал ее мне. Текст гласил:

«В темноте забрезжил свет, но он может померкнуть. Прошу к нашему возвращению прислать с нарочным на Бейкер-стрит полный список иностранных шпионов и международных агентов, в настоящее время находящихся в Англии, с подробными их адресами.

Шерлок».

— Это может нам пригодиться, — заметил Холмс, когда мы сели в поезд, направляющийся в Вулидж. — Мы должны быть признательны Майкрофту — он привлек нас к расследованию дела, которое обещает быть на редкость интересным.

Его живое, умное лицо все еще хранило выражение сосредоточенного внимания и напряженной энергии, и я понял, что какой-то новый красноречивый факт заставил его мозг работать особенно интенсивно. Представьте себе гончую, когда она лежит на псарне, развалиясь, опустив уши и хвост, и затем ее же, бегущую по горячему следу, — точно такая перемена произошла с Холмсом. Теперь я видел перед собой совсем другого человека. Как не похож он был на ту вялую, развинченную фигуру в халате мышинного цвета, всего несколько часов назад бесцельно шагавшую по комнате, в плену у тумана!

— Увлекательный материал, широкое поле действия, — сказал он. — Я проявил тупость, не сообразив сразу, какие тут открываются возможности.

— А мне и теперь еще ничего не ясно.

— Конец не ясен и мне, но у меня есть одна догадка, она может продвинуть нас далеко вперед. Я уверен, что Кадоген Уэст был убит где-то в другом месте, и тело его находилось не внутри, а на крыше вагона.

— На крыше?!

— Невероятно, правда? Но давайте проанализируем факты. Можно ли считать простой случайностью то обстоятельство, что труп найден именно там, где поезд подбрасывает и раскачивает, когда он проходит через стрелку? Не тут ли должен упасть предмет, лежащий на крыше вагона? На предметы, находящиеся внутри вагона, стрелка никакого действия не окажет. Либо тело действительно упало сверху, либо это какое-то необыкновенное совпадение. Теперь обратите внимание на отсутствие следов крови. Конечно, их и не могло оказаться на путях, если убийство совершено в ином месте. Каждый из этих фактов подтверждает мою догадку, а взятые вместе, они уже являются совокупностью улик.

— А еще билет-то! — воскликнул я.

— Совершенно верно. Мы не могли это объяснить. Моя гипотеза дает объяснение. Все сходится.

— Допустим, так. И все же мы по-прежнему далеки от раскрытия таинственных обстоятельств смерти Уэста. Я бы сказал, дело не стало проще, оно еще более запутывается.

— Возможно, — проговорил Холмс задумчиво, — возможно...

Он умолк и сидел, погруженный в свои мысли, до момента, когда поезд подполз наконец к станции Вулидж. Мы сели в кэб, и Холмс извлек из кармана оставленный ему Майкрофтом листок.

— Нам предстоит нанести ряд визитов, — сказал он. — Первым нашего внимания требует, я полагаю, сэр Джеймс Уолтер.

Дом этого известного государственного деятеля оказался роскошной виллой — зеленые газоны перед ним тянулись до самой Темзы. Туман начал рассеиваться, сквозь него пробивался слабый, жидкий свет. На наш звонок вышел дворецкий.

— Сэр Джеймс? — переспросил он, и лицо его приняло строго торжественное выражение. — Сэр Джеймс скончался сегодня утром, сэр.

— Боже ты мой! — воскликнул Холмс в изумлении. — Как, отчего он умер?

— Быть может, сэр, вы сообразовали войти в дом и повидаете его брата, полковника Валентайна?

— Да, вы правы, так мы и сделаем.

Нас провели в слабо освещенную гостиную, и минутой спустя туда вошел очень высокий, красивый мужчина лет пятидесяти, с белокурой бородой — младший брат покойного сэра Джеймса. Смятение в глазах, щеки, мокрые от слез, волосы в беспорядке — все говорило о том, какой удар обрушился на семью. Рассказывая, как это случилось, полковник с трудом выговаривал слова.

— Все из-за этого ужасного скандала, — сказал он. — Мой брат был человеком высокой чести, он не мог пережить такого позора. Это его потрясло. Он всегда гордился безупречным порядком в своем департаменте, и вдруг такой удар...

— Мы надеялись получить от него некоторые пояснения, которые могли бы содействовать раскрытию дела.

— Уверяю вас, то, что произошло, для него было так же непостижимо, как для вас и для всех прочих. Он уже заявил полиции обо всем, что было ему известно. Разумеется, он не сомневался в виновности Кадогена Уэста. Но все остальное — полная тайна.

— А лично вы не могли бы еще что-либо добавить?

— Я знаю только то, что слышал от других и прочел в газетах. Я бы не хотел показаться нелюбезным, мистер Холмс, но вы должны понять, мы сейчас в большом горе, и я вынужден просить вас поскорее закончить разговор.

— Вот действительно неожиданный поворот событий, — сказал мой друг, когда мы снова сели в кэб. Бедный старик. Как же он умер — естественной смертью или покончил с собой? Если это самоубийство, не вызвано ли оно терзаниями совести за невыполненный перед родиной долг? Но этот вопрос мы отложим на будущее. А теперь займемся Кадогеном Уэстом.

Осиротелая мать жила на окраине в маленьком доме, где царил образцовый порядок. Старушка была совершенно убита горем и не могла ничем нам помочь, но рядом с ней оказалась молодая девушка с очень бледным лицом — она представилась нам как мисс Вайолет Уэстбери, невеста покойного и последняя, кто видел его в тот роковой вечер.

— Я ничего не понимаю, мистер Холмс, — сказала она. — С тех пор, как стало известно о несчастье, я не сомкнула глаз, день и ночь я думаю, думаю, доискиваюсь правды. Артур был человеком благородным, прямодушным, преданным своему делу, истинным патриотом. Он скорее отрубил бы себе правую руку, чем продал доверенную ему государственную тайну. Для всех, кто его знал, сама эта мысль недопустима, нелепа.

— Но, факты, мисс Уэстбери...

— Да, да. Я не могу их объяснить, признаюсь.

— Не было ли у него денежных затруднений?

— Нет. Потребности у него были очень скромные, а жалованье он получал большое. У него имелись сбережения, несколько сотен фунтов, и на Новый год мы собирались обвенчаться.

— Вы не замечали, чтоб он был взволнован, нервничал? Прошу вас, мисс Уэстбери, будьте с нами абсолютно откровенны.

Быстрый глаз моего друга уловил какую-то перемену в девушке — она колебалась, покраснела.

— Да, мне казалось, его что-то тревожит.

— И давно это началось?

— С неделю назад. Он иногда задумывался, вид у него становился озабоченным. Однажды я стала допытываться, спросила, не случилось ли чего. Он признался, что обеспокоен и что это касается служебных дел. «Создалось такое положение, что даже тебе не могу о том рассказать», — ответил он мне. Больше я ничего не могла добиться.

Лицо Холмса приняло очень серьезное выражение.

— Продолжайте, мисс Уэстбери. Даже если на первый взгляд ваши показания не в его пользу, говорите только правду, — никогда не знаешь наперед, куда это может привести.

— Поверьте, мне больше нечего сказать. Раза два я думала, что он уже готов поделиться ею мной своими заботами. Как-то вечером разговор зашел о том, какое необычайно важное значение

имеют хранящиеся в сейфе документы, и, помню, он добавил, что, конечно, иностранные шпионы дорого дали бы за эту военную тайну.

Выражение лица Холмса стало еще серьезнее.

— И больше он ничего не сказал?

— Заметил только, что мы несколько небрежны с хранением военных документов, что изменнику не составило бы труда до них добраться.

— Он начал заговаривать на такие темы только недавно?

— Да, лишь в последние дни.

— Расскажите, что произошло в тот вечер.

— Мы собрались идти в театр. Стоял такой густой туман, что нанимать кэб было бессмысленно. Мы пошли пешком. Дорога наша проходила недалеко от Арсенала. Вдруг Артур бросился от меня в сторону и скрылся в тумане.

— Не сказав ни слова?

— Только крикнул что-то, и все. Я стояла, ждала, но он не появился. Тогда я вернулась домой. На следующее утро из департамента пришли сюда справляться о нем. Около двенадцати часов до нас дошли ужасные вести. Мистер Холмс, заклиная вас: если это в ваших силах, спасите его честное имя. Он им так дорожил!

Холмс печально покачал головой.

— Ну, Уотсон, нам пора двигаться дальше, — сказал он. — Теперь отправимся к месту, откуда были похищены документы.

— С самого начала против молодого человека было много улик. После допросов их стало еще больше, — заметил он, когда кэб тронулся. — Предстоящая женитьба — достаточный мотив для преступления. Кадогену Уэсту, естественно, требовались деньги. Мысль о похищении чертежей в голову ему приходила, раз он заводил о том разговор с невестой. И чуть не сделал ее сообщницей, уже хотел было поделиться с ней своим планом. Скверная история.

— Но послушайте, Холмс, неужели репутация человека вовсе не идет в счет? И потом, зачем было оставлять невесту одну на улице и сломя голову кидаться воровать документы?

— Вы рассуждаете здраво, Уотсон. Возражение весьма существенное. Но опровергнуть обвинение будет очень трудно.

Мистер Сидней Джонсон встретил нас с тем почтением, какое у всех неизменно вызывала визитная карточка моего компаньона. Старший клерк оказался худощавым, хмурым мужчиной среднего возраста, в очках; от пережитого потрясения он осунулся, руки у него дрожали.

— Неприятная история, мистер Холмс, очень неприятная. Вы слышали о смерти шефа?

— Мы только что из его дома.

— У нас тут такая неразбериха. Глава департамента умер, Кадоген Уэст умер, бумаги похищены. А ведь в понедельник вечером, когда мы запирали помещение, все было в порядке — департамент как департамент. Боже мой, Боже мой!.. Подумать страшно. Чтобы именно Уэст совершил такой поступок!

— Вы, значит, убеждены в его виновности?

— Больше подозревать некого. А я доверял ему, как самому себе!

— В котором часу в понедельник заперли помещение?

— В пять часов.

— Где хранились документы?

— Вон в том сейфе. Я их сам туда положил.

— Сторожа при здании не имеется?

— Сторож есть, но он охраняет не только наш отдел. Это старый солдат, человек абсолютно надежный. Он ничего не видел. В тот вечер, правда, был ужасный туман, невероятно густой.

— Предположим, Кадоген Уэст вздумал бы пройти в помещение не в служебное время; ему понадобилось бы три ключа, чтобы добраться до бумаг, не так ли?

— Именно так. Ключ от входной двери, ключ от конторы и ключ от сейфа.

— Ключи имелись только у вас и у сэра Джеймса Уолтера?

— От помещений у меня ключей нет, только от сейфа.

— Сэр Джеймс отличался аккуратностью?

— Полагаю, что да. Знаю только, что все три ключа он носил на одном кольце. Я их часто у него видел.

— И это кольцо с ключами он брал с собой, когда уезжал в Лондон?

— Он говорил, что они всегда при нем.

— И вы тоже никогда не расстаётесь со своим ключом?

— Никогда.

— Значит, Уэст, если преступник действительно он, сделал вторые ключи. Но у него никаких ключей не обнаружили. Еще один вопрос: если бы кто из сотрудников, работающих в этом помещении, задумал продать военную тайну, не проще ли было бы для него скопировать чертежи, чем похищать оригиналы, как это было проделано?

— Чтобы скопировать их как следует, нужны большие технические познания.

— Они, очевидно, имелись и у сэра Джеймса и у Кадогена Уэста. Они есть и у вас.

— Разумеется, но я прошу не впутывать меня в эту историю, мистер Холмс. И что попусту гадать, как оно могло быть, когда известно, что чертежи нашлись в кармане Уэста?

— Но, право, все же очень странно, что он пошел на такой риск и захватил с собой оригиналы, когда мог преспокойно их скопировать и продать копии.

— Конечно, странно, однако взяты именно оригиналы.

— Чем больше ищешь, тем больше вскрывается в этом деле загадочного. Недостающие три документа все еще не найдены. Насколько я понимаю, они-то и являются основными?

— Да.

— Значит ли это, что тот, к кому эти три чертежа попали, получил возможность построить подводную лодку Брюса-Партиingtonа, обойдясь без остальных семи чертежей?

— Я как раз об этом и докладывал в адмиралтействе. Но сегодня я опять просмотрел чертежи и усомнился. На одном из вернувшихся документов имеются чертежи клапанов и автоматических затворов. Пока они там, за границей, сами их не изобретут, они не смогут построить лодку Брюса-Партиingtonа. Впрочем, обойти такое препятствие не составит особого труда.

— Итак, три отсутствующие чертежа — самые главные?

— Несомненно.

— Если не возражаете, я произведу небольшой осмотр помещения. Больше у меня вопросов к вам нет.



Холмс обследовал замок сейфа, обошел всю комнату и, наконец, проверил железные ставни на окнах. Только когда мы уже очутились на газоне перед домом, интерес его снова ожил. Под окном росло лавровое дерево, — некоторые из его веток оказались согнуты, другие сломаны. Холмс тщательно исследовал их с помощью лупы, осмотрел также еле приметные следы на земле. И, наконец, попросив старшего клерка закрыть железные ставни, обратил мое внимание на то, что створки по-

середине чуть-чуть не сходятся и с улицы можно разглядеть, что делается внутри.

— Следы, конечно, почти исчезли, утратили свою ценность из-за трех дней промедления. Они могут что-то означать, могут и не иметь никакого значения. Ну, Уотсон, я думаю, с Вулиджем пока все. Улов наш здесь невелик. Посмотрим, не добьемся ли мы большего в Лондоне.

И, однако, мы поймали еще кое-что в наши сети, прежде чем покинули Вулидж. Кассир на станции, не колеблясь, заявил, что в понедельник вечером видел Кадогена Уэста, которого хорошо знал в лицо. Молодой человек взял билет третьего класса на поезд 8.15 до станции Лондонский мост. Уэст был один, и кассира поразило его крайне нервное, встревоженное состояние. Он был до такой степени взволнован, что никак не мог собрать сдачу, кассиру пришлось ему помочь. Справившись по расписанию, мы убедились, что поезд, отходивший в 8.15, был фактически первым поездом, каким Уэст мог уехать в Лондон, после того как в половине восьмого оставил невесту на улице.

— Попробуем восстановить события, — сказал мне Холмс, помолчав минут тридцать. — Нет, честное слово, мы с вами еще не сталкивались с делом до такой степени трудным. С каждым шагом натыкаешься на новый подводный камень. И все же мы заметно продвинулись вперед.

Результаты допроса в Вулидже в основном говорят против Уэста, но кое-что, замеченное нами под окном конторы, позволяет строить более благоприятную для него гипотезу. Допустим, что к нему обратился иностранный агент. Он мог связать Уэста такими клятвами, что тот был вынужден молчать. Но эта мысль его занимала, на что указывают те отрывочные замечания и намеки, о которых рассказала нам его невеста. Отлично. Предположим далее, что в то время, как они шли в театр, он различил в тумане этого самого агента, направляющегося к зданию Арсенала. Уэст был импульсивным молодым человеком, действовал не задумываясь. Когда дело касалось его гражданского долга, все остальное для него уже теряло значение. Он пошел за агентом, встал под окном, видел, как вор похищает документы, и бросился за ним в погоню. Таким образом, снимается вопрос, почему взяты оригиналы, а не сняты копии, для постороннего лица сделать это было невозможно. Видите, как будто логично.

— Ну, а дальше?

— Тут сразу возникает затруднение. Казалось бы, первое, что следовало сделать молодому человеку, это схватить негодяя и поднять тревогу. Почему он поступил иначе? Быть может, похититель — лицо выше его стоящее, его начальник? Тогда поведение Уэста понятно. Или же так: вору удалось ускользнуть в тумане, и Уэст тут же кинулся к нему домой, в Лондон, чтобы как-то помешать, если предположить, что адрес Уэсту был известен. Во всяком случае, только что-то чрезвычайно важное, требующее безотлагательного решения, могло заставить его бросить девушку одну на улице. И не дать позже знать о себе. Дальше след теряется, и до момента, когда тело Уэста с семью чертежами в кармане оказалось на крыше вагона, получается провал, неизвестность. Начнем теперь поиски с другого конца. Если Майкрофт уже прислал список имен и адресов, быть может, среди них найдется тот, кто нам нужен, и мы пустимся сразу по двум следам.

На Бейкер-стрит нас и в самом деле ожидал список, доставленный специальным курьером. Холмс пробежал его глазами, перекинул мне. Я стал читать:

«Известно множество мелких мошенников, но мало таких, кто рискнул бы пойти на столь крупную авантюру. Достойны внимания трое: Адольф Мейер — Грейт-Джордж-стрит, 13, Вестминстер; Луи ла Ротьер — Кэмден-Мэншенз, Ноттинг Хилл; Гуго Оберштейн — Колфилд-Гарденс, 13, Кенсингтон. Относительно последнего известно, что в понедельник он был в Лондоне, по новому донесению — выбыл. Рад слышать, что „в темноте забрезжил свет“. Кабинет министров с величайшим волнением ожидает твоего заключительного доклада. Подучены указания из самых высоких сфер. Если понадобится, вся полиция Англии к твоим услугам.

Майкрофт».

— Боюсь, что «вся королевская конница и вся королевская рать»¹¹ не смогут помочь мне -в

¹¹ Строка из английской детской песенки. Перевод С. Маршака.

этом деле, — сказал Холмс, улыбаясь. Он раскрыл свой большой план Лондона и склонился над ним с живейшим интересом. — Ого! — немного спустя воскликнул он удовлетворенно. — Кажется, нам начинает сопутствовать удача. Знаете, Уотсон, я уже думаю, что в конце концов мы с вами это дело осилим. — В неожиданном порыве веселья он хлопнул меня по плечу. — Сейчас я отправляюсь всего-навсего в разведку, ничего серьезного я предпринимать не стану, пока рядом со мной нет моего верного компаньона и биографа. Вы оставайтесь здесь, и, весьма вероятно, через час-другой мы увидимся снова. Если соскучитесь, вот вам стопа бумаги и перо: принимайтесь писать о том, как мы выручили государство.

Меня в какой-то степени заразило его приподнятое настроение, я знал, что без достаточных на то оснований Холмс не скинет с себя маски сдержанности. Весь долгий ноябрьский вечер я провел в нетерпеливом ожидании моего друга. Наконец в самом начале десятого посыльный принес мне от него такую записку:

«Обедаю в ресторане Гольдини на Глостер-роуд, Кенсингтон. Прошу вас немедленно прийти туда. Захватите с собой ломик, закрытый фонарь, стамеску и револьвер.

Ш. Х.»

Нечего сказать, подходящее снаряжение предлагалось почтенному гражданину таскать особой по темным, окутанным туманом улицам! Все указанные предметы я старательно рассовал по карманам пальто и направился по указанному Холмсом адресу. Мой друг сидел в этом крикливо нарядном итальянском ресторане за круглым столиком неподалеку от входа.

— Хотите перекусить? Нет? Тогда выпейте за компанию со мной кофе с кюрасо. И попробуйте одну из сигар владельца заведения, они не так гнусны, как можно было ожидать. Все с собой захватили?

— Все. Спрятано у меня в пальто.

— Отлично. Давайте в двух словах изложу вам, что я за это время проделал и что нам предстоит делать дальше. Я думаю, Уотсон, для вас совершенно очевидно, что труп молодого человека был положен на крышу. Мне это стало ясно, едва я убедился, что он упал не из вагона.

— А не могли его бросить на крышу с какого-нибудь моста?

— По-моему, это невозможно. Крыши вагонов покаты, и никаких поручней или перил нет, — он бы не удержался. Значит, можно с уверенностью сказать, что его туда положили.

— Но каким образом?

— Это вопрос, на который нам надлежит ответить. Есть только одна правдоподобная версия. Вам известно, что поезда метро в некоторых пунктах Вест-Энда выходят из тоннеля наружу. Мне смутно помнится, что, проезжая там, я иногда видел окна домов как раз у себя над головой. Теперь представьте себе, что поезд остановился под одним из таких окон. Разве так уж трудно положить из окна труп на крышу вагона?

— По-моему, это совершенно неправдоподобно.

— Следует вспомнить старую аксиому: когда исключаются все возможности, кроме одной, эта последняя, сколь ни кажется она невероятной, и есть неоспоримый факт. Все другие возможности нами исключены. Когда я выяснил, что крупный международный шпион, только что выбывший из Лондона, проживал в одном из домов, выходящих прямо на линию метро, я до того обрадовался, что даже удивил вас некоторой фамильярностью поведения.

— А, так вот, оказывается, в чем дело!

— Ну да! Гуго Оберштейн, занимавший квартиру на Колфилд-Гарденс в доме тринадцать, стал моей мишенью. Я начал со станции Глостер-роуд. Там очень любезный железнодорожный служащий прошелся со мной по путям, и я не только удостоверился, что на черном ходу окна лестниц в домах по Колфилд-Гарденс выходят прямо на линию, но и узнал еще кое-что поважнее: именно там пути пересекаются с другой, более крупной железнодорожной веткой, и поезда метро часто по нескольку минут стоят как раз на этом самом месте.

— Bravo, Холмс! Вы все-таки докопались до сути!

— Не совсем, Уотсон, не совсем. Мы продвигаемся вперед, но цель еще далека. Итак, проверив

заднюю стену дома номер тринадцать на Колфилд-Гарденс, я обследовал затем его фасад и убедился в том, что птичка действительно упорхнула. Дом большой, на верхнем этаже отдельные квартиры. Оберштейн проживал именно там, и с ним всего лишь один лакей, очевидно, его сообщник, которому он полностью доверял. Итак, Оберштейн отправился на континент, чтобы сбыть с рук добычу, но это отнюдь не бегство, — у него не было причин бояться ареста. А то, что ему могут нанести частный визит, этому джентльмену и в голову не приходило. Но мы с вами как раз это и продеваем.

— А нельзя ли получить официальный ордер на обыск, чтобы все было по закону?

— На основании имеющихся у нас данных — едва ли.

— Но что может дать нам обыск?

— Например, какую-нибудь корреспонденцию.

— Холмс, мне это не нравится.

— Дорогой мой, вам надо будет постоять на улице, посторожить, только и всего. Всю противозаконную деятельность беру на себя. Сейчас не время отступать из-за пустяков. Вспомните, что писал Майкрофт, вспомните встревоженное адмиралтейство и кабинет министров, высокую особу, ожидающую от нас новостей. Мы обязаны это сделать.

Вместо ответа я встал из-за стола.

— Вы правы, Холмс. Это наш долг.

Он тоже вскочил и пожал мне руку.

— Я знал, что вы не подведете в последнюю минуту, — сказал Холмс, и в глазах его я прочел что-то очень похожее на нежность. В следующее мгновение он был снова самим собой — уверенный, трезвый, властный. — Туда с полмили, но спешить нам незачем, пойдемте пешком, — продолжал он. — Не растеряйте ваше снаряжение, прошу вас. Если вас арестуют как подозрительную личность, это весьма осложнит дело.

Колфилд-Гарденс — это ряд домов с ровными фасадами, с колоннами и портиками, весьма типичный продукт середины викторианской эпохи в лондонском Вест-Энде. В соседней квартире звенели веселые молодые голоса и брэнчало в ночной тишине пианино. По-видимому, там был в разгаре детский праздник. Туман еще держался и укрывал нас своей завесой. Холмс зажег фонарик и направил его луч на массивную входную дверь.

— Да, солидно, — сказал он. — Тут, видимо, не только замок, но и засовы. Попробуем черный ход — через дверь в подвал. В случае, если появится какой-нибудь слишком рьяный блюститель порядка, вон там внизу к нашим услугам великолепный темный уголочек. Дайте мне руку, Уотсон, придется лезть через ограду, а потом я помогу вам.

Через минуту мы были внизу у входа в подвал. Едва мы укрылись в спасительной тени, как где-то над нами в тумане послышались шаги полицейского. Когда их негромкий, размеренный стук затих вдаль, Холмс принялся за работу. Я видел, как он нагнулся, поднатужился, и дверь с треском распахнулась. Мы проскользнули в темный коридор, прикрыв за собой дверь. Холмс шел впереди по голым ступеням изогнутой лестницы. Желтый веерок света от его фонарика упал на низкое лестничное окно.

— Вот оно. Должно быть, то самое.

Холмс распахнул раму, и в ту же минуту послышался негромкий, тягучий гул, все нараставший и, наконец, перешедший в рев, — мимо дома в темноте промчался поезд. Холмс провел лучом фонарика по подоконнику — он был покрыт густым слоем сажи, выпавшей из паровозных труб. В некоторых местах она оказалась слегка смазана.

— Потому что здесь лежало тело. Эге! Смотрите-ка, Уотсон, что это? Ну, конечно, следы крови. — Он указал на темные, мутные пятна по низу рамы. — Я их заметил и на ступенях лестницы. Картина ясна. Подождем, пока тут остановится поезд.



Ждать пришлось недолго. Следующий состав, с таким же ревом вынырнувший из тоннеля, постепенно замедлил ход и, скрежеща тормозами, стал под самым окном. От подоконника до крыши вагона было не больше четырех футов. Холмс тихо притворил раму.

— Пока все подтверждается, — проговорил он. — Ну, что скажете, Уотсон?

— Гениально! Вы превзошли самого себя.

— Тут я с вами не согласен. Требовалось только сообразить, что тело находилось на крыше вагона, и это было не Бог весть какой гениальной догадкой, а все остальное неизбежно вытекало из того факта. Если бы на карту не были поставлены серьезные государственные интересы, вся эта история, насколько она нам пока известна, ничего особенно значительного собой не представляла бы. Трудности у нас, Уотсон, все еще впереди. Но, как знать, быть может, здесь мы найдем какие-нибудь новые указания.

Мы поднялись по черной лестнице и очутились в квартире второго этажа. Скупобставленная столовая не заключала в себе ничего для нас интересного. В спальне мы тоже ничего не обнаружили. Третья комната сулила больше, и мой друг принялся за систематический обыск. Комната, очевидно, служила кабинетом — повсюду валялись книги и бумаги. Быстро и ловко Холмс выворачивал одно за другим содержимое ящиков письменного стола, полок шкафа, но его суровое лицо не озарилось радостью успеха. Прошел час, и все никакого результата.

— Хитрая лисица, замел все следы, — сказал Холмс. — Никаких улик. Компрометирующая переписка либо увезена, либо уничтожена. Вот наш последний шанс.

Он взял стоявшую на письменном столе небольшую металлическую шкатулку и вскрыл ее с помощью стамески. В ней лежало несколько свернутых в трубку бумажных листков, покрытых цифрами и расчетами, но угадать их смысл и значение было невозможно. Лишь повторяющиеся слова «давление воды» и «давление на квадратный дюйм» позволяли предполагать, что все это имеет какое-то отношение к подводной лодке. Холмс нетерпеливо отшвырнул листки в сторону. Остался еще конверт с какими-то газетными вырезками. Холмс разложил их на столе, и по его загоревшимся глазам я понял, что появилась надежда.

— Что это такое, Уотсон, а? Газетные объявления и, судя по шрифту и бумаге, из «Дейли телеграф» — из верхнего угла правой полосы. Даты не указаны, но вот это, по-видимому, первое:

«Надеялся услышать раньше. Условия приняты. Пишите подробно по адресу, указанному на карточке.

Пьерро».

А вот второе:

«Слишком сложно для описания. Должен иметь полный отчет. Оплата по вручении товара.

Пьерро».

И третье:

«Поторопитесь. Предложение снимается, если не будут выполнены условия договора. В письме укажите дату встречи. Подтвердим через объявление.

Пьерро».

И, наконец, последнее:

«В понедельник вечером после девяти. Стучать два раза. Будем одни. Оставьте подозрительность. Оплата наличными по вручении товара.

Пьерро».

Собрано все — вполне исчерпывающий отчет о ходе переговоров! Теперь добраться бы до того, кому это адресовано.

Холмс сидел, крепко задумавшись, постукивая пальцем по столу. И вдруг вскочил на ноги.

— А, пожалуй, это не так уж трудно. Здесь, Уотсон, нам делать больше нечего. Отправимся в редакцию «Дейли телеграф» и тем завершим наш плодотворный день.

Майкрофт Холмс и Лестрейд, как то было условлено, явились на следующий день после завтрака, и Холмс поведал им о наших похождениях накануне вечером. Полицейский сыщик покачал головой, услышав исповедь о краже со взломом.

— У нас в Скотленд-Ярде такие вещи делать не полагается, мистер Холмс, — сказал он. — Не удивительно, что вы достигаете того, что нам не под силу. Но в один прекрасный день вы с вашим приятелем хватите через край, и тогда вам не миновать неприятностей.

— Погибнем «за Англию, за дом родной и за красу»¹². А, Уотсон? Мученики, сложившие головы на алтарь отечества. Но что скажешь ты, Майкрофт?

— Превосходно, Шерлок! Великолепно! Но что это нам дает? Холмс взял лежавший на столе свежий номер «Дейли телеграф».

— Ты видел сегодняшнее сообщение «Пьерро»?

— Как? Еще?

— Да. Вот оно:

«Сегодня вечером. То же место, тот же час. Стучать два раза. Дело чрезвычайно важное. На карте ваша собственная безопасность.

Пьерро».

— Ах, шут возьми! — воскликнул Лестрейд. — Ведь если он откликнется, мы его схватим!

— С этой целью я и поместил это послание. Если вас обоих не затруднит часов в восемь отправиться с нами на Колфилд-Гарденс, мы приблизимся к разрешению нашей проблемы.

Одной из замечательных черт Шерлока Холмса была его способность давать отдых голове и переключаться на более легковесные темы, когда он полагал, что не может продолжать работу с пользой для дела: и весь тот памятный день он целиком посвятил задуманной им монографии «Полифонические мотеты Лассуса». Я не обладал этой счастливой способностью отрешаться, и день тянулся для меня бесконечно. Огромное государственное значение итогов нашего расследования, напряженное ожидание в высших правительственных сферах, предстоящий опасный эксперимент —

¹² Вошедший в поговорку отрывок из песни «Смерть Нельсона», сочиненной и исполнявшейся знаменитым английским тенором Джоном Брамом (1774–1836).

все способствовало моей нервозности. Поэтому я почувствовал облегчение, когда после легкого обеда мы, наконец, отправились на Колфилд-Гарденс, Лестрейд и Майкрофт, как мы договорились, встретили нас возле станции Глостер-роуд. Подвальная дверь дома, где жил Оберштейн оставалась открытой с прошлой ночи, но так как Майкрофт Холмс наотрез отказался лезть через ограду, мне пришлось пройти вперед и открыть парадную дверь. К девяти часам мы все четверо уже сидели в кабинете, терпеливо дожидаясь нужного нам лица.

Прошел час, другой. Когда пробило одиннадцать, бой часов и церковной башне прозвучал для нас как погребальный звон по нашим надеждам. Лестрейд и Майкрофт ерзали на стульях и поминутно смотрели на часы. Шерлок Холмс сидел спокойно, полузакрыв веки, но внутренне настороженный. Вдруг он вскинул голову.

— Идет, — проговорил он.

Кто-то осторожно прошел мимо двери. Шаги удалились и снова приблизились. Послышалось шарканье ног, и дважды стукнул дверной молоток. Холмс встал, сделав нам знак оставаться на месте. Газовый рожок в холле почти не давал света. Холмс открыл входную дверь и, когда темная фигура скользнула мимо, запер дверь на ключ.

— Прошу сюда, — услышали мы его голос, и в следующее мгновение тот, кого мы поджидали, стоял перед нами.

Холмс шел за ним по пятам, и, когда вошедший с возгласом удивления и тревоги отпрянул было назад, мой друг схватил его за шиворот и втолкнул обратно в комнату. Пока наш пленник вновь обрел равновесие, дверь в комнату была уже заперта, и Холмс стоял к ней спиной. Пойманный испуганно обвел глазами комнату, пошатнулся и упал замертво. При падении широкополая шляпа свалилась у него с головы, шарф, закрывавший лицо, сполз, и мы увидели длинную белокурую бороду и мягкие, изящные черты лица полковника Валентайна Уолтера.



Холмс от удивления свистнул.

— Уотсон, — сказал он, — на этот раз можете написать в своем рассказе, что я полный осел. Попалась совсем не та птица, для которой я расставлял силки.

— Кто это? — спросил Майкрофт с живостью.

— Младший брат покойного сэра Джеймса Уолтера, главы департамента субмарин. Да-да, теперь я вижу, как легли карты. Полковник приходит в себя. Допрос этого джентльмена прошу предоставить мне.

Мы положили неподвижное тело на диван. Но вот наш пленник привстал, огляделся — лицо его выразило ужас. Он провел рукой по лбу, словно не веря своим глазам.

— Что это значит? — проговорил он. — Я пришел к мистеру Оберштейну.

— Все раскрыто, полковник Уолтер, — сказал Холмс. — Как мог английский дворянин поступить подобным образом, это решительно не укладывается в моем сознании. Но нам известно все о вашей переписке и отношениях с Оберштейном. А также и об обстоятельствах, связанных с убийством Кадогена Уэста. Однако некоторые подробности мы сможем узнать только от вас. Советую вам чистосердечным признанием хоть немного облегчить свою вину.

Полковник со стоном уронил голову на грудь и закрыл лицо руками. Мы ждали, но он молчал.

— Могу вас уверить, что основные факты для нас ясны, — сказал Холмс. — Мы знаем, что у вас были серьезные денежные затруднения, что вы изготовили слепки с ключей, находившихся у вашего брата, и вступили в переписку с Оберштейном, который отвечал на ваши письма в разделе объявлений в «Дейли телеграф». Мы знаем также, что в тот туманный вечер в понедельник вы проникли в помещение, где стоял сейф, и Кадоген Уэст вас выследил, — очевидно, у него уже были основания подозревать вас. Он был свидетелем похищения чертежей, но не решился поднять тревогу, быть может, предполагая, что вы достаете документы по поручению брата. Забыв про личные дела, Кадоген Уэст, как истинный патриот, преследовал вас, скрытый туманом, до самого этого дома. Тут он к вам подошел, и вы, полковник Уолтер, к государственной измене прибавили еще одно, более ужасное преступление — убийство.

— Нет! Нет! Клянусь Богом, я не убивал! — закричал несчастный пленник.

— В таком случае, объясните, каким образом он погиб, что произошло до того, как вы положили его труп на крышу вагона.

— Я расскажу. Клянусь, я вам все расскажу. Все остальное действительно было именно так, как вы сказали. Я признаюсь. На мне висел долг — я запутался, играя на бирже. Деньги нужны были позарез. Оберштейн предложил мне пять тысяч. Я хотел спастись от разорения. Но я не убивал, в этом я не повинен.

— Что же в таком случае произошло?

— Уэст меня подозревал и выследил — все так, как вы сказали. Я обнаружил его только у входа в дом. Туман был такой, что в трех шагах ничего не было видно. Я постучал дважды, и Оберштейн открыл мне дверь. Молодой человек ворвался в квартиру, бросился к нам, стал требовать, чтобы мы ему объяснили, зачем нам понадобились чертежи. Оберштейн всегда имеет при себе свинцовый кистень — он ударил им Кадогена Уэста по голове. Удар оказался смертельным, Уэст умер через пять минут. Он лежал на полу в холле, и мы совершенно растерялись, не знали, что делать. И тут Оберштейну пришла в голову мысль относительно поездов, которые останавливаются под окном на черном ходу. Но сперва он просмотрел чертежи, отобрал три самых важных и сказал, что возьмет их.

«Я не могу отдать чертежи, — сказал я, — если к утру их не окажется на месте, в Вулидже поднимется страшный переполох».

«Нет, я должен их забрать, — настаивал Оберштейн, — они настолько сложны, что я не успею до утра снять с них копии». «В таком случае, я немедленно увезу чертежи обратно», — сказал я. Он немного подумал, потом ответил: «Три я оставлю у себя, остальные семь засунем в карман этому молодому человеку. Когда его обнаружат, похищение, конечно, припишут ему». Я не видел другого выхода и согласился. С полчаса мы ждали, пока под окном не остановился поезд. Туман скрывал нас, и мы без труда опустили тело Уэста на крышу вагона. И это все, что произошло и что мне известно.



— А ваш брат?

— Он не говорил ни слова, но однажды застал меня с ключами, и я думаю, он меня стал подозревать. Я читал это в его взгляде. Он не мог больше смотреть людям в глаза и...

Воцарилось молчание. Его нарушил Майкрофт Холмс.

— Хотите в какой-то мере искупить свою вину? Чтобы облегать совесть и, возможно, кару.

— Чем могу я ее искупить?..

— Где сейчас Оберштейн, куда он повез похищенные чертежи?

— Не знаю.

— Он не оставил адреса?

— Сказал лишь, что письма, отправленные на его имя в Париж, отель «Лувр», в конце концов дойдут до него.

— Значит, для вас есть еще возможность исправить содеянное, — сказал Шерлок Холмс.

— Я готов сделать все, что вы сочтете нужным. Мне этого субъекта щадить нечего. Он причина моего падения и гибели.

— Вот перо и бумага. Садитесь за стол — будете писать под мою диктовку. На конверте поставьте данный вам парижский адрес. Так. Теперь пишете:

«Дорогой сэръ!

Пишу Вам по поводу нашей сделки.

Вы, несомненно, заметили, что недостает одной существенной детали. Я добыл необходимую копию. Это потребовало много лишних хлопот и усилий, и я рассчитываю на дополнительное вознаграждение в пятьсот фунтов. Почте доверять опасно. И я не приму ничего, кроме золота или ассигнаций. Я мог бы приехать к Вам за границу, но боюсь навлечь на себя подозрение, если именно теперь выеду из Англии. Поэтому надеюсь встретиться с Вами в курительной комнате отеля «Чаринг-Кросс» в субботу в двенадцать часов дня. Повторяю, я согласен только на английские ассигнации или золото».

— Вот и отлично, — сказал Холмс. — Буду очень удивлен, если он не отзовется на такое письмо.

И он отозвался! Но все дальнейшее относится уже к области истории, к тем тайным ее анналам,

которые часто оказываются значительно интереснее официальной хроники. Оберштейн, жаждавший завершить так блестяще начатую и самую крупную свою аферу, попался в ловушку и был на пятнадцать лет надежно упрятан за решетку английской тюрьмы. В его чемодане были найдены бесценные чертежи Брюса-Партиingtonа, которые он уже предлагал продать с аукциона во всех военно-морских центрах Европы.

Полковник Уолтер умер в тюрьме к концу второго года заключения. А что касается Холмса, он со свежими силами принялся за свою монографию «Полифонические мотеты Лассуса»; впоследствии она была напечатана для узкого круга читателей, и специалисты расценили ее как последнее слово науки по данному вопросу. Несколько недель спустя после описанных событий я случайно узнал, что мой друг провел день в Виндзорском дворце и вернулся оттуда с великолепной изумрудной булавкой для галстука. Когда я спросил, где он ее купил, Холмс ответил, что это подарок одной очень любезной высокопоставленной особы, которой ему посчастливилось оказать небольшую услугу. Он ничего к этому не добавил, но, мне кажется, я угадал августейшее имя и почти не сомневаюсь в том, что изумрудная булавка всегда будет напоминать моему другу историю с похищенными чертежами подводной лодки Брюса-Партиingtonа.¹³

Arthur Conan Doyle

Шерлок Холмс при смерти

Квартирная хозяйка Шерлока Холмса, миссис Хадсон, была настоящей мученицей. Мало того, что второй этаж ее дома в любое время подвергался нашествию странных и зачастую малоприятных личностей, но и сам ее знаменитый квартирант своей эксцентричностью и безалаберностью жестоко испытывал терпение хозяйки. Его чрезвычайная неаккуратность, привычка музицировать в самые неподходящие часы суток, иногда стрельба из револьвера в комнате, загадочные и весьма неароматичные химические опыты, которые он часто ставил, да и вся атмосфера преступлений и опасности, окружавшая его, делали Холмса едва ли не самым неудобным квартирантом в Лондоне. Но, с другой стороны, платил он по-царски. Я не сомневаюсь, что тех денег, которые он выплатил миссис Хадсон за годы нашей с ним дружбы, хватило бы на покупку всего ее дома.

Она благоговела перед Холмсом и никогда не осмеливалась перечить ему, хотя его образ жизни причинял ей много беспокойства. Она симпатизировала ему за удивительную мягкость и вежливость в обращении с женщинами. Он не любил женщин и не верил им, но держался с ними всегда по-рыцарски учтиво. Зная искреннее расположение миссис Хадсон к Холмсу, я с волнением ее выслушал, когда на второй год моей женитьбы она прибежала ко мне с известием о тяжелой болезни моего бедного друга.

— Он умирает, доктор Уотсон, — говорила она. — Он болеет уже три дня, и с каждым днем ему все хуже и хуже. Я не знаю, доживет ли он до завтра. Он запретил мне вызывать врача. Но сегодня утром, когда я увидела, как у него все кости на лице обтянулись и как блестят глаза, я не могла больше выдержать. «С вашего согласия или без него, мистер Холмс, я немедленно иду за врачом», — сказала я. «В таком случае, позовите Уотсона», — согласился он. Не теряйте ни минуты, сэр, иначе вы можете не застать его в живых!

Я был потрясен, тем более что ничего не слыхал о его болезни. Излишне говорить, что я тут же схватил пальто и шляпу. По дороге я стал расспрашивать миссис Хадсон.

— Я могу вам рассказать очень немного, сэр, — отвечала она. — Он расследовал какое-то дело в Розерхайте, в переулках у реки, и, вероятно, там заразился. В среду пополудни он слег и с тех пор не встает. За все эти три дня ничего не ел и не пил.

¹³ **The Adventure of the Bruce-Partington Plans**

First published in the Strand Magazine, Dec. 1908, with 6 illustrations by Arthur Twiddle, and in the Collier's Weekly Magazine, Dec. 1908, with 5 illustrations by Frederic Dorr Steele.

— Боже мой! Почему же вы не позвали врача? — Он не велел, сэр. Вы знаете, какой он властный. Я не осмелилась послушаться его. Но вы сразу увидите, ему надолго осталось жить.

Действительно, на Холмса было страшно смотреть. В тусклом свете туманного ноябрьского дня его спальня казалась достаточно мрачной, но особенно пронзил мне сердце вид его худого, изможденного лица на фоне подушек. Глаза его лихорадочно блестели, на щеках играл болезненный румянец, губы покрылись темными корками. Тонкие руки судорожно двигались по одеялу, голос был хриплым и ломающимся. Когда я вошел в комнату, он лежал неподвижно, однако что-то мелькнуло в его глазах — он, несомненно, узнал меня.

— Ну, Уотсон, как видно, наступили плохие времена, — сказал он слабым голосом, но все же в своей прежней шутиливой манере.

— Дорогой друг! — воскликнул я, приближаясь к нему.

— Стойте! Не подходите! — крикнул он тем резким и повелительным тоном, какой появляется у него только в самые напряженные минуты. — Если вы приблизитесь ко мне, я велю вам тотчас уйти отсюда.

— Но почему же?

— Потому что я так хочу. Разве этого недостаточно? — Да, миссис Хадсон была права, властности в нем де убавилось. Но вид у него был поистине жалкий.

— Ведь я хотел только помочь, — сказал я.

— Правильно. Хотите помочь, так делайте, что вам велят.

— Хорошо, Холмс.

Он несколько смягчился.

— Вы не сердитесь? — спросил он, задыхаясь.

Бедняга! Как я мог сердиться на него, когда он был в таком состоянии!

— Это ради вас самих, — сказал он хрипло.

— Ради меня?!

— Я знаю, что со мной. Родина этой болезни — Суматра. Голландцы знают о ней больше нас, но и они пока очень мало изучили ее. Ясно только одно: она, безусловно, смертельна и чрезвычайно заразна.

Он говорил с лихорадочной энергией, его длинные руки беспокойно шевелились, как бы стремясь отстранить меня.

— Заразная при прикосновении, Уотсон, только при прикосновении! Держитесь от меня подале, и все будет хорошо.

— Боже мой, Холмс! Неужели вы думаете, что это может иметь для меня какое-либо значение? Я бы пренебрег этим даже по отношению к постороннему мне человеку. Так неужели это помешает мне выполнить мой долг по отношению к вам, моему старому другу?

Я снова сделал шаг в его сторону. Но он отстранился от меня с бешеной яростью.

— Я буду говорить с вами, только если вы останетесь на месте. В противном случае вам придется уйти.

Я так уважаю необычайные таланты моего друга, что всегда подчинялся его указаниям, даже если совершенно их не понимал. Но тут во мне заговорил профессиональный долг. Пусть Холмс руководит мною в любых других случаях, но сейчас я — врач у постели больного.

— Холмс, — сказал я, — вы не отдаете себе отчета в своих поступках. Больной все равно что ребенок. Хотите вы этого или нет, но я осмотрю вас и примусь за лечение.

Он злобно посмотрел на меня.

— Если мне против воли навязывают врача, то пусть это будет хотя бы человек, которому я доверяю.

— Значит, вы мне не доверяете?

— В вашу дружбу я, конечно, верю. Но факты остаются фактами. Вы, Уотсон, в конце концов только обычный врач, с очень ограниченным опытом и квалификацией. Мне тяжело говорить вам такие вещи, но у меня нет иного выхода.

Я был глубоко оскорблен.

— Такие слова недостойны вас, Холмс. Они свидетельствуют о расстройстве вашей нервной

системы. Но если вы мне не доверяете, я не буду набиваться с услугами. Разрешите мне привезти к вам сэра Джаспера Мика, или Пенроза Фишера, или любого из самых лучших врачей Лондона. Так или иначе, кто-нибудь должен оказать вам помощь. Если вы думаете, что я буду спокойно стоять и смотреть, как вы умираете, то вы жестоко ошибаетесь.

— Вы мне желаете добра, Уотсон, — сказал Холмс с тихим стоном. — Но хотите, я докажу вам ваше невежество? Скажите, пожалуйста, что вы знаете о лихорадке провинции Тапанули или о формозской черной язве?

— Я никогда о них не слышал.

— На Востоке, Уотсон, существует много странных болезней, много отклонений от нормы. — Холмс останавливался после каждой фразы, чтобы собраться с силами. — За последнее время я это понял в связи с одним расследованием медико-уголовного характера. Очевидно, во время этих расследований я и заразился. Вы, Уотсон, не в силах помочь мне.

— Может быть, и так. Но я случайно узнал, что доктор Энстри, крупнейший в мире знаток тропических болезней, сейчас находится в Лондоне. Не возражайте, Холмс, я немедленно еду к нему!

Я решительно повернулся к двери.

Никогда я не испытывал такого потрясения! В мгновение ока прыжком тигра умирающий преградил мне путь. Я услышал резкий звук поворачиваемого ключа. В следующую минуту Холмс уже снова повалился на кровать, задыхаясь после этой невероятной вспышки энергии.



— Силой вы у меня ключ не отнимете, Уотсон. Попались, мой друг! Придется вам здесь посидеть, пока я вас не выпущу. Но вы не горюйте. — Он говорил прерывающимся голосом, с трудом переводя дыхание. — Вы хотите мне помочь, я в этом не сомневаюсь. Будь по-вашему, но только дайте мне немного собраться с силами. Подождите немножко, Уотсон. Сейчас четыре часа. В шесть я вас отпущу.

— Но это безумие, Холмс!

— Всего два часа, Уотсон. В шесть вы уедете, обещаю. Потерпите?

— Вы мне не оставили выбора.

— Вот именно. Спасибо, Уотсон, я сам могу поправить одеяло. Держитесь подальше от меня. И еще одно условие, Уотсон. Вы привезете не доктора Энстри, а того, кого я сам выберу.

— Согласен.

— Вот первое разумное слово, которое вы произнесли с тех пор, как вошли сюда, Уотсон. Зай-

митесь пока книгами вон там, на полке. Я немного устал... Интересно, что чувствует электрическая батарея, когда пытается пропустить ток через доску?.. В шесть часов, Уотсон, мы продолжим наш разговор.

Но разговору этому суждено было продолжиться задолго до назначенного часа, при обстоятельствах, потрясших меня не менее, чем прыжок Холмса к двери.

Несколько минут я стоял, глядя на безмолвную фигуру на кровати. Лицо Холмса было почти закрыто одеялом; казалось, он уснул.

Я был не в состоянии читать и стал бродить по комнате, разглядывая фотографии знаменитых преступников, развешанные по стенам. Так, бесцельно переходя с места на место, я добрался наконец до камина. На каминной полке лежали в беспорядке трубки, кисеты с табаком, шприцы, перочинные ножи, револьверные патроны и прочая мелочь. Мое внимание привлекла коробочка из слоновой кости, черная с белыми украшениями и с выдвигной крышкой. Вещица была очень красивая, и я уже протянул к ней руку, чтобы получше ее рассмотреть, но тут...

Холмс издал крик, столь пронзительный, что его, наверное, услышали в дальнем конце улицы. Мороз пробежал у меня по коже, волосы встали дыбом от этого ужасного вопля. Обернувшись, я увидел искаженное лицо Холмса, встретил его безумный взгляд. Я окаменел, зажав коробочку в руке.

— Поставьте ее на место, Уотсон! Немедленно поставьте на место!



И только когда я поставил коробку на прежнее место, он со вздохом облегчения откинулся на подушку.

— Не выношу, когда трогают мои вещи, Уотсон. Вы же это знаете. И что вы все ходите, это невыносимо. Вы, врач, способны довести пациента до сумасшествия. Сядьте и дайте мне покой.

Этот инцидент произвел на меня чрезвычайно тяжелое впечатление. Дикая, беспричинная вспышка, резкость, сталь несвойственная обычно сдержанному Холмсу, показывали, как далеко зашло расстройство его нервной системы. Распад благородного ума — что может быть печальнее? В самом подавленном настроении я тихо сидел на стуле, пока не наступил назначенный час. Холмс, по-видимому, тоже следил за часами. Как только стрелки показали шесть, он заговорил все с тем же лихорадочным возбуждением.

— Уотсон, — спросил он, — есть у вас при себе мелочь?

— Да.

— Серебро?

— Да, порядочное количество.

— Сколько полукрон?

— Пять.

— Мало, слишком мало! — воскликнул он. — Какая досада! Но вы все-таки переложите их в кармашек для часов, а все остальные деньги в левый карман брюк. Спасибо. Это вас в какой-то мере уравновесит.

Это уже было явное помешательство. Он содрогнулся и не то кашлянул, не то всхлипнул.

— Теперь зажгите газ, Уотсон. Будьте чрезвычайно осторожны, нужно открыть газ только наполовину. Умоляю вас быть осторожным. Хорошо, спасибо. Нет, шторы не задергивайте. Теперь, Уотсон, видите там щипцы для сахара? Возьмите ими, пожалуйста, эту черную коробочку с камина. Осторожно поставьте ее вот сюда на стол, среди бумаг. Прекрасно! Ну, а теперь отправляйтесь и привезите мне мистера Кэлвертона Смита, Лоуэр-Бэрк-стрит, дом тринадцать.

Говоря по правде, мне совсем не хотелось бежать за врачом, так как мой бедный друг, несомненно, бредил и я боялся оставить его одного. Однако теперь он требовал привезти к нему Смита, требовал так же упорно, как прежде отказывался от всякой помощи.

— Никогда не слышал такого имени, — сказал я.

— Очень может быть, дорогой Уотсон. И возможно, вас удивит, что лучший в мире знаток этой болезни — не врач, а плантатор. Мистер Кэлвертон Смит — постоянный житель Суматры и хорошо там известен, а в Лондон он только приехал по делам. Вспышка этой болезни на его плантациях, расположенных далеко от медицинских учреждений, заставила его самого заняться изучением ее, и он добился немалых успехов. Смит очень методичный человек. Я не хотел отпускать вас раньше шести часов, зная, что вы не застанете его дома. Если вам удастся уговорить его приехать ко мне и применить свои исключительные познания в этой области медицины, он, бесспорно, мне поможет.

Я передаю слова Холмса как связное целое. На самом деле речь его прерывалась одышкой и судорожными движениями рук, свидетельствующими о муках, испытываемых им. За то время, что я у него пробыл, внешний вид его резко изменился. Лихорадочный румянец сделался ярче, глаза еще сильнее блестели из темных глазных впадин, по временам холодный пот выступал на лбу. И все же он сохранял свою спокойную, четкую речь. До последней минуты он останется самим собой!

— Вы расскажете ему подробно о моем состоянии, — сказал он. — Опишете, какое впечатление я на вас произвел, скажете, что я в бреду, что я умираю... Просто непонятно, почему все дно океана не представляет собою сплошной массы устриц, — ведь они так плодовиты... Ох, я опять заговариваюсь! Любопытно, как мозг сам себя контролирует... Что я говорил, Уотсон?

— Вы давали указания относительно мистера Кэлвертона Смита.

— Ах да, помню. Моя жизнь зависит от него, Уотсон. Постарайтесь его уговорить. Отношения у нас с ним плохие. Его племянник умер, Уотсон... Я заподозрил недоброе, и он почувствовал это. Юноша умер в страшных муках. Смит зол на меня. Любыми средствами смягчите его, Уотсон. Просите его, умоляйте, во что бы то ни стало привезите его сюда. Только он может спасти меня, только он!

— Обещаю, что привезу его с собой, даже если бы мне пришлось снести его в кэб на руках.

— Нет, это не годится. Вы должны убедить его приехать. А сами возвращайтесь раньше. Придумайте какой-нибудь предлог, чтобы не ехать с ним вместе. Не забудьте, Уотсон, не подведите меня. Ведь вы никогда меня не подводили... Можно не сомневаться, что какие-то природные силы препятствуют их размножению. Мы с вами, Уотсон, сделали все, что могли. Неужели же весь мир будет заполнен устрицами? Нет, нет, это слишком страшно. Передайте ему ваше впечатление как можно точнее.

Я ушел, унося с собой образ этого умнейшего человека, лепечущего, как дитя. Он отдал мне ключ, и мне пришла счастливая мысль взять его с собой, чтобы Холмс не вздумал запереться в комнате. Миссис Хадсон, в слезах, ждала меня в коридоре. Уходя, я слышал, как Холмс высоким, тонким голосом затянул какую-то безумную песню. Пока я на улице подзывал кэб, ко мне из тумана приблизилась темная фигура.

— Как здоровье мистера Холмса? — спросил голос.

Это был мой старый знакомый инспектор Мортон из Скотленд-Ярда, одетый в штатское.

— Очень плохо, — ответил я.

Его взгляд показался мне странным. Не будь это слишком невероятным, я подумал бы, что при свете, падающем из окна над дверью, я прочел на его лице удовлетворение.

— Да, я слышал об этом, — сказал он.

Кэб подъехал, и мы расстались.

Лоуэр-Бэрк-стрит представляла собою длинный ряд красивых домов между Ноттинг-хиллом и Кенсингтоном. Здание, перед которым остановился кэб, имело чопорный и солидный вид — старомодная железная ограда, массивная двустворчатая дверь с блестящими медными ручками. Общему впечатлению соответствовал и величественный дворецкий, появившийся на пороге в розовом сиянии электрической люстры.

— Да, мистер Кэлвертон Смит дома. Доктор Уотсон? Хорошо, сэр, позвольте вашу визитную карточку.

Мое скромное имя и профессия, очевидно, не произвели должного впечатления на мистера Кэлвертона Смита. Через полуоткрытую дверь я услышал раздраженный, пронзительный голос:

— Кто это? Что ему нужно? Сколько раз я говорил вам, Стэплс, что, когда я работаю, мне нельзя мешать.

Послышались тихие и успокаивающие объяснения дворецкого.

— Я его не приму, Стэплс. Не терплю таких помех. Меня нет дома, так ему и скажите. Если я ему нужен, пусть придет завтра утром.

Снова тихое бормотание.

— Идите, идите, скажите ему. Пусть придет утром или совсем не приходит.

Мне представился Холмс, как он мечется по кровати и считает минуты в ожидании помощи. Тут было не до церемоний. Жизнь Холмса зависела от моей энергии и настойчивости. Прежде чем дворецкий успел передать мне ответ своего хозяина, я оттолкнул его и вошел в комнату.

Человек, сидевший в кресле у камина, с пронзительным криком ярости вскочил с места. Я увидел крупное желтое лицо с грубыми чертами, массивным двойным подбородком и злобными серыми глазами, свирепо глядевшими на меня из-под косматых рыжих бровей. На лысой розовой голове была надета бархатная шапочка, кокетливо сдвинутая набок. Череп хозяина был огромен. Но, переведя взгляд ниже, я с изумлением увидел, что тело у него маленькое, хилое, искривленное в плечах и спине, вероятно из-за перенесенного в детстве рахита.



— Что это значит? — кричал он высоким, визгливым голосом. — Что означает это вторжение? Ведь я велел вам сказать, чтобы вы пришли завтра утром.

— Простите, — сказал я, — но это дело неотложное. Мистер Шерлок Холмс...

Имя моего друга произвело удивительное действие на маленького человечка. Гнев моментально исчез, лицо сделалось напряженным и внимательным.

— Вы от Холмса? — спросил он.

— Я только что от него.

— Что с Холмсом?

— Он очень, очень болен. Поэтому-то я и приехал к вам.

Хозяин указал мне на стул и повернулся к своему креслу. В зеркале над камином мелькнуло его лицо. Я мог бы поклясться, что на нем появилась отвратительная, злобная усмешка. Но я тут же убедил себя, что это нервная судорога; через минуту, когда он снова повернулся ко мне, его лицо выражало искреннее огорчение.

— Мне больно слышать это, — сказал он. — Я встречался с мистером Холмсом только на деловой почве, но очень уважаю его как за талант, так и за человеческие достоинства. Он знаток преступлений, а я знаток болезней; он занимается злодеями, я — микробами. Вот мои заключенные, — продолжал он, указывая на ряд бутылей и банок, стоящих на столике у стены. — В этих желатиновых культурах отбывают срок наказания весьма опасные преступники.

— Зная вашу эрудицию. Холмс прислал меня к вам. Он чрезвычайно высоко ценит вас и считает, что во всем Лондоне только вы в силах оказать ему помощь.

Маленький человек вздрогнул, и его кокетливая шапочка свалилась на пол.

— Почему же? — спросил он. — Почему мистер Холмс думает, что я могу помочь ему?

— Потому что вы знаток восточных болезней.

— Но почему он думает, что болезнь, которой он заразился, восточная болезнь?

— Потому что ему пришлось работать в доках, среди китайских матросов.

Мистер Кэлвертон Смит любезно улыбнулся и поднял свою шапочку.

— Ах вот как... — сказал он. — Я надеюсь, что дело не так опасно, как вы полагаете. Сколько времени он болеет?

— Около трех дней.

— Он бредит?

— По временам.

— Гм! Это хуже. Было бы бесчеловечным не откликнуться на его просьбу. Я очень не люблю, когда прерывают мою работу, доктор Уотсон, но тут, конечно, исключительный случай. Я сейчас же поеду с вами.

Мне припомнилось указание Холмса.

— Меня ждут в другом месте, — сказал я.

— Хорошо, я поеду один. Адрес мистера Холмса у меня записан. Через полчаса я буду у него.

С замиранием сердца входил я в спальню Холмса. За это время могло произойти самое худшее. Однако я с огромной радостью увидел, что его состояние значительно улучшилось. Правда, лицо его все еще было мертвенно-бледным, но от бреда не осталось и следа: он говорил хотя и слабым голосом, но даже сверх обычного ясно и живо.

— Вы видели его, Уотсон?

— Да, он сейчас придет.

— Замечательно, Уотсон, замечательно. Вы лучший из вестников.

— Он хотел вернуться со мной.

— Этого не следовало допускать, Уотсон. Это было бы просто невозможно. Спрашивал ли он о причинах болезни?

— Я сказал ему про матросов в Ист-Энде.

— Правильно! Вы сделали все, что только мог сделать настоящий друг. Теперь, Уотсон, вы можете исчезнуть со сцены.

— Я должен подождать и выслушать его мнение, Холмс.

— Конечно. Но я имею основания полагать, что он выскажет свое мнение гораздо откровеннее, если будет думать, что мы с ним одни. За изголовьем моей кровати как раз достаточно места для вас, Уотсон.

— Дорогой Холмс!

— Боюсь, что у вас нет выбора, Уотсон. В комнате негде спрятаться, и это к лучшему: это не возбудит подозрений. Но здесь, Уотсон, здесь, я думаю, мы ничем не рискуем.

Он внезапно сел на кровати. Его осунувшееся лицо было полно решимости.

— Я слышу стук колес, Уотсон. Скорее, если только вы меня любите. И не шевелитесь, что бы ни случилось. Что бы ни случилось, понятно? Не говорите, не двигайтесь. Только слушайте как можно внимательнее.

Столь же внезапно силы оставили его, и четкая, повелительная речь перешла в слабое, неясное бормотание человека, находящегося в полубреду.

Из своего убежища, в котором я так неожиданно оказался, я услышал шаги на лестнице, потом звук открываемой и закрываемой двери в спальню. А затем, к моему удивлению, последовало долгое молчание, прерываемое только тяжелым дыханием больного. Я представил себе, как наш посетитель стоит у кровати и смотрит на страдальца. Наконец это странное молчание кончилось.

— Холмс! — воскликнул Смит настойчивым тоном, каким будят спящего. — Холмс! Вы слышите меня?

Я уловил шорох, как будто он грубо тряс больного за плечо.

— Это вы, мистер Смит? — прошептал Холмс. — Я не смел надеяться, что вы придете.

Смит засмеялся.

— Ну еще бы, — сказал он. — И все же, как видите, я здесь. Воздаю добром за зло. Холмс, добром за зло.

— Это очень хорошо, очень благородно с вашей стороны. Я высоко ценю ваши знания.

Наш посетитель усмехнулся.

— К счастью, только вы во всем Лондоне и способны их оценить. Вы знаете, что с вами?

— То же самое, — сказал Холмс.

— Вот как! Вы узнаете симптомы?

— Да, слишком хорошо.

— Что ж, очень возможно. Холмс. Очень возможно, что это оно и есть. Если так, то дело ваше плохо. Бедный Виктор умер на четвертый день, а он был здоровый, молодой. Вам тогда показалось очень странным, что он в сердце Лондона заразился этой редкой азиатской болезнью, которую

я к тому же специально изучаю. Удивительное совпадение, Холмс. Вы ловко это подметили, но не очень-то великодушно было утверждать, что здесь можно усмотреть причину и следствие.

— Я знаю, что это ваших рук дело.

— Ах вот как, вы знали? Но доказать вы ничего не могли. А хорошо ли это: сперва выдвигать против меня такие обвинения, а чуть сами оказались в беде, пресмыкаться передо мной, умоляя о помощи? Как это назвать? А?

Я услышал хриплое, затрудненное дыхание больного.

— Дайте мне воды, — прошептал он задыхаясь.

— Скоро вам крышка, милейший. Но я не уйду, не поговорив с вами. Только поэтому я и подаю вам воду. Держите! Не расплескайте. Вот так. Вы понимаете, что я вам говорю?

Холмс застонал.

— Помогите мне чем можно. Забудем прошлое... — шептал он. — Я выброшу из головы все это дело. Клянусь вам. Только вылечите меня, я все забуду.

— Что забудете?

— О смерти Виктора Сэведжа. Вы сейчас сознались в своем преступлении. Я это забуду.

— Можете забывать или помнить, как вам будет угодно. Я не увижу вас среди свидетелей. Вы будете в другом месте, мой дорогой Холмс. Вы знаете, отчего умер мой племянник, ну и ладно. Сейчас речь не о нем, а о вас.

— Да, да.

— Ваш приятель, которого вы послали за мной — не помню его имя, — сказал, что вы заразились этой болезнью в Ист-Энде, у матросов.

— Я только так могу это объяснить.

— И вы гордитесь своим умом, Холмс! Вы считаете себя таким догадливым, не правда ли? Но нашелся кое-кто поумнее вас. Подумайте-ка, Холмс, не могли ли вы заразиться этой болезнью другим путем?

— Я не могу думать. Голова не работает. Ради всего святого, помогите...

— Да, я вам помогу, помогу вам понять, что и как произошло. Я хочу, чтобы вы узнали об этом прежде, чем умрете.

— Дайте мне чего-нибудь, чтобы облегчить эти боли!

— Ага, у вас появились боли? Да, мои кули тоже визжали перед смертью. Ощущение, как при судорогах?

— Да, да, это судороги.

— Ничего, слушать они вам не помешают. Слушайте! Не припомните ли вы какое-нибудь необычное происшествие в вашей жизни, как раз перед тем, как вы заболели?

— Нет, нет, ничего.

— Подумайте хорошенько.

— Я слишком болен, чтобы думать.

— Ну, тогда я вам помогу. Не получали ли вы чего-нибудь по почте?

— По почте?

— Например, коробочку.

— Я слабею, я умираю!..

— Слушайте, Холмс! — Он, видимо, тряс умирающего за плечо. (Я едва усидел в своем убежище.) — Вы должны меня услышать! Помните коробочку из слоновой кости? Вы получили ее в среду. Вы ее открыли... Помните?

— Да, да, я открыл ее, там была острая пружина. Какая-то шутка...

— Это не было шуткой, в чем вы очень скоро убедитесь. Пеняйте на себя, глупый вы человек. Кто просил вас становиться на моем пути? Если бы вы меня не трогали, я не причинил бы вам вреда.

— Вспомнил! — Холмс задышался. — Пружина! Я оцарапался о нее до крови. Вот эта коробочка, там на столе.

— Она самая! И сейчас она исчезнет в моем кармане. Таким образом, здесь не останется ни одной улики. Ну вот. Холмс, теперь вы знаете правду и умрете с сознанием, что я вас убил. Вы слишком много знали о смерти Виктора Сэведжа, поэтому я заставил вас разделить его судьбу. Вы очень

скоро умрете, Холмс. Я посижу здесь и посмотрю, как вы будете умирать.

Голос Холмса понизился почти до невнятного шепота.

— Что? — спросил Смит. — Отвернуть газ? У вас уже темно в глазах? Охотно. Я отверну газ, чтобы лучше вас видеть. — Он пересек комнату, и мгновенно ее залил яркий свет. — Не нужно ли оказать вам еще какую-нибудь услугу, мой друг?

— Спички и папиросы!

Я едва не закричал от радости. Холмс говорил своим естественным голосом, правда немного слабым, но тем самым, который я так хорошо знал. Последовала долгая пауза, и я почувствовал, что Кэлвертон Смит в безмолвном изумлении смотрит на Холмса.

— Что это значит? — спросил он наконец сухим, резким голосом.

— Лучший способ хорошо сыграть роль, — сказал Холмс, — это вжиться в нее. Даю вам слово, что все эти три дня я ничего не ел и не пил, пока вы любезно не подали мне стакан воды. Но труднее всего было не курить. А вот и папиросы! (Я услышал чирканье спички.) Ну вот, мне сразу стало лучше. Ого, я, кажется, слышу шаги друга!

Снаружи послышались шаги, дверь открылась, и появился инспектор Мортон.

— Все в порядке. Можете его забрать, — сказал Холмс.

— Вы арестованы по обвинению в убийстве Виктора Сэведжа, — сказал инспектор.

— И можете прибавить: за покушение на убийство Шерлока Холмса, — заметил мой друг, посмеиваясь. — Чтобы зря не затруднять больного, мистер Кэлвертон Смит сам дал вам сигнал полным включением газа. Между прочим, у арестованного в правом кармане пиджака небольшая коробочка. Ее надо изъять. Благодарю вас. С ней надо обращаться очень осторожно. Положите ее сюда. Она пригодится на суде.

Послышался внезапный бросок, борьба, сопровождаемая звяканьем железа и криком боли.

— Только себя же изувечите, — сказал инспектор. — Стойте смирно!



И я услышал, как защелкнулись наручники.

— Вот как! Ловушка! — закричал высокий визгливый голос.

— Это приведет на скамью подсудимых вас, Холмс, а не меня. Он просил меня приехать лечить его. Я его пожалел и приехал. Теперь он, конечно, будет утверждать, будто я сказал какую-нибудь чепуху, которую он сам придумал в подтверждение своих безумных подозрений. Можете лгать сколько хотите, Холмс. Мои слова имеют не меньший вес, чем ваши.

— Боже мой! — воскликнул Холмс. — Ведь я совершенно забыл о нем. Дорогой Уотсон, приношу вам тысячу извинений! Подумать только, что я упустил из виду ваше присутствие! Мне незачем знакомить вас с мистером Кэлвертоном Смитом — вы, сколько я понимаю, уже виделись с ним сегодня. Есть у вас кэб, инспектор? Я поеду вслед за вами, как только оденусь: мое присутствие может понадобиться полиции.

Одеваясь, Холмс съел несколько бисквитов и утолил жажду стаканом кларета.

— Никогда я, кажется, не ел и не пил с таким удовольствием, — сказал он. — Впрочем, мой образ жизни, как вам известно, не отличается регулярностью, и такие подвиги даются мне легче, чем многим другим. Мне было крайне необходимо, чтобы миссис Хадсон уверилась в моей болезни, так как ей предстояло сообщить эту новость вам, а вы должны были, в свою очередь, уведомить Смита. Вы не обиделись, Уотсон? Признайтесь, что умение притворяться не входит в число ваших многочисленных талантов. Если бы вы знали мою тайну, вы никогда не смогли бы убедить Смита в необходимости его приезда, а этот приезд был главным пунктом моего плана. Зная его мстительность, я был убежден, что он придет взглянуть на результаты своего преступления.

— Но ваш вид, Холмс, ваше мертвенно-бледное лицо?..

— Три дня полного поста не красят человека. А остальное легко может быть устранено губкой. Вазелин на лбу, белладонна, впрыснутая в глаза, румяна на скулах и пленки из воска на губах — все это производит вполне удовлетворительный эффект. Симуляция болезней — это тема, которой я думаю посвятить одну из своих монографий. А разговор о полукронах, устрицах и прочих не относящихся к делу вещах неплохо создал иллюзию бреда...

— Но почему вы не разрешали мне приближаться к вам, раз никакой инфекции не было?

— И вы еще спрашиваете, мой дорогой Уотсон! Вы думаете, я не ценю ваши медицинские познания? Разве я мог надеяться, что ваш опытный взгляд пройдет мимо таких фактов, как отсутствие изменений температуры и пульса у умирающего? На расстоянии четырех шагов я еще мог обмануть вас. А если бы мне это не удалось, кто привез бы сюда Смита? Нет, Уотсон, не трогайте эту коробочку. Если взглянете на нее сбоку, вы сможете заметить, где именно появляется острая пружинка, когда коробку раскроешь. Очевидно, при помощи какого-нибудь приспособления вроде этого и был убит бедный Сэведж, который стоял между этим чудовищем и наследством. Я, как вы знаете, получаю самую разнообразную корреспонденцию и привык относиться с опаской ко всем посылкам, приходящим на мое имя. Мне было ясно, что, убедив Смита в том, что его злобный план осуществился, я смогу выманить у него признание. Свою болезнь я разыграл со старанием настоящего актера. Благодарю вас, Уотсон, а теперь помогите мне, пожалуйста, надеть пальто. Когда мы закончим дела в полиции, я полагаю, что и лишним будет заехать подкрепиться к Симпсону.¹⁴

Arthur Conan Doyle

Исчезновение леди Френсис Карфэкс

— Но почему турецкие? — спросил Шерлок Холмс, упорно разглядывая мои ботинки. Я сидел в широком плетеном кресле, и мои вытянутые ноги привлекли его недремлющее внимание.

— Нет, английские, — удивленно отозвался я. — Я их купил у Латимера на Оксфорд-стрит.

Холмс обреченно вздохнул.

— Бани! Бани турецкие, а не ботинки! Почему расслабляющие и очень дорогие турецкие бани, а не бодрящая ванна дома?

— Потому что у меня разыгрался ревматизм, я стал чувствовать себя старой развалиной. А турецкие бани — как раз то, что мы, медики, в таких случаях рекомендуем, встряска, после кото-

¹⁴ **The Adventure of the Dying Detective**

First published in Collier's Weekly Magazine, Nov. 1913, with 3 illustrations by Frederic Dorr Steele, and in the Strand Magazine, Dec. 1913, with 4 illustrations by Sidney Paget's brother, Walter Paget.

рой как будто заново рождаешься. Кстати, Холмс, — продолжал я, — для человека, мыслящего логически, связь между моими башмаками и турецкими банями, разумеется, самоочевидна, но я буду чрезвычайно признателен, если вы ее мне раскроете.

— Ход рассуждений не так уж непостижим, милый Уотсон. — В глазах Холмса запрыгали озорные искорки. — Иллюстрацией к несложной системе умозаключений, которой я пользовался, может послужить вопрос: кто сегодня утром ехал с вами в кэбе?

— Не считаю еще одну иллюстрацию объяснением, — не без едкости парировал я.

— Bravo, Уотсон! Сказано с достоинством и вполне логично. Да, так с чего мы начали? Давайте разберем сначала второй пример — с кэбом. На левом плече и рукаве вашего пальто брызги. Если бы вы сидели на середине сиденья, вас бы, вероятно, не забрызгало вовсе или забрызгало с обеих сторон. Значит, вы сидели слева. И, значит, вы ехали не один.

— Ну вот, теперь я понял.

— До смешного просто, да?

— Но бани и ботинки?

— О, это еще примитивнее. Вы всегда завязываете шнурки одинаково. А сейчас я вижу замысловатый двойной узел, совсем не похожий на ваш. Значит, вы снимали ботинки. Кто мог завязан вам шнурки? Или сапожник, или прислужник в бане. Сапожника исключаем, потому что ботинки почти новые. Что остается? Остаются бани. Элементарно, правда? Но как бы там ни было, Уотсон, турецкие бани сослужили свою службу.

— В каком смысле?

— Вы сознались, что поехали туда, потому что вам нужна была встряска. Позвольте мне предоставить вам возможность встряхнуться. Что вы скажете о поездке в Лозанну, милый Уотсон, — первым классом, все расходы оплачиваются с королевской щедростью, а?

— Великолепно! Но зачем?

Холмс откинулся на спинку кресла и вытащил из кармана записную книжку.

— Из всех представителей рода человеческого, — начал он, — самый опасный — одинокая женщина без дома и друзей. Этот безобиднейший и даже, может быть, полезнейший член общества — неизменная причина многих и многих преступлений. Это беспомощное существо сегодня здесь, завтра там. У нее достаточно средств, чтобы кочевать из страны в страну, переезжать из гостиницы в гостиницу. И вот в каком-нибудь подозрительном пансионе или отеле след ее обрывается. Она как цыпленок, заблудившийся в мире лисиц. Если ее слопают, никто и не хватится. Боюсь, леди Фрэнсис Карфэкс попала в беду.

Я приветствовал этот неожиданный переход от общих рассуждений к частным. Холмс полистал странички и продолжал:

— Леди Фрэнсис — единственный потомок графа Рафтона по прямой линии. Земли в их роду, как вы, возможно, помните, наследовали сыновья. Состояние леди Фрэнсис получила небольшое, но ей достались редчайшие драгоценности старинной испанской работы — оправленные в серебро бриллианты необычной огранки, которые она очень любила, настолько, что не пожелала оставить их у своего банкира и всегда возила с собой. Грустные мысли вызывает леди Фрэнсис: по странной прихоти судьбы этой красивой, далеко не старой женщине суждено было стать последним, засыхающим побегом дерева, всего двадцать лет тому назад мощного и цветущего.

— Но что же с ней случилось?

— Что случилось с леди Фрэнсис Карфэкс? Жива она или нет? Это-то мы и должны узнать. Она человек строгих привычек: четыре года она неизменно раз в две недели писала своей старой гувернантке мисс Добни, которая уже давно не работает и живет в Камберуэлле. Мисс Добни и обратилась ко мне. Вот уже пять недель от леди Фрэнсис нет ни строчки. Последнее письмо было послано из Лозанны, из отеля «Националь», откуда она уехала, не оставив адреса. Родные волнуются. Люди они чрезвычайно состоятельные и, разумеется, готовы на любые расходы, если мы поможем им выяснить, что произошло.

— И эта мисс Добни — единственный источник сведений? Неужели у леди Фрэнсис не было других корреспондентов?

— Были, Уотсон, вернее, был еще один корреспондент, и от него-то я узнал немало любопыт-

ного. Это банк. Одиноким женщинам тоже нужно жить, и их банковский счет — тот же дневник. Деньги леди Фрэнсис лежат в банке Сильвестра. Я просматривал ее счет. Предпоследний раз она взяла деньги, чтобы расплатиться в лозаннском отеле, но сумму взяла большую, так что у нее должны были еще остаться наличные. С тех пор был предъявлен только один чек.

— Кем и где?

— Мадемуазель Мари Девин, а вот где он был выписан, неизвестно. Погасил его филиал банка «Лионский кредит» в Монпелье две с половиной недели тому назад. Сумма — пятьдесят фунтов.

— А кто такая мадемуазель Мари Девин?

— Это мне тоже удалось установить. Мадемуазель Мари Девин служила у леди Фрэнсис горничной. Но вот зачем леди Фрэнсис понадобилось выдать этот чек своей горничной, — я еще не разгадал. Впрочем, я ни на минуту не сомневаюсь, что ваши поиски помогут прояснить это обстоятельство.

— Мои поиски?

— Ну да, — вы же едете в Лозанну, чтобы рассеяться. Мне-то нельзя уехать из Лондона, пока жизни Абрахамса грозит такая опасность. Да и вообще по многим соображениям мне следует держаться в пределах Англии. Скотленд-Ярд без меня скучает, а в уголовном мире начинается нездоровое оживление. Поезжайте, милый Уотсон, и если два пенса за слово моего скромного совета не покажутся вам чрезмерной ценой, я в любое время дня и ночи к вашим услугам и в пределах досягаемости Континентального телеграфа.

Через два дня я входили дверь лозаннского отеля «Националь». Знаменитый управляющий отеля мсье Мозер был сама любезность. Да, леди Фрэнсис прожила у них несколько недель. Все были очарованы ею. Мадам лет сорок, не больше. Она и сейчас еще очень хороша собой, можно себе представить, какая она была красавица в молодости. О фамильных драгоценностях мсье Мозеру ничего не известно, но от слуг он слышал, что тяжелый чемодан в спальне мадам всегда был заперт. Горничную Мари Девин все тоже любили, как и ее хозяйку. Она даже была помолвлена с одним из старших официантов отеля, и узнать ее адрес оказалось делом совсем несложным. «Моппелье, улица Траян, дом 11», — записал я в своей книжке и подумал, что сам Холмс мог бы позавидовать ловкости, с какой я раздобыл эти сведения.

Одно оставалось загадкой, и у меня не было к этой загадке ключа: почему леди Фрэнсис неожиданно уехала из Лозанны? Ведь жизнь ее здесь складывалась так приятно. Естественно было ожидать, что она проведет здесь весь сезон. А она вдруг в один день собралась и уехала, потеряв недельную плату за свой роскошный номер окнами на озеро. Никто ничего не понимал. Единственную догадку высказал жених горничной Жюль Вибар: внезапный отъезд леди Фрэнсис связан с появлением высокого смуглого человека с бородой, который явился к ней в отель накануне. «Un sauvage, un veritable sauvage!»¹⁵ — восклицал Жюль Вибар. Человек этот снимал комнаты где-то в городе. Однажды, когда мадам гуляла по набережной — многие это видели, — он подошел к ней и стал что-то взволнованно говорить. Потом он пришел в гостиницу, однако мадам отказалась принять его. Он был англичанин, но имени его никто не знал. На другой день мадам уехала. И Жюль Вибар и — что гораздо важнее — его невеста считали появление этого человека причиной случившегося, а отъезд мадам — следствием. Лишь одно Жюль Вибар отказался сообщить — почему Мари ушла от леди Фрэнсис. То ли не знал, то ли не хотел говорить. «Если вас это интересует, поезжайте в Монпелье и спросите ее сами».

Так завершился первый тур моих поисков. Теперь мне предстояло узнать, куда направилась леди Фрэнсис Карфэкс из Лозанны. Она это обстоятельство скрыла, следовательно, предположение, что, уезжая, она хотела сбить кого-то со следа, подтверждается. Как иначе объяснить, что на ее багаже не было наклеек с обозначением Бадена? И она и ее багаж отправились на этот рейнский курорт не прямо, а кружным путем. Узнав все это в местном отделении агентства Кука, я отправился в Баден, предварительно информировав Холмса по телеграфу о всех своих действиях и получив в ответ шутливо-добродушную похвалу.

В Бадене я без труда нашел потерянный было след. Леди Фрэнсис остановилась в гостинице

¹⁵ Дикарь, настоящий дикарь (франц.)

«Альбион», где прожила две недели. Там она познакомилась с неким доктором Шлезингером — миссионером из Южной Африки — и его супругой. Как почти все одинокие женщины, леди Фрэнсис искала утешения в религии и посвящала ей много времени. На нее произвела глубокое впечатление необыкновенная личность доктора Шлезингера и страстная вера этого человека, страдавшего от недуга, который поразил его во время подвижнической деятельности в Африке. Леди Фрэнсис помогала миссис Шлезингер ухаживать за выздоравливающим святым, который, как рассказал мне управляющий отеля, весь день проводил в глубоком кресле на веранде, в обществе обеих дам. Он работал над составлением карты Святой земли; в особенности его интересовало племя мидианитов, о которых он пишет монографию. Наконец здоровье доктора заметно улучшилось, и он с женой вернулся в Лондон. Леди Фрэнсис поехала с ними. Произошло это три недели тому назад, и больше ни о ком из них управляющий не слышал. Что касается горничной Мари, то за несколько дней до отъезда мадам она вышла от нее в слезах. Служанкам в гостинице она рассказала, что больше служить не будет, и уехала страшно расстроенная. Доктор Шлезингер уплатил и по своему счету и по счету леди Фрэнсис.



— И знаете, — сказал в заключение управляющий «Альбиона», — вы не единственный из друзей леди Фрэнсис разыскиваете ее. Всего неделю назад к нам приходил справляться о ней какой-то мужчина.

— Он назвал свое имя?

— Нет. Он англичанин, хоть внешность у него для англичанина нетипичная.

— На дикаря похож, да? — спросил я, сопоставив по методу моего прославленного друга известные мне факты.

— Да, да, именно на дикаря! Это слово к нему очень подходит. Высоченный, загорелый, бородастый, такому место в деревенском трактире, а не в фешенебельной гостинице. Не человек, а порох. Бешеный какой-то, я бы такого поостерегся задевать.

Наконец-то контуры начали вырисовываться — так яснее проступают фигуры пешеходов на улице, когда редет туман. За доверчивой, набожной женщиной крадется по пятам зловещая тень. Она боится своего преследователя, иначе не бежала бы так поспешно из Лозанны. Он снова гонится за ней. Рано или поздно он ее настигнет. А может быть, уже настиг? Не в этом ли разгадка ее долгого молчания? Значит, славные люди, с которыми она подружилась в Бадене, не сумели защитить ее от его угроз и домогательств? Какая страшная тайна, какой непостижимый замысел заставляют его так упорно преследовать леди Фрэнсис? Эти вопросы ждали моего решения.

Я написал обо всем Холмсу, довольный, что так быстро добрался до сути дела. В ответ я получил телеграмму с просьбой описать левое ухо доктора Шлезингера. Своеобразно у Холмса проявляется чувство юмора, иногда даже оскорбительно. Я, разумеется, оставил без внимания его неуместную шутку, — кстати, и получил я его послание уже в Монпелье, куда поехал повидаться с Мари Девин.

Я без труда нашел дом бывшей горничной и выведал у нее все, что она знала. Она очень любила свою хозяйку и рассталась с ней только потому, что ту сейчас окружают друзья — в этом Мари

была уверена, — и еще потому, что приближался день ее свадьбы и службу ей все равно пришлось бы оставить. Она призналась огорченно, что, когда они жили в Бадене, леди Фрэнсис часто сердилась на нее, один раз даже допрашивала, как будто сомневалась в ее честности, и из-за этой обиды Мари пережила расставание легче, чем думала. Леди Фрэнсис дала ей в виде свадебного подарка пятьдесят фунтов. Так же, как и мне, девушке внушал серьезные опасения незнакомец, из-за которого ее хозяйка уехала из Лозанны. Она своими глазами видела, как он у всех на виду грубо схватил леди Фрэнсис за руку. Страшный человек, бешеный какой-то. Наверное, леди Фрэнсис потому и уехала в Лондон с Шлезингером, что боялась его. С Мари она никогда о нем не говорила, но по многим признакам та видела, что хозяйку ее неотступно терзает мучительный страх.

— Вот он, смотрите! — вдруг прервала свой рассказ девушка, испуганно вскочив со стула. — Негодяй опять ее выслеживает!

В открытое окно гостиной я увидел очень высокого смуглого человека с черной курчавой бородой. Он медленно шел по мостовой, внимательно разглядывая номера домов. Сомнений не оставалось, — он, как и я, разыскивал горничную. Не раздумывая, я выбежал на улицу и остановил его.

— Вы англичанин? — спросил я.

— Ну и что, если англичанин? — огрызнулся он.

— Позвольте мне спросить, как ваше имя?

— Не позволю, — отрезал он.

Положение осложнялось. Я решил идти напролом — ведь прямой путь самый короткий! — и строго спросил:

— Где леди Фрэнсис Карфэкс?

Он в изумлении уставился на меня.

— Что вы с ней сделали? Зачем вы ее преследуете? Я требую ответа!



С яростным воплем человек кинулся на меня, как тигр. Я не раз одерживал верх в драках, но у этого сумасшедшего оказались железные лапищи и сила бешеного быка. Не прошло и трех секунд, как он схватил меня за горло, я начал терять сознание, но тут из кабачка напротив выбежал какой-то небритый француз-мастеровой в синей блузе, хватил моего обидчика по плечу дубинкой, и тому пришлось выпустить меня. С минуту он стоял, трясясь от бешенства и раздумывая, не кинуться ли на меня снова, потом злобно фыркнул и зашагал к дому, из которого я только что вышел. Я повернулся

поблагодарить моего спасителя — он все еще стоял рядом на мостовой — и вдруг услышал:

— Ну, поздравляю, Уотсон, надо же суметь столько напортить! Видно, придется вам возвращаться со мной ночным экспрессом в Лондон.

Час спустя Шерлок Холмс, уже в своем обличье и, как всегда, элегантно, сидел в моей комнате в отеле. Разгадка его неожиданного счастливого появления оказалась более чем простой: обстоятельства позволили ему уехать из Лондона, и он решил перехватить меня в том месте, где я, по его расчетам, должен был в это время находиться. В одежде рабочего он расположился в кабачке, дожидаясь меня.

— И ведь до чего последовательно вы действовали, милый Уотсон! Из всех ошибок, которые только можно было совершить, вы не упустили ни одной. В результате вы всех, кого можно, вспугнули и ровным счетом ничего не выяснили.

— Может быть, и вам удалось бы не больше, — с обидой возразил я.

— Никаких «может быть» не может быть, мне удалось больше. А вот и достопочтенный Филипп Грин. Он ваш сосед по гостинице. Возможно, с его помощью нам удастся повести дело более успешно.

Лакей подал визитную карточку на подносе, и в комнату вошел тот самый бородатый хулиган, который налетел на меня на улице. Он вздрогнул, увидев меня.

— Что это значит, мистер Холмс? — спросил он. — Я получил вашу записку и пришел. Но как объяснить присутствие здесь этого человека?

— Этот человек — мой старый друг и коллега, доктор Уотсон, он помогает нам в наших поисках.

Незнакомец протянул мне коричневую от загара ручищу и стал извиняться:

— От души надеюсь, что вы не пострадали от моих рук. Когда вы стали обвинять меня в каком-то проступке против нее, я не сдержался. Я вообще сейчас живу как в лихорадке. Нервы ни к черту. Но объясните мне ради всего святого, мистер Холмс, как вы вообще узнали о моем существовании?

— Я разговаривал с гувернанткой леди Фрэнсис, с мисс Добин.

— Милая старушка Сьюзен Добни в вечном своем чепце! Я ее хорошо помню.

— А она помнит вас. Таким, каким вы были раньше, до отъезда в Африку.

— Так вы все знаете! Хорошо, что мне не нужно ничего скрывать от вас, мистер Холмс. Клянусь вам, не было в мире человека, который любил бы женщину сильнее, чем я любил Фрэнсис. Но в юности я вел беспутную жизнь, как и многие молодые люди нашего круга, а ее душа была чиста, как снег, все грубое и низменное было ей невыносимо. И когда кто-то рассказал ей обо мне, она не пожелала больше меня видеть. А ведь эта святая женщина любила меня — вот что удивительно! — любила так, что из-за меня на всю жизнь осталась одна. Я уехал в Барбертон. Прошло много лет, я нажил состояние и наконец решился разыскать ее и попытаться смягчить. Мне было известно, что она так и не вышла замуж. Я нашел ее в Лозанне и стал умолять простить меня. Мне кажется, сердце ее не осталось глухо к моей мольбе, но воля была непреклонна, и, когда я пришел к ней на другой день, ее уже не было в городе. Мне удалось узнать, что она поехала в Баден, а через некоторое время я услышал, что здесь живет ее горничная. Человек я резкий, жил все эти годы среди людей простых, ну и взорвался, когда доктор Уотсон заговорил со мной. Но ради Бога, что случилось с леди Фрэнсис?

— Это-то мы и должны узнать, — сказал Холмс очень серьезно. — Вы где остановитесь в Лондоне?

— В отеле «Лангхем».

— Тогда я попрошу вас ехать немедленно в Лондон и быть наготове, мне не хочется подавать вам несбыточных надежд, мистер Грин, но вы можете быть уверены, что для спасения леди Фрэнсис будет сделано все возможное. Пока я ничего больше не могу сказать. Вот моя визитная карточка, держите со мной связь все время. А теперь, Уотсон, если вы начнете укладываться, я пойду на телеграф и попрошу миссис Хадсон завтра в половине восьмого продемонстрировать свое искусство двум голодным путешественникам.

На Бейкер-стрит нас ждала телеграмма. Холмс с жадным интересом прочел ее и протянул мне.

Телеграмма была отправлена из Бадена и содержала всего одно слово: «Разорванное».

— Что за чепуха? — удивился я.

— Эта чепуха имеет огромный смысл, — сказал Холмс. — Вы, надеюсь, помните просьбу, с которой я к вам обратился — она на первый взгляд могла показаться нелепой, — описать левое ухо почтенного миссионера? Вы ее оставили без внимания.

— Я не мог навести справки, меня к тому времени в Бадене уже не было.

— Совершенно верно. Именно поэтому я послал телеграмму с точно такой же просьбой управляющему «Альбиона». Вот его ответ.

— И о чем его ответ говорит?

— А о том, дорогой мой Уотсон, что мы имеем дело с человеком чрезвычайно хитрым и опасным. Миссионер из Южной Африки доктор Шлезингер не кто иной, как Питерс-Праведник, один из самых ловких преступников среди тех, что дала миру Австралия, а эта молодая страна вывела уже немало образцовых экземпляров. Питерс специализируется на одиноких женщинах, которых заманивает в ловушку, играя на их религиозных чувствах, а некая англичанка по имени Фрейзер, его так называемая жена, ему в этом помогает. Тактика доктора Шлезингера дала мне основания заподозрить, что он не Шлезингер, а Питерс-Праведник, телеграмма же с описанием его левого уха — ему прокусили ухо в пьяной драке в Аделаиде в 1889 году — подтвердила мои подозрения. Бедная леди Фрэнсис в руках страшных людей, Уотсон, они не останутся ни перед чем. Очень возможно, что ее уже нет в живых. Если она и жива, то содержится, под замком и не может написать ни мисс Добни, ни вообще никому. Возможно, она так и не доехала до Лондона, но это вряд ли: с континентальной полицией шутки плохи, при их системе регистрации иностранцам ее не провести; или же она проехала дальше, но и это маловероятно, потому что Лондон — единственное место в Англии, где негодьям удалось бы скрывать человека так, чтобы никто ничего не заподозрил. Шестое чувство твердит мне, что она в Лондоне, но пока мы не знаем, где ее искать. Поэтому выход один: набраться терпения. Сейчас давайте обедать, а попозже вечером я наведу в Скотленд-Ярд и побеседую с нашим приятелем Лестрейдом.

Время шло, но ни полиция, ни собственная служба информации Холмса — небольшая, но очень действенная организация — не сумели даже приблизиться к тайне. Люди, которых мы искали, затерялись в многомиллионном Лондоне, как иголка в стоге сена. Мы помещали объявления в газетах, вели неусыпную слежку за всеми притонами, где мог появиться Питерс, держали в поле зрения людей, с которыми он был когда-то связан, но все было тщетно: все пути неизбежно заводили нас в тупик. И вот после недели бесплодных поисков и мучительной неизвестности вдруг забрезжил свет. В ломбард Бевингтона на Вестминстер-роуд принесли серебряную подвеску с брильянтами старинной испанской работы. Заложил ее высокого роста человек без бороды и усов, по виду священник. И имя и адрес он дал явно подложные. Какое у него ухо, мистер Бевингтон не заметил, но, судя по портрету, это был явно Шлезингер.

Три раза наш бородатый друг из отеля «Лангхем» заходил к нам, в третий раз он появился через полчаса после того, как нам сообщили о проданной драгоценности. Горе состарило его на несколько лет, одежда висела на нем, как на вешалке. «Если бы я хоть чем-нибудь мог помочь вам!» — в отчаянии твердил он все эти дни. Наконец-то у Холмса нашлось для него дело.

— Он начал продавать драгоценности. Теперь мы его поймаем!

— Но ведь это значит... это значит, что с леди Фрэнсис что-то случилось?

Лицо Холмса стало очень серьезно.

— Предположим, эти люди до сих пор держали ее под замком. Освободить ее сейчас — значит погубить себя. Мистер Грин, мы должны быть готовы к худшему.

— Что я должен делать?

— Эти люди вас не знают?

— Нет.

— Возможно, он в следующий раз пойдет к другому ювелиру. Тогда нужно начинать: все сызнова. С другой стороны, у Бевингтона ему дали хорошую цену и не задали ни одного вопроса. Поэтому можно ожидать, что, когда ему опять понадобятся деньги, он снова туда пойдет. Я сейчас напишу Бевингтону записку, что вам нужно неотлучно находиться в его магазине. Если Питерс при-

дет, вы будете следить за ним до его дома. Но никакой опрометчивости и, главное, никакого насилия. Дайте слово, что ничего не предпримете без моего ведома и согласия.

Два дня от distinguished Филиппа Грина (к слову сказать, он был сын прославленного адмирала Грина, который командовал нашим Азовским флотом во время Крымской кампании) не было никаких вестей. На третий день вечером он ворвался в гостиную на Бейкер-стрит бледный, дрожа, как в лихорадке.

— Попался! Попался! — закричал он.



Волнение не давало ему говорить. Холмс усадил его в кресло, стал успокаивать.

— Расскажите нам все по порядку, — попросил он его наконец.

— Она пришла всего час назад. На этот раз жена принесла подвеску в точности такую, как первая. Высокая бледная женщина, глаза, как у хорька...

— Это она, — подтвердил Холмс.

— Я пошел за ней. Она свернула на Кеннингтон-роуд — я не отставал. Вдруг она вошла в какую-то лавку... Мистер Холмс, это оказалась лавка гробовщика!

Холмс вздрогнул.

— Дальше! — Голос его зазвенел, выдав волнение, охватившее пламенную душу, которую он скрывал под маской ледяного спокойствия.

— Я вошел за ней. Она разговаривала с женщиной за прилавком, и до меня долетели ее слова: «Как вы долго!» Та стала оправдываться: «Все будет немедленно доставлено по адресу. Ведь делать пришлось по особому заказу, вот мастера и задержались...» Тут они увидели меня и замолчали. Я что-то спросил и вышел на улицу.

— Правильно сделали! Что потом?

— Женщина тоже вышла, но я спрятался в соседнем подъезде. Наверно, она что-то заподозрила, потому что огляделась вокруг. Затем подозвала кэб и уехала. К счастью, я сразу же поймал другой кэб и поехал за ней. Она вышла в Брикстоне¹⁶, адрес: Полтни-сквер, дом 36. Я проехал дальше, отпустил кэбмена и стал наблюдать за домом.

— Кого-нибудь удалось увидеть?

— Свет горел только в одном окне на первом этаже, но штора была опущена и ничего не было видно. Я стоял и раздумывал, что же теперь делать, как вдруг у крыльца остановился закрытый фургон. Двое мужчин спрыгнули на мостовую, вытащили что-то из фургона и понесли на крыльцо... Мистер Холмс, это был гроб.

¹⁶ Южный пригород Лондона.

— Вот оно что...

— Не знаю, как я устоял на месте. Дверь отворилась, чтобы впустить людей и то, что они принесли, и я увидел ту самую женщину. Но и она меня заметила и, по-моему, узнала. Вздвогнув, она поспешно захлопнула дверь. Я вспомнил, какое обещание вы с меня взяли, и полетел к вам.

— Вы очень хорошо провели дело. — Холмс схватил со стола клочок бумаги и стал что-то писать. — Без ордера на арест мы не имеем права ничего предпринимать. Лучшее, что вы сейчас можете сделать, мистер Грин, — это отнести мою записку в полицию и получить ордер. Могут возникнуть затруднения, но, думаю, продажа драгоценностей — достаточный повод. Подробности займется Лестрейд.

— Да ведь ее тем временем убьют! Что значит этот гроб, и для кого он, если не для нее?

— Мистер Грин, все возможное будет сделано. Мы не потеряем ни минуты. Положитесь на нас. Ну вот, Уотсон, — продолжал Холмс, когда наш гость выбежал из комнаты, — он сейчас заручится поддержкой закона, а нам тем временем придется действовать, как всегда, незаконно. Боюсь, дела настолько плохи, что самые наши крайние меры будут оправданы. Скорей на Полтни-сквер!

Попробуем восстановить всю картину, — говорил Холмс в то время, как наш кэб катился мимо Парламента и по Вестминстерскому мосту. — Негодяи заманили несчастную женщину в Лондон, предварительно заставив ее расстаться с преданной Мари. Если леди Фрэнсис и писала кому-нибудь в это время, ее письма перехватывали. Один из сообщников Питерса снял для него в Лондоне дом. Переступив порог этого дома, леди Фрэнсис превратилась в пленницу, и драгоценности, за которыми эти люди и охотились с самого начала, стали их добычей. Они уже распродают их понемножку и не видят в этом никакой для себя опасности, уверенные, что судьба их жертвы никого не интересует. Когда ее отпустят, она их, разумеется, разоблачит. Поэтому они ее никогда не отпустят. Однако держать ее всю жизнь под замком тоже нельзя. Значит, единственный выход — убийство.

— Все предельно ясно.

— Теперь взглянем на дело с другой стороны. Когда два пути, по которым развивалась мысль, скрещиваются, точка пересечения дает максимальное приближение к истине. Возьмем теперь за исходную точку не леди Фрэнсис, а гроб и пойдем назад. Боюсь, этот гроб окончательно убеждает нас в том, что леди Фрэнсис умерла. Но, кроме того, он означает официальные похороны, свидетельство врача и разрешение полиции. Если бы леди Фрэнсис убили каким-нибудь примитивным способом, то труп зарыли бы во дворе. Но тут все открыто и гласно. Что это означает? А то, что ее убили настолько необычным способом, что даже врач не заподозрил насильственной смерти, — может быть, отравили каким-то редким ядом. И все-таки странно, что они позволили врачу освидетельствовать ее, — разве что подкупили врача... Но это очень маловероятно.

— А не могли они подделать свидетельство?

— Это опасно, Уотсон, очень опасно. Не думаю, чтобы они на это решились... Эй, стойте!.. Мы только что проехали ломбард, значит, следующий дом — лавка гробовщика. Уотсон, ваше лицо внушает доверие, зайдите к ним и спросите, на какое время назначены завтра похороны клиента с Полтни-сквер.

Женщина за прилавком доверчиво рассказала мне, что похороны состоятся завтра в восемь утра.

— Вот видите, Уотсон, никаких тайн и уловок. Им как-то удалось оформить все официально, и теперь они считают, что бояться нечего. Что ж, у нас один выход: идти напролом. Вы вооружены?

— Вот трость!

— Ну ничего, как-нибудь пробьемся: «Ведь трижды тот вооружен, кто прав»¹⁷. Мы просто не можем дожидаться полиции, положение не таково, чтобы педантично блюсти букву закона... Поезжайте, пожалуйста. Будем пытаться счастья вместе, Уотсон. Нам ведь не впервой. Он резко дернул за шнурок у двери большого темного дома. Дверь немедленно открыли, на пороге полутемного холла мы увидели высокую женскую фигуру.

— Что вам угодно? — сухо спросила женщина, пытаясь разглядеть нас в темноте.

— Мне нужен доктор Шлезингер, — ответил Холмс.

¹⁷ Шекспир, «Генрих VI», ч. II, акт III, 2.

— Здесь нет никакого доктора Шлезингера!

Женщина хотела захлопнуть дверь, но Холмс придержал ее ботинком.

— В таком случае мне нужен человек, который живет в этом доме, как бы он себя ни называл! — настойчиво сказал Холмс.

Она помедлила, потом все-таки впустила нас.

— Что ж, входите, мой муж никого не боится.

Она заперла парадную дверь, ввела нас в гостиную, зажгла свет и вышла, попросив минутку подождать.

Но нам не пришлось ждать и полминуты: не успели мы окинуть взглядом комнату, в которой очутились — пыльную, с изъеденной молью мебелью, — как дверь отворилась, и в гостиную неслышным шагом вошел высокий лысый человек. Его широкое багровое лицо с обвисшими щеками сияло преувеличенным добродушием, с которым никак не вязалось жесткое выражение беспощадного рта.

— Тут, несомненно, какая-то ошибка, господа! — непринужденно обратился он к нам самым елейным тоном. — Вам, по-видимому, дали неправильный адрес. Если вы пройдете чуть дальше налево...

— Мы не пойдем никуда, — холодно сказал мой друг. — У нас нет времени, мистер Генри Питерс из Аделаиды, в прошлом — его преподобие доктор Шлезингер из Бадена и Южной Африки. Я в этом так же мало сомневаюсь, как и в том, что меня зовут Шерлоком Холмсом.

Питерс — я теперь буду его так называть — вздрогнул и впился взглядом в своего грозного противника.

— Ну что ж, мистер Холмс, ваше имя меня не испугало, — сказал он. — Когда совесть у человека чиста, ему нечего бояться. Что вам нужно в моем доме?

— Узнать, что вы сделали с леди Фрэнсис Карфэкс, которую привезли с собой из Бадена.

— Вы чрезвычайно меня обяжете, если сообщите, где она сейчас находится, — спокойно возразил Питерс. — Она задолжала мне около ста фунтов, а в уплату оставила пару безвкусовых подвесок с поддельными камнями, в ломбарде на них и смотреть не стали. Леди Фрэнсис привязалась к нам с миссис Питерс в Бадене — я действительно жил там под другим именем — и не расставалась с нами до самого Лондона. Я уплатил по ее счету в гостинице и за ее билет. А в Лондоне она исчезла, оставив в счет долга, как я уже говорил вам, какие-то старомодные украшения. Если вы ее найдете, мистер Холмс, я буду вам очень обязан.

— Непременно, — сказал Холмс. — Буду до тех пор искать ее в этом доме, пока не найду.

— Где ваш ордер?



Холмс показал Питерсу пистолет и снова сунул его в карман.

— Придется вам пока удовольствоваться этим!

— Да вы просто бандит!

— Ничуть не возражаю против такого определения, — рассмеялся Холмс. — Мой спутник тоже весьма опасный головорез, рекомендую. Мы с ним начинаем обыск.

Питерс отворил дверь в прихожую.

— Энни, беги за полицией!

По лестнице прошуршали юбки, парадная дверь отворилась и захлопнулась.

— Времени у нас в обрез, Уотсон, — сказал Холмс. — Идем! И не вздумайте нам мешать, Питерс, будет только хуже. Где гроб, который вам сегодня привезли?

— Зачем вам гроб? Он занят! В нем покойница.

— Я должен ее видеть.

— Никогда! Я не позволю!

— Обойдемся без вашего позволения. — Холмс молниеносно оттолкнул Питерса и вышел в холл. Прямо перед нами была полураскрытая дверь. Мы вошли. В столовой под тускло горящими рожками газовой люстры стоял на столе гроб. Холмс прибавил света и поднял крышку. Жалкое, иссохшее существо лежало на дне глубокого гроба. Яркий свет упал на старое, сморщенное лицо. Ни болезнь, ни голод, ни самые зверские истязания не могли бы превратить все еще красивую, цветущую женщину, какой была леди Фрэнсис, в эту дряхлую развалину. Изумление на лице Холмса сменилось радостью.

— Слава Богу! — воскликнул он. — Это не она!

— Да, на этот раз вы жестоко ошиблись, мистер Холмс, — раздался голос Питерса, вошедшего в столовую следом за нами.

— Кто эта женщина?

— Могу рассказать, если это вас так интересует. Эта женщина — старая няня моей жены, зовут ее Роза Спенсер, мы взяли ее из Брикстонской богадельни, привезли сюда, пригласили доктора Хорсома — он живет на Фирбэнк-Виллас, дом 13, не забудьте записать, мистер Холмс! — окружили ее заботой, как велел нам наш христианский долг. На третий день она скончалась. В свидетельстве написано «от старческого маразма», но ведь это всего лишь мнение врача, — вам, мистер Холмс, разумеется, истинная причина ее смерти известна лучше, чем кому бы то ни было! Мы обратились к фирме Стимсон и К на Кеннингтон-роуд, похороны состоятся завтра в восемь часов утра. Попробуйте придраться хоть к чему-нибудь! Признайтесь, мистер Холмс, вы остались в дураках. Много бы я дал, чтобы сфотографировать вашу физиономию, когда вы так воинственно ринулись к гробу и вместо леди Фрэнсис увидели в нем убогую девяностолетнюю старушку!

Холмс с обычным своим спокойствием стоял под градом насмешек, которые обрушил на него Питерс, только кулаки его гневно сжались.

— Я продолжаю обыск.

— Ну, это мы еще посмотрим! — закричал Питерс, и в это время в прихожей раздался женский голос и тяжелые шаги. — Сюда, господа! Эти люди силой ворвались в мой дом, и я никак не могу заставить их уйти. Пожалуйста, помогите мне!

Сержант и констебль встали на пороге столовой. Холмс вынул из бумажника визитную карточку.

— Вот мое имя и адрес. А это мой друг — доктор Уотсон.

— Да что вы, сэр, зачем нам ваша карточка, мы ли вас не знаем! — сказал сержант. — Но только без ордера вам здесь оставаться нельзя.

— Знаю, что нельзя.

— Арестуйте его! — крикнул Питерс.

— Мы знаем, где найти этого джентльмена, если он нам понадобится, — величественно ответил сержант. — Но все-таки вам придется уйти, мистер Холмс.

— Да, Уотсон, нам придется уйти.

Через минуту мы снова были на улице. Холмс казался спокоен, как всегда, я же весь пылал от гнева и унижения. Сержант вышел с нами.

— Вы уж извините, мистер Холмс. Что поделаешь — закон.

— Все правильно, сержант, вы не могли поступить иначе.

— Конечно, Вы туда не пришли бы зря, я понимаю. Если я могу вам чем помочь...

— Пропала женщина, сержант, и мы подозреваем, что ее скрывают в этом доме. Я с минуты на минуту жду ордера.

— Так я с них глаз не спущу, мистер Холмс, и если что, сейчас же дам вам знать.

Было всего девять часов, и мы с Холмсом, не теряя ни минуты, пустились в путь. Первым делом мы направились в Брикстонскую богадельню и узнали, что несколько дней назад туда действительно пришла супружеская пара, выразившая желание взять к себе впавшую в детство старуху, когда-то бывшую у них в услужении, как они заявили. Получив разрешение, они увезли ее домой. Когда мы сказали, что старуха умерла, никто в богадельне не удивился.

Следующий наш визит был к доктору Хорсому. Он рассказал, что накануне днем его вызвали к больной, которая, как он установил, умирала от старческой слабости. На его глазах она и испустила дух. Он составил свидетельство по всей форме и подписал.

— Уверяю вас, конец этой женщины был самый естественный, какие бы то ни было подозрения просто неоправданны, — заключил он.

Ничего необычного в доме он не заметил, только, пожалуй, немного странным показалось, что люди с таким достатком живут без прислуги. Вот все, что удалось нам узнать от доктора Хорсома.

Наконец мы направились в Скотленд-Ярд. Оказалось, что при оформлении ордера возникли какие-то трудности, дело затягивалось: подпись судьи можно будет получить не раньше утра. Если мистер Холмс зайдет завтра к девяти, он может поехать с инспектором Лестрейдом и присутствовать при аресте.

Больше никаких событий в тот день не произошло, не считая полночного визита нашего приятеля-сержанта, который пришел рассказать, что в темных окнах дома на Полтни-сквер несколько раз мелькал какой-то свет, но что никто не выходил и не входил. Нам оставалось только набраться терпения и ждать утра.

Шерлок Холмс был слишком расстроен, чтобы беседовать, и слишком взволнован, чтобы спать. Я ушел к себе, а он остался в гостиной. Сдвинув темные густые брови, он сидел в кресле, барабанил по его ручке длинными нервными пальцами, курил одну сигарету за другой и искал, искал ключ к разгадке. Несколько раз ночью я слышал его шаги. Утром, когда я уже умывался, он ворвался ко мне в комнату бледный, с ввалившимися щеками, ни на миг не сомкнувший глаз.

— Когда похороны? В восемь, да? Сейчас двадцать минут восьмого, — отрывисто заговорил он. — Куда девался разум, который Господь Бог вложил в мою голову? Скорей, Уотсон, скорей! Ведь сейчас решается: жизнь или смерть, и сто против одного за смерть! Если мы опоздаем, я никогда, никогда себе не прощу!

Не прошло и пяти минут, как мы мчались в кэбе по Бейкер-стрит. Но когда мы подъезжали к Парламенту, Биг-Бен показывал без двадцати пяти восемь, а на углу Брикстон-роуд стрелка подошла к восьми! Однако мы оказались не единственные опоздавшие. В восемь часов десять минут кэбмен осадил взмыленную лошадь возле крыльца, у которого все еще стоял катафалк, и из двери трое рабочих выносили гроб. Холмс кинулся вперед и преградил им путь.



— Стойте! — закричал он, упершись рукой в грудь первого носильщика. — Немедленно несите гроб назад!

— Какого дьявола вам здесь нужно?! Где ваш ордер, покажите сейчас же! — разъяренно заревел из холла багровый Питерс.

— Ордер подписан. Гроб останется в доме, пока он не прибудет!

Властный голос Холмса произвел на людей впечатление. Питерс незаметно юркнул в какую-то дверь, а они понесли гроб обратно.

— Скорей, скорей, Уотсон! Вот отвертка! — прерывающимся голосом командовал Холмс. — Вы тоже берите отвертку. Если через минуту крышка будет сорвана, получите соверен, друзья. Никаких вопросов! Быстрей, быстрей! Так, хорошо! Еще один шуруп... последний. Приналяжем все вместе! Ага, идет, идет! Уф, наконец-то!

Впятером мы сорвали крышку, и в тот же миг нас оглушил тяжелый вязкий запах хлороформа. Голова покойницы была обложена толстым слоем ваты, пропитанной наркотиком. Холмс сбросил ее, и мы увидели прекрасное тонкое лицо женщины лет сорока. Холмс обхватил ее за плечи и посадил.

— Она жива, Уотсон? Неужели мы опоздали? Неужели все кончено?!

Полчаса мне казалось, что все действительно кончено. Я боялся, что недостаток воздуха и ядовитые пары хлороформа задушили последнюю искру жизни и все наши усилия напрасны. Мы впрыскивали ей эфир, делали искусственное дыхание и вообще все, что предписывает в таких случаях современная медицина, и наконец веки ее слабо дрогнули, поднесенное к губам зеркало затуманилось — жизнь возвращалась!

У крыльца остановился кэб. Холмс поднял штору и выглянул из окна.

— Явился Лестрейд с ордером, — сказал он, — только птички его уже упорхнули... А вот, — продолжал он, прислушиваясь к быстрым шагам по коридору, — идет человек, который поможет леди Фрэнсис лучше, чем мы. Здравствуйте, мистер Грин! Чем скорее мы увезем отсюда леди Фрэнсис, тем лучше. А похороны пусть идут своим чередом, только теперь эта бедная старушка, которая все еще лежит в гробу, совершит свой последний путь одна.

— Если вы захотите включить этот эпизод в свою хронику, милый Уотсон, — говорил мне в тот вечер Холмс, — приведите его как пример временного затмения, которое может поразить даже самый трезвый ум. Ни один смертный не застрахован от таких промахов, но уважения достоин тот, кто способен вовремя понять их и исправить. Мне кажется, я вправе причислить себя к таким людям. Всю ночь меня сегодня преследовала мысль, что была ведь, была какая-то деталь, которой я не придал должного значения, что-то не совсем обычное, какое-то слово, движение, взгляд... И когда уже

рассвело, я вдруг вспомнил — ответ жены гробовщика! Она сказала: «Ведь делать пришлось по особому заказу, вот мастера и задержались». Они говорили о гробе. Гроб делали по особому заказу. Значит, делали по особым размерам. Но зачем? Зачем? И тогда я как будто снова увидел высокие стенки гроба и на самом его дне маленькую жалкую фигурку. Зачем для такого маленького трупа заказали такой большой гроб? Да чтобы осталось место еще для одного!.. Оба похоронят по одному свидетельству. Все было с самого начала ясно как день, только я-то как будто ослеп! В восемь часов леди Фрэнсис в гробу положат на катафалк. Единственная наша надежда — задержать гроб, пока его еще не вынесли из дому. Предположение, что она еще жива, было равнозначно безумию, но безумие-то и спасло все. Насколько мне известно, эти люди никогда не совершали убийства. Я подозревал, что в конце концов они не решатся на него и сейчас. Они похоронят ее, не оставив никаких следов, по которым можно было бы установить причину смерти леди Фрэнсис, и даже если труп впоследствии эксгумируют, у них все-таки будет шанс выкрутиться. Я надеялся, что именно этими соображениями они и руководствовались. Что было дальше — вы помните, и тот страшный чердак, где негодяи держали бедняжку, вы видели. Сегодня утром они ворвались к ней, усыпили ее хлороформом, отнесли вниз, положили пропитанную хлороформом вату в гроб, чтобы она не проснулась, и завинтили крышку. Гениальный план! Ничего подобного в истории преступлений я еще не встречал. Если нашим приятелям — экс-миссионеру и его супруге — удалось ускользнуть от Лестрейда, их дальнейшая карьера, надо ожидать, ознаменуется не менее блестящими деяниями.¹⁸

¹⁸ **The Disappearance of Lady Frances Carfax**

First published in the Strand Magazine, Dec. 1911, with 5 illustrations by Alec Ball, and in the American Magazine, Dec. 1911, with 5 illustrations by Frederic Dorr Steele.





Дьяволова нога

Пополняя время от времени записи о моем старом друге, мистере Шерлоке Холмсе, новыми удивительными событиями и интересными воспоминаниями, я то и дело сталкивался с трудностями, вызванными его собственным отношением к гласности. Этому угрюмому скептику претили шумные похвалы окружающих, и после блестящего раскрытия очередной тайны он от души развлекался, уступив свои лавры какому-нибудь служаке из Скотленд-Ярда, и с язвительной усмешкой слушал громкий хор поздравлений не по адресу. Подобное поведение моего друга, а вовсе не отсутствие интересного материала и привело к тому, что за последние годы мне редко удавалось публиковать новые записи. Дело в том, что участие в некоторых его приключениях было честью, всегда требующей от меня благоразумия и сдержанности.

Представьте же мое изумление, когда в прошлый вторник я получил телеграмму от Холмса (он никогда не посылал писем, если можно было обойтись телеграммой). Она гласила:

«Почему не написать о Корнуэльском ужасе — самом необычном случае в моей практике».

Я решительно не понимал, что воскресило в памяти Холмса это событие или какая причуда побудила его телеграфировать мне, однако, опасаясь, как бы он не передумал, я тут же разыскал записи с точными подробностями происшествия и спешу представить читателям мой рассказ.

Весной 1897 года железное здоровье Холмса несколько пошатнулось от тяжелой, напряженной работы, тем более, что сам он совершенно не щадил себя. В марте месяце доктор Мур Эгер с Харли-стрит, который познакомился с Холмсом при самых драматических обстоятельствах, о чем я расскажу как-нибудь в другой раз, категорически заявил, что знаменитому сыщику необходимо временно оставить всякую работу и как следует отдохнуть, если он не хочет окончательно подорвать свое здоровье. Холмс отнесся к этому равнодушно, ибо умственная его деятельность совершенно не зависела от физического состояния, но когда врач пригрозил, что Холмс вообще не сможет работать, это убедило его наконец сменить обстановку. И вот ранней весной того года мы с ним поселились в загородном домике близ бухты Полду на крайней оконечности Корнуэльского полуострова.

Этот своеобразный край как нельзя лучше соответствовал угрюмому настроению моего пациента. Из окон нашего беленого домика, высоко стоящего на зеленом мысе, открывалось все зловещие

полукружие залива Маунтс-Бей, известного с незапамятных времен как смертельная ловушка для парусников: сколько моряков настигла смерть на его черных скалах и подводных рифах. При северном ветре залив выглядел безмятежным, укрытым от бурь и манил к себе гонимые штормом суда, обещая им покой и защиту. Но внезапно с юго-запада с ревом налетал ураган, судно срывалось с якоря, и у подветренного берега, в пене бурунов, начиналась борьба не на жизнь, а на смерть. Опытные моряки держались подальше от этого проклятого места.



Суша в окрестностях нашего дома производила такое же безотрадное впечатление, как и море. Кругом расстилалась болотистая равнина, унылая, безлюдная, и лишь по одиноким колокольням можно было угадать, где находятся старинные деревушки. Всюду виднелись следы какого-то древнего племени, которое давно вымерло и напоминало о себе только причудливыми каменными памятниками, разбросанными там и сям могильными курганами и любопытными земляными укреплениями, воскрешающими в памяти доисторические битвы. Колдовские чары этого таинственного места, зловещие призраки забытых племен подействовали на воображение моего друга, и он подолгу гулял по торфяным болотам, предаваясь размышлениям. Холмс заинтересовался также древним корнуэльским языком и, если мне не изменяет память, предполагал, что он сродни халдейскому и в значительной мере заимствован у финикийских купцов, приехавших сюда за оловом. Он выписал кучу книг по филологии и засел было за развитие своей теории, как вдруг, к моему глубокому сожалению и его нескрываемому восторгу, мы оказались втянутыми в тайну — более сложную, более захватывающую и уж, конечно, в сто раз более загадочную, чем любая из тех, что заставили нас покинуть Лондон. Наша скромная жизнь, мирный, здоровый отдых были грубо нарушены, и нас закружило в водовороте событий, которые потрясли не только Корнуэлл, но и всю западную Англию. Многие читатели помнят, наверное, о «Корнуэльском ужасе», как это тогда называлось, хотя должен вам сказать, что лондонская пресса располагала весьма неполными данными. И вот теперь, через тринадцать лет, настало время сообщить вам все подлинные подробности этого непостижимого происшествия.

Я уже говорил, что редкие церковные колоколенки указывали на деревни, разбросанные в этой части Корнуэлла. Ближайшей к нам оказалась деревушка Тридэнник-Уоллес, где домики сотни-другой жителей лепились вокруг древней замшелой церкви. Священник этого прихода, мистер Раундхэй, увлекался археологией; на этой почве Холмс и познакомился с ним. Это был радушный толстяк средних лет, неплохо знавший здешние места. Как-то он пригласил нас к себе на чашку чая, и у него мы встретились с мистером Мортимером Тридженнисом, состоятельным человеком, кото-

рый увеличивал скудные доходы священника, снимая несколько комнат в его большом, бестолково построенном доме. Одиноким священник был доволен этим, хотя имел мало общего со своим жильцом, худошавым брюнетом в очках, до того сутулым, что с первого взгляда казался горбуном. Помню, что за время нашего недолгого визита священник произвел на нас впечатление неутомимого говоруна, зато жилец его был до странности необщителен, печален, задумчив; он сидел, уставившись в одну точку, занятый, видимо, собственными мыслями.

И вот во вторник, шестнадцатого марта, когда мы докуривали после завтрака, готовясь к обычной прогулке на торфяные болота, в нашу маленькую гостиную ворвались два этих человека.

— Мистер Холмс, — задыхаясь, проговорил священник, — этой ночью произошла ужасная трагедия? Просто неслыханно! Наверное, само Провидение привело вас сюда как раз вовремя, потому что если кто-нибудь в Англии и может помочь, то это вы!



Я бросил не слишком дружелюбный взгляд на назойливого священника, но Холмс вынул изо рта трубку и насторожился, как старый гончий пес, услышавший зов охотника. Он знаком предложил им сесть, и наш взбудораженный посетитель со своим спутником уселись на диван. Мистер Мортимер Тридженнис больше владел собой, но судорожное подергивание его худых рук и лихорадочный блеск темных глаз показывали, что он взволнован ничуть не меньше.

— Кто будет рассказывать, я или вы? — спросил он священника.

— Я не знаю, что у вас случилось, — сказал Холмс, — но раз уж, судя по всему, открытие сделали вы, то вы и рассказывайте: ведь священник узнал об этом уже от вас.

Я взглянул на одетого наспех священника и его аккуратного соседа и в душе позабылся тому изумлению, которое вызвал на их лицах простой логический вывод Холмса.

— Позвольте мне сказать несколько слов, — начал священник, — и тогда вы сами решите, выслушать ли вам подробности от мистера Тридженниса или лучше немедленно поспешить к месту этого загадочного происшествия. Случилось вот что: вчера вечером наш друг был в гостях у своих братьев Оуэна и Джорджа и сестры Брэнды в их доме в Тридэнник-Уорта, что неподалеку от древнего каменного креста на торфяных болотах. Он ушел от них в начале одиннадцатого, до этого они играли в карты в столовой, все были здоровы, и прекрасном настроении. Сегодня утром, еще до завтрака, наш друг — он всегда встает очень рано — пошел прогуляться в направлении дома своих родственников, и тут его нагнал шарабан доктора Ричардса: оказалось, что того срочно вызвали в Тридэнник-Уорта. Конечно, мистер Мортимер Тридженнис поехал вместе с ним. Приехав, они об-

наружили нечто невероятное. Сестра и братья сидели вокруг стола точно в тех же позах, как он их оставил, перед ними еще лежали карты, но свечи догорели до самых розеток. Сестра лежала в кресле мертвая, а с двух сторон от нее сидели братья: они кричали, пели, хохотали... разум покинул их. У всех троих — и у мертвой женщины и у помешавшихся мужчин — на лицах застыл невыразимый страх, гримаса ужаса, на которую жутко смотреть. Нет никаких признаков, что в доме были посторонние, если не считать миссис Портер, их старой кухарки и экономки, которая сообщила, что всю ночь крепко спала и ничего не слыхала. Ничего не украдено, все в полном порядке, и совершенно непонятно, чего они испугались настолько, что женщина лишилась жизни, а мужчины — рассудка. Вот вкратце и все, мистер Холмс, и если вы поможете нам разобраться во всем этом, вы сделаете великое дело.

Я еще надеялся уговорить моего друга вернуться к отдыху, составлявшему цель нашей поездки, но стоило мне взглянуть на его сосредоточенное лицо и нахмуренные брови, как стало ясно, что надеяться не на что. Холмс молчал, поглощенный необычайной драмой, ворвавшейся в нашу тихую жизнь.

— Я займусь этим делом, — сказал он наконец. — Насколько я понимаю, случай исключительный. Сами вы там были, мистер Раундхэй?

— Нет, мистер Холмс. Как только я узнал от мистера Тридженниса об этом несчастье, мы тут же поспешили к вам, чтобы посоветоваться.

— Далеко ли дом, где разыгралась эта ужасная трагедия?

— Около мили отсюда.

— Значит, отправимся вместе. Но сначала, мистер Мортимер Тридженнис, я хочу задать вам несколько вопросов.

За все это время тот не произнес ни звука, но я заметил, что внутренне он встревожен куда больше, чем суетливый и разговорчивый священник. Лицо его побледнело, исказилось, беспокойный взгляд не отрывался от Холмса, а худые руки сжимались и разжимались. Когда священник рассказывал об этом страшном происшествии, побелевшие губы Тридженниса дрожали, и казалось, что в его темных глазах отражается эта ужасная картина.

— Спрашивайте обо всем, что сочтете нужным, мистер Холмс, — с готовностью сказал он. — Тяжело говорить об этом, но я не скрою от вас ничего.

— Расскажите мне о вчерашнем вечере.

— Так вот, мистер Холмс, как уже говорил священник, мы вместе поужинали, а потом старший брат Джордж предложил сыграть в вист. Мы сели за карты около девяти. В четверть одиннадцатого я собрался домой. Они сидели за столом, здоровые и веселые.

— Кто закрыл за вами дверь?

— Миссис Портер уже легла, и меня никто не провожал. Я сам захлопнул за собой входную дверь. Окно в комнате, у которого они сидели, было закрыто, но шторы не спущены. Сегодня утром и дверь и окно оказались в том же виде, что и вчера, и нет причины думать, что в дом забрался чужой. И все-таки страх помутил рассудок моих братьев, страх убил Брэнду... если б вы видели, как она лежала, свесившись через ручку кресла... До самой смерти не забыть мне этой комнаты.

— То, что вы рассказываете, просто неслыханно, — сказал Холмс. — Но, насколько я понимаю, у вас нет никаких предположений о причине происшедшего?

— Это дьявольщина, мистер Холмс, дьявольщина! — воскликнул Мортимер Тридженнис. — Это нечистая сила! В комнату проникает что-то ужасное, и люди лишаются рассудка. Разве человек способен на такое?

— Ну, если человеку такое не под силу, то, боюсь, и разгадка окажется мне не под силу, — заметил Холмс. — Однако, прежде чем принять вашу версию, мы должны испробовать все реальные причины. Что касается вас, мистер Тридженнис, то вы, как я понял, в чем-то не ладили со своими родными, — ведь вы жили врозь, верно?

— Да, так оно и было, мистер Холмс, хотя это — дело прошлое. Видите ли, нашей семье принадлежали оловянные рудники в Редруте, но потом мы продали их Компании и, получив возможность жить безбедно, уехали оттуда. Не скрою, что при дележке денег мы поссорились и разошлись на некоторое время, но что было, то прошло, и мы снова стали лучшими друзьями.

— Однако вернемся к событиям вчерашнего вечера. Не припомните ли вы что-нибудь, что могло бы хоть косвенно натолкнуть нас на разгадку этой трагедии? Подумайте как следует, мистер Тридженнис, любой намек мне поможет.

— Нет, сэр, ничего не могу припомнить.

— Ваши родные были в обычном настроении?

— Да, в очень хорошем.

— Не были они нервными людьми? Не бывало ли у них предчувствия приближающейся опасности?

— Нет, никогда.

— Больше вы ничем не можете помочь мне?

Мортимер Тридженнис напряг память.

— Вот что я вспомнил, — сказал он наконец. — Когда мы играли в карты, я сидел спиной к окну, а брат Джордж, мой партнер, — лицом. И вдруг я заметил, что он пристально смотрит через мое плечо, и я тоже обернулся и посмотрел. Окно было закрыто, но шторы еще не спущены, и я разглядел кусты на лужайке; мне показалось, что в них что-то шевелится. Я даже не понял, человек это или животное. Но подумал, что там кто-то есть. Когда я спросил брата, куда он смотрит, он ответил, что ему тоже что-то показалось. Вот, собственно, и все.

— И вы не поинтересовались, что это?

— Нет, я тут же забыл об этом.

— Когда вы уходили, у вас не было дурного предчувствия?

— Ни малейшего.

— Мне не совсем ясно, как вы узнали новости в такой ранний час.

— Я обычно встаю рано и до завтрака гуляю. Только я вышел сегодня утром, как меня нагнал шарабан доктора. Он сказал, что старая миссис Портер прислала за ним мальчишку и спешно требует его туда. Я вскочил в шарабан, и мы поехали. Там мы сразу бросились в эту жуткую комнату. Свечи и камин погасли уже давно, и они до самого рассвета были в темноте. Доктор сказал, что Брэнда умерла по крайней мере шесть часов назад. Никаких следов насилия. Она лежала в кресле, перевернувшись через ручку, и на лице ее застыло это самое выражение ужаса. Джордж и Оуэн на разные голоса распевали песни и бормотали, как два каких-нибудь орангутанга. О, это было ужасно! Я еле выдержал, а доктор побелел как полотно. Ему стало дурно, и он упал в кресло, — хорошо еще, что нам не пришлось за ним ухаживать.

— Поразительно... просто поразительно, — сказал Холмс, вставая, и взялся за шляпу. — По-моему, лучше, не теряя времени, отправиться в Тридэнник-Уорта. Должен признаться, что редко мне встречалось дело, которое на первый взгляд казалось бы столь необычайным.

В то утро наши розыски продвинулись мало. Зато в самом же начале произошел случай, который оказал на меня самое гнетущее действие. Мы шли к месту происшествия по узкой, извилистой проселочной дороге. Увидев тархтящую навстречу карету, мы сошли на обочину, чтобы пропустить ее. Когда она поравнялась с нами, за поднятым стеклом метнулось оскаленное, перекошенное лицо с вытаращенными глазами. Эти остановившиеся глаза и скрежещущие зубы промелькнули мимо нас, как кошмарное видение.



— Братья! — весь побелев, воскликнул Мортимер Тридженнис. — Их увозят в Хелстон!

В ужасе мы смотрели вслед черной карете, громыхающей по дороге, потом снова направились к дому, где их постигла такая странная судьба.

Это был просторный, светлый дом, скорее вилла, чем коттедж, с большим садом, где благодаря мягкому корнуэльскому климату уже благоухали весенние цветы. В этот сад и выходило окно гостиной, куда, по утверждению Мортимера Тридженниса, проник злой дух и принес столько несчастий хозяевам дома. Прежде, чем подняться на крыльцо, Холмс медленно и задумчиво прошелся по дорожке и между клумбами. Я помню, он был так занят своими мыслями, что споткнулся о лейку, и она опрокинулась на садовую дорожку, облив нам ноги. В доме нас встретила пожилая экономка, миссис Портер, которая вела здесь хозяйство с помощью молоденькой служанки. Она с готовностью отвечала на все вопросы Холмса. Нет, она ничего не слышала ночью. Да, хозяева в последнее время были в прекрасном настроении: никогда она не видела, чтоб они были такие веселые и довольные. Она упала в обморок от ужаса, когда зашла утром в комнату и увидела их за столом. Опомнившись, она распахнула окно, чтобы впустить утренний воздух, бросилась на дорогу, окликнула фермерского мальчишку и послала его за доктором. Если мы хотим посмотреть, то хозяйка лежит в своей спальне. Четверо здоровенных санитаров еле справились с братьями, усаживая их в карету. А она сама и до завтра не останется в этом доме, немедленно уедет в Сент-Айвс к своим родным.



Мы поднялись наверх и осмотрели тело Брэнды Тридженнис. Даже сейчас всякий сказал бы, что в молодости она была красавицей. И после смерти она была прекрасна, хотя тонкие черты ее смуглого лица хранили печать ужаса — последнего ее ощущения при жизни. Из спальни мы спустились в гостиную, где произошла эта невероятная драма. В камине еще лежала зола. На столе стояли четыре оплывшие, догоревшие свечи и валялись карты. Стулья были отодвинуты к стенам, к остальным предметам никто не прикасался. Холмс легкими, быстрыми шагами обошел комнату; он сел на стулья, двигал их и расставлял так, как они стояли накануне. Он прикидывал, насколько виден сад с разных мест. Он осмотрел пол, потолок, камин; но ни разу я не заметил ни внезапного блеска в его глазах, ни сжатых губ, которые подсказали бы мне, что в мозгу его мелькнула догадка.

— Зачем топили камин? — спросил он вдруг. — Даже весной топят в такой небольшой комнате?

Мортимер Тридженнис пояснил, что вечером было холодно и сыро. Поэтому, когда он пришел, затопили камин.

— Что вы собираетесь делать дальше, мистер Холмс? — спросил он.

Улыбнувшись, мой друг положил руку мне на плечо.

— Знаете, Уотсон, пожалуй, мне снова придется взяться за трубку и снова вызвать ваши справедливые упреки, — сказал он.

— С вашего разрешения, господа, мы вернемся домой, ибо я не рассчитываю найти здесь что-то новое. Я проанализирую все известные факты, мистер Тридженнис, и если мне что-нибудь придет в голову, немедленно извещу вас и священника. А пока позвольте пожелать вам всего доброго.

Вернувшись в Полду-коттедж, Холмс погрузился в сосредоточенное молчание. Он сидел с ногами в глубоком кресле, весь окутанный голубыми клубами табачного дыма; его черные брови сошлись к переносице, лоб перерезала морщина, глаза на изможденном лице аскета уставились в одну точку. После долгих раздумий он отбросил трубку и вскочил.

— Ничего не выходит, Уотсон! — рассмеялся он. — Пойдемте-ка лучше побродим и поищем кремневые стрелы. Скорее мы найдем их, чем ключ к этой загадке. Заставлять мозг работать, когда для этой работы нет достаточного материала, — все равно, что перегреть мотор. Он разлетится вдребезги. Морской воздух, солнце и терпение — вот что нам нужно, Уотсон, а остальное приложится.

— Теперь давайте спокойно обсудим наше положение, Уотсон, — продолжал он, когда мы шли по тропинке над обрывом. — Нужно твердо усвоить хотя бы то, что нам известно, для того чтобы поставить на место новые факты, когда они появятся. Уговоримся, во-первых, что дьявольские козни тут ни при чем. Выбросим это из головы. Отлично. Зато перед нами три несчастные жертвы некоего намеренного или невольного преступления, совершенного человеком. Будем исходить из этого. Идем дальше: когда это случилось? Если верить Мортимеру Тридженнису, то, очевидно, сразу же после его ухода. Это очень важно. Вероятно, все произошло в следующие несколько минут. Карты еще на столе. Хозяева в это время обычно ложатся спать. Но они продолжают сидеть, даже не отодвинув стулья. Итак, повторяю: это произошло немедленно после его ухода и никак не позже одиннадцати часов вечера.

Проследим теперь, насколько возможно, что делал Мортимер Тридженнис, выйдя из комнаты. Это совсем нетрудно, и он как будто вне подозрений. Вы хорошо знакомы с моими методами и, конечно, догадались, что довольно-таки неуклюжая уловка с лейкой понадобилась мне для того, чтобы получить ясный отпечаток его ноги. На сыром песке она отпечаталась прекрасно. Вчера вечером, как вы помните, тоже было сыро, и я легко проследил его путь. Судя по всему, он быстро пошел к дому священника.

Раз Мортимер Тридженнис исчезает со сцены, значит, перед игроками в карты появляется кто-то другой; кто же это и как ему удалось вызвать такой ужас? Миссис Портер отпадает. Она явно ни при чем. Можно ли доказать, что некто прокрался из сада к окну и своим появлением добился такого трагического исхода? Единственное указание на это исходит опять-таки от Мортимера Тридженниса, который говорил, что его брат заметил какое-то движение в саду. Это странно, потому что вечер был темный, шел дождь, и если тот, кто собирался напугать этих людей, хотел, чтобы его за-

метили, он должен был прижаться лицом к оконному стеклу. А под окном широкая цветочная грядка — и ни одного отпечатка ног. Трудно вообразить, как мог незнакомец при этих обстоятельствах произвести столь жуткое впечатление; к тому же мы не находим подходящего мотива для такого необъяснимого поступка. Вы улавливаете наши трудности, Уотсон?

— Еще бы! — убежденно отвечал я.

— И все-таки, если у нас появятся новые данные, мы преодолеем эти трудности. По-моему, в ваших необъятных архивах, Уотсон, найдется много таких же неясных случаев. Тем не менее отложим дело пока не получим более точных сведений, и закончим утро поисками неолитического человека.

Кажется, я уже говорил, что мой друг обладал исключительной способностью совершенно отключаться от какого-либо дела, но никогда я не поражаюсь ей больше, чем в то весеннее утро в Корнуэлле, когда часа два кряду он толковал о кельтах, кремневых наконечниках и черепках так беззаботно, будто зловещей тайны не было и в помине. И только вернувшись домой, мы обнаружили, что нас ждет посетитель, сразу же вернувший нас к действительности. У него не было нужды представляться нам. Гигантская фигура, огрубевшее, иссеченное морщинами лицо, горящие глаза, орлиный нос, седеющая голова, почти достающая до потолка, золотистая борода с проседью, пожелтевшая у губ от неизменной сигары, — эти приметы были отлично известны и в Лондоне и в Африке и могли принадлежать лишь одному человеку — доктору Леону Стерндейлу, прославленному исследователю и охотнику на львов.

Мы слышали, что он живет где-то поблизости, и не раз замечали на торфяных болотах его могучую фигуру. Однако он не стремился к знакомству с нами, да и нам это не приходило в голову, потому что мы знали, что именно любовь к уединению побуждает его проводить большую часть времени между путешествиями в маленьком домике, скрытом в роще у Бичем-Эраэнс. Там он жил в полном одиночестве, окруженный книгами и картами, сам занимался своим несложным хозяйством и совершенно не интересовался делами соседей. Поэтому меня удивила горячность, с которой он расспрашивал Холмса, удалось ли ему разгадать хоть что-нибудь в этой непостижимой тайне.

— Полиция в тупике, — сказал он, — но, может быть, ваш богатый опыт подскажет какое-нибудь приемлемое объяснение? Я прошу вас довериться мне потому, что за время моих частых наездов сюда я близко познакомился с семьей Тридженнисов, они даже приходятся мне родственниками со стороны матери, здешней уроженки. Вы сами понимаете, что их ужасная судьба потрясла меня. Должен сказать вам, что я направлялся в Африку и уже был в Плимуте, когда сегодня утром узнал об этом событии, и туг же вернулся, чтобы помочь расследованию.

Холмс поднял брови.

— Из-за этого вы пропустили пароход?

— Поеду следующим.

— Бог мой, вот это дружба!

— Я же сказал, что мы родственники.

— Да, помню... по материнской линии. Багаж уже был на борту?

— Не весь, большая часть еще оставалась в гостинице.

— Понимаю. Но не могла ведь эта новость попасть в плимутские газеты сегодня утром?

— Нет, сэр. Я получил телеграмму.

— Позвольте узнать, от кого?

Исхудалое лицо исследователя потемнело.

— Вы слишком любознательны, мистер Холмс.

— Такова моя профессия.

Доктор Стерндейл с трудом обрел прежнее спокойствие.

— Не вижу основания скрывать это от вас, — сказал он. — Телеграмму прислал мистер Раундхэй, священник.

— Благодарю вас, — отозвался Холмс. — Что касается вашего вопроса, то я могу ответить, что мне еще не вполне ясна суть дела, но я твердо рассчитываю добиться истины. Вот пока и все.

— Не могли бы вы сказать, подозреваете ли вы кого-нибудь?

— На это я вам не могу ответить.

— В таком случае я пришел напрасно, не стану задерживать вас более.

Знаменитый путешественник большими шагами вышел из нашего домика, изрядно раздосадованный; вслед за ним ушел и Холмс. Он пропал до самого вечера, а когда вернулся, вид у него был усталый и недовольный, и я понял, что розыски не увенчались успехом. Его ждала телеграмма, он пробежал ее и бросил в камин.

— Это из Плимута, Уотсон, из гостиницы, — пояснил он. — Я узнал у священника, как она называется, и телеграфировал туда, чтобы проверить слова доктора Стерндейла. Он действительно ночевал там сегодня, и часть его багажа действительно ушла в Африку; сам же он вернулся, чтобы присутствовать при расследовании. Что скажете, Уотсон?

— Видимо, его очень интересует это дело.

— Да, очень. Вот нить, которую мы еще не схватили, а ведь она может вывести нас из лабиринта. Бодритесь, Уотсон, я уверен, что мы знаем далеко не все. Когда мы узнаем больше, все трудности останутся позади.

Я никак не предполагал ни того, что слова Холмса сбудутся так скоро, ни того, каким странным и жутким окажется наше новое открытие, повернувшее розыски в совершенно ином направлении. Утром, когда я брился, я услышал стук копыт и, выглянув из окна, увидел двуколку, которая во всю прыть неслась по дороге. У наших ворот лошадь стала, из двуколки выпрыгнул наш друг-священник и со всех ног помчался по садовой дорожке. Холмс был уже готов, и мы с ним поспешили навстречу.

От волнения наш гость не мог говорить, но в конце концов, тяжело дыша и захлебываясь, он выкрикнул:

— Мы под властью дьявола, мистер Холмс! Мой несчастный приход под властью дьявола! — задыхался он. — Там поселился сам Сатана! Мы в его руках! — Он приплясывал на месте от возбуждения, и это было бы смешно, если бы не его посеревшее лицо и безумные глаза. И тут он выпалил свои ужасные новости:

— Мистер Мортимер Тридженнис умер сегодня ночью точно так же, как его сестра!

Холмс мгновенно вскочил, полный энергии.

— Хватит места в вашей двуколке?

— Да!

— Уотсон, завтрак позже! Мистер Раундхэй, мы готовы! Скорей, скорей, пока там ничего не тронуто!

Мортимер Тридженнис занимал в доме священника две угловые комнаты, расположенные обособленно, одна над другой. Внизу была просторная гостиная, наверху — спальня. Под самыми окнами — крокетная площадка. Мы опередили и доктора и полицию, так что никто еще сюда не входил. Позвольте мне точно описать сцену, которую мы увидели в это туманное мартовское утро. Она навеки врезалась в мою память.



В комнате был невероятно удушливый, спертый воздух. Если бы служанка не распахнула окно рано утром, дышать было бы совсем невозможно. Это отчасти объяснялось тем, что на столе еще чадила лампа. У стола, откинувшись на спинку кресла, сидел мертвец; его жидкая бородка стояла торчком, очки были сдвинуты на лоб, а на смуглом, худом лице, обращенном к окну, застыло выражение того же ужаса, которое мы видели на лице его покойной сестры. Судя по сведенным судорогой рукам и ногам и по переплетенным пальцам, он умер в пароксизме страха. Он был одет, хотя мы заметили, что одевался он второпях. И так как мы уже знали, что с вечера он лег в постель, надо было думать, что трагический конец настиг его рано утром.

Как только мы вошли в роковую комнату, Холмс преобразился: внешнее бесстрашие мгновенно сменилось бешеной энергией. Он подобрался, насторожился, глаза его засверкали, лицо застыло, он двигался с лихорадочной быстротой. Он выскочил на лужайку, влез обратно через окно, обежал комнату, промчался наверх — точь-в-точь гончая, почуявшая дичь. Он быстро оглядел спальню и распахнул окно; тут, как видно, появилась новая причина для возбуждения, потому что он высунулся наружу с громкими восклицаниями интереса и радости. Потом он промчался вниз, выбежал в сад, растянулся на траве, вскочил и снова кинулся в комнату — все это с пылом охотника, идущего по следу. Особенно он заинтересовался лампой, которая с виду была самой обычной, и измерил ее резервуар. Затем с помощью лупы тщательно осмотрел абажур, закрывавший верх лампового стекла, и, соскоблив немного копоти с его наружной поверхности, ссыпал ее в конверт, а конверт спрятал в бумажник. Наконец, после появления полиции и доктора, он сделал знак священнику, и мы втроем вышли на лужайку.

— Рад сообщить вам, что мои розыски не остались бесплодными, — объявил он. — Я не намерен обсуждать это дело с полицией, однако вас, мистер Раундхэй, я попрошу засвидетельствовать мое почтение инспектору и обратить его внимание на окно в спальне и лампу в гостиной. И то и другое в отдельности наводит на размышления, а вместе приводит к определенным выводам. Если инспектору понадобятся дальнейшие сведения, буду рад видеть его у себя. А теперь, Уотсон, я думаю, нам лучше уйти.

Возможно, инспектора уязвило вмешательство частного сыщика, а может быть, он вообразил, что находится на верном пути, во всяком случае, в течение двух дней мы ничего о нем не слышали. Холмс в это время мало бывал дома, а если и бывал, то дремал или курил; свои продолжительные прогулки он совершал в одиночестве, ни словом не упоминая о том, где ходит. Однако один опыт Холмса помог мне понять направление его поисков. Он купил лампу — такую же, как та, что горела в комнате Мортимера Тридженниса в утро трагедии. Заправив ее керосином, каким пользовались и в доме священника, он тщательно высчитал, за какое время он выгорает. Другой его опыт оказался

гораздо менее безобидным, и, боюсь, я не забуду о нем до самой смерти.

— Вы, вероятно, помните, Уотсон, — начал он как-то, — что во всех показаниях, которые мы слышали, есть нечто общее. Я имею в виду то, как действовала атмосфера комнаты на тех, кто входил туда первым. Помните, Мортимер Тридженнис, описывая свой последний визит в дом братьев, упомянул, что доктор, войдя в комнату, чуть не лишился чувств? Неужто забыли? А я прекрасно помню. Дальше: помните ли вы, что экономка, миссис Портер, говорила нам, что ей стало дурно, когда она вошла, и она открыла окно? А после смерти Мортимера Тридженниса не могли же вы забыть ужасную духоту в комнате, хотя служанка уже распахнула окно? Как я узнал потом, ей стало до того плохо, что она слегла. Согласитесь, Уотсон, это очень подозрительно. В обоих случаях одно и то же явление — отравленная атмосфера. В обоих случаях и комнатах что-то горело. В первом случае — камин, во втором — лампа. Огонь в камине был еще нужен, но лампу зажгли после того, как рассвело, — это видно по уровню керосина. Почему? Да потому, что есть какая-то связь между тремя факторами: горением, удушливой атмосферой и, наконец, сумасшествием или смертью этих несчастных. Надеюсь, вам ясно?

— Да, как будто ясно.

— Во всяком случае, мы можем принять это за рабочую гипотезу. Предположим затем, что в обоих случаях там горело некое вещество, отравившее атмосферу. Превосходно. В первом случае с семьей Тридженнисов это вещество было брошено в камин. Окно было закрыто, но ядовитые пары, естественно, уходили в дымоход. Поэтому действие оказалось слабее, чем во втором случае, когда у них не было выхода. Это видно по результатам: в первом случае умерла только женщина, как более уязвимое существо, а у мужчин временно или безнадежно помрачился рассудок, что, очевидно, является первой стадией отравления. Во втором случае результат достигнут полностью. Таким образом, факты подтверждают теорию об отравлении при сгорании некоего вещества.

Исходя из этого, я, разумеется, рассчитывал найти в комнате Мортимера Тридженниса остатки этого вещества. По всей видимости, их надо было искать на ламповом абажуре. Как я и предполагал, там оказались хлопья сажи, а по краям — кайма коричневого порошка, который не успел сгореть. Если вы помните, половину этого порошка я соскоблил и положил в конверт.

— Почему только половину, Холмс?

— Становиться на пути полиции не в моих правилах, Уотсон. Я оставил им все улики. Найдут они что-нибудь на абажуре или нет — это уже вопрос их сообразительности. А теперь, Уотсон, зажжем нашу лампу; однако, чтобы не допустить преждевременной гибели двух достойных членов общества, откроем окно. Садитесь около него в это кресло... если, конечно, как здравомыслящий человек, вы не отказываетесь принять участие в опыте. О, я вижу, вы решили не отступить! Не зря я всегда верил в вас, дорогой Уотсон! Сам я сяду напротив, лицом к вам, и мы окажемся на равном расстоянии от лампы. Дверь оставим полуоткрытой. Теперь мы сможем наблюдать друг за другом, и, если симптомы окажутся угрожающими, опыт нужно немедленно прекратить. Ясно? Итак, я вынимаю из конверта порошок, или, вернее, то, что от него осталось, и кладу его на горящую лампу. Готово! Теперь, Уотсон, садитесь и ждите.

Ждать пришлось недолго. Едва я уселся, как почувствовал тяжелый, приторный, тошнотворный запах. После первого же вдоха разум мой помутился, и я потерял власть над собой. Перед глазами закружилось густое черное облако, и я внезапно почувствовал, что в нем таится все самое ужасное, чудовищное, злое, что только есть на свете, и эта незримая сила готова поразить меня насмерть. Кружась и колыхаясь в этом черном тумане, смутные призраки грозно возвещали неизбежное появление какого-то страшного существа, и от одной мысли о нем у меня разрывалось сердце. Я похолодел от ужаса. Волосы у меня поднялись дыбом, глаза выкатились, рот широко открылся, а язык стал как ватный. В голове так шумело, что казалось, мой мозг не выдержит и разлетится вдребезги. Я попытался крикнуть, но, услышав хриплое карканье откуда-то издалека, с трудом сообразил, что это мой собственный голос. В ту же секунду отчаянным усилием я прорвал зловещую пелену и увидел перед собой белую маску, искривленную гримасой ужаса... Это выражение я видел так недавно на лицах умерших... Теперь я видел его на лице Холмса. И тут наступило минутное просветление. Я вскочил с кресла, обхватил Холмса и, шатаясь, потащил его к выходу, потом мы лежали на траве, чувствуя, как яркие солнечные лучи рассеивают ужас, сковавший нас. Он медленно исчезал из

наших душ, подобно утреннему туману, пока к нам окончательно не вернулся рассудок, а с ним и душевный покой. Мы сидели на траве, отирая холодный пот, и с тревогой подмечали на лицах друг друга последние следы нашего опасного эксперимента.



— Честное слово, Уотсон, я в неоплатном долгу перед вами, — сказал наконец Холмс нетвердым голосом, — примите мои извинения. Непростительно было затевать такой опыт, и вдвойне непростительно вмешивать в него друга. Поверьте, я искренне жалею об этом.

— Вы же знаете; — отвечал я, тронутый небывалой сердечностью Холмса, — что помогать вам — величайшая радость и честь для меня.

Тут он снова заговорил своим обычным, полуплутистым-полускептическим тоном:

— Все-таки, дорогой Уотсон, излишне было подвергать себя такой опасности. Конечно, сторонний наблюдатель решил бы, что мы свихнулись еще до проведения этого безрассудного опыта. Признаться, я никак не ожидал, что действие окажется таким внезапным и сильным. — Бросившись в дом, он вынес в вытянутой руке горящую лампу и зашвырнул ее в заросли ежевики. — Пусть комната немного проветрится. Ну, Уотсон, теперь, надеюсь, у вас нет никаких сомнений в том, как произошли обе эти трагедии?

— Ни малейших!

— Однако причина так же непонятна, как и раньше. Пойдемте в беседку и там все обсудим. У меня до сих пор в горле першит от этой гадости. Итак, все факты указывают на то, что преступником в первом случае был Мортимер Тридженнис, хотя во втором он же оказался жертвой. Прежде всего нельзя забывать, что в семье произошла ссора, а потом примирение. Неизвестно, насколько серьезна была ссора и насколько искренне примирение. И все-таки этот Мортимер Тридженнис, с его лисьей мордочкой и хитрыми глазками, поблескивающими из-под очков, кажется мне человеком довольно-таки злопамятным. Помните ли вы, наконец, что именно он сообщил нам о чьем-то присутствии в саду — сведение, которое временно отвлекло наше внимание от истинной причины трагедии? Ему зачем-то нужно было навести нас на ложный след. И если не он бросил порошок в камин, выходя из комнаты, то кто же еще? Ведь все произошло сразу после его ухода. Если бы появился новый гость, семья, конечно, поднялась бы ему навстречу. Но разве в мирном Корнуэлле гости приходят после десяти часов вечера? Итак, все факты свидетельствуют, что преступником был Мортимер Тридженнис.

— Значит, он покончил с собой!

— Да, Уотсон, такой вывод как будто напрашивается. Человека с виной на душе, погубившего

собственную семью, раскаяние могло бы привести к самоубийству. Однако имеются веские доказательства противного. К счастью, в Англии есть человек, который в курсе дела, и я позаботился о том, чтобы мы все узнали из его собственных уст, сегодня же. А! Вот и он! Сюда, сюда, по этой дорожке, мистер Стерндейл! Мы проводили в доме химический опыт, и теперь наша комната не годится для приема такого выдающегося гостя!

Я услышал стук садовой калитки, и на дорожке показалась величественная фигура знаменитого исследователя Африки. Он с некоторым удивлением направился к беседке, где мы сидели.

— Вы посылали за мной, мистер Холмс? Я получил вашу записку около часу назад и пришел, хотя мне совершенно непонятно, почему я должен исполнять ваши требования.

— Я надеюсь, вам все станет ясно в ходе нашей беседы, — сказал Холмс. — А пока я очень признателен вам за то, что вы пришли. Простите нам этот прием в беседке, но мы с моим другом Уотсоном чуть было не добавили новую главу к «Корнуэльскому ужасу», как называют это событие в газетах, и потому предпочитаем теперь свежий воздух. Может быть, это даже лучше, потому что мы сможем разговаривать, не боясь чужих ушей, тем более что это дело имеет к вам самое прямое отношение.

Путешественник вынул изо рта сигару и сурово воззрился на моего друга.

— Решительно не понимаю, сэр, — сказал он, — что вы подразумеваете, говоря, что это имеет самое прямое отношение ко мне.

— Убийство Мортимера Тридженниса, — ответил Холмс.



В эту секунду я пожалел, что не вооружен. Лицо Стерндейла побагровело от ярости, глаза за сверкали, вены на лбу вспухли, как веревки, и, стиснув кулаки, он рванулся к моему другу. Но тотчас остановился и сверхъестественным усилием снова обрел ледяное спокойствие, в котором, быть может, таилось больше опасности, чем в прежнем необузданном порыве.

— Я так долго жил среди дикарей, вне закона, — проговорил он, — что сам устанавливаю для себя законы. Не забывайте об этом, мистер Холмс, я не хотел искалечить вас.

— Да и я не хотел повредить вам, доктор Стерндейл. Простейшим доказательством может служить то, что я послал за вами, а не за полицией.

Стерндейл сел, тяжело дыша; возможно, впервые за всю богатую приключениями жизнь его

сразил благоговейный страх. Невозможно было устоять перед несокрушимым спокойствием Холмса. Наш гость немного помедлил, сжимая и разжимая огромные кулаки.

— Что вы имеете в виду? — спросил он наконец. — Если это шантаж, мистер Холмс, то вы не на того напали. Итак, ближе к делу. Что вы имеете в виду?

— Сейчас я скажу вам, — ответил Холмс, — я скажу потому, что надеюсь, на откровенность вы ответите откровенностью. Что будет дальше, зависит исключительно от того, как вы сами будете оправдываться.

— Я буду оправдываться?

— Да, сэр.

— В чем же?

— В убийстве Мортимера Тридженниса.

Стерндейл утер лоб платком.

— Час от часу не легче! — возмутился он. — Неужели вся ваша слава держится на таком искусном шантаже?

— Это вы занимаетесь шантажом, а не я, доктор Стерндейл, — ответил Холмс сурово. — Вот факты, на которых основаны мои выводы. Ваше возвращение из Плимута в то время, как ваши вещи отправились в Африку, в первую очередь натолкнуло меня на мысль, что на вас следует обратить особое внимание...

— Я вернулся, чтобы...

— Я слышал ваши объяснения и нахожу их неубедительными. Оставим это. Потом вы пришли узнать, кого я подозреваю. Я не ответил вам. Тогда вы пошли к дому священника, подождали там, не входя внутрь, а потом вернулись к себе.

— Откуда вы знаете?

— Я следил за вами.

— Я никого не видел.

— Я на это и рассчитывал. Ночью вы не спали, обдумывая план, который решили выполнить ранним утром. Едва стало светать, вы вышли из дому, взяли несколько пригоршней красноватых камешков из кучи гравия у ваших ворот и положили в карман.

Стерндейл вздрогнул и с изумлением взглянул на Холмса.

— Потом вы быстро пошли к дому священника. Кстати, на вас были те же теннисные туфли с рифленой подошвой, что и сейчас. Там вы прошли через сад, перелезли через ограду и оказались прямо под окнами Тридженниса. Было уже совсем светло, но в доме еще спали. Вы вынули из кармана несколько камешков и бросили их в окно второго этажа.

Стерндейл вскочил.

— Да вы сам дьявол! — воскликнул он.

Холмс улыбнулся.

— Две-три пригоршни — и Тридженнис подошел к окну. Вы знаком предложили ему спуститься. Он торопливо оделся и сошел в гостиную. Вы влезли туда через окно. Произошел короткий разговор, вы в это время ходили взад-вперед по комнате. Потом вылезли из окна и прикрыли его за собой, а сами стояли на лужайке, курили сигару и наблюдали за тем, что происходит в гостиной. Когда Мортимер Тридженнис умер, вы ушли тем же путем. Ну, доктор Стерндейл, чем вы объясните ваше поведение и какова причина ваших поступков? Не вздумайте уваливать от ответа или хитрить со мной, ибо, предупреждаю, этим делом тогда займутся другие.

Еще во время обвинительной речи Холмса лицо нашего гостя стало пепельно-серым. Теперь он закрыл лицо руками и погрузился в тяжкое раздумье. Потом внезапно вынул из внутреннего кармана фотографию и бросил ее на неструганый стол.

— Вот почему я это сделал, — сказал он.

Это был портрет очень красивой женщины. Холмс взгляделся в него.

— Брэнда Тридженнис, — сказал он.

— Да, Брэнда Тридженнис, — отозвался наш гость. — Долгие годы я любил ее. Долгие годы она любила меня. Поэтому нечего удивляться тому, что мне нравилось жить затворником в Корнуэлле. Только здесь я был вблизи единственного дорогого мне существа. Я не мог жениться на

ней, потому что я женат: жена оставила меня много лет назад, но нелепые английские законы не дают мне развестись с ней. Годы ждала Брэнда. Годы ждал я. И вот чего мы дождались! — Гигантское тело Стерндейла содрогнулось, и он судорожно схватился рукой за горло, чтобы унять рыдания. С трудом овладев собой, он продолжал: — Священник знал об этом. Мы доверили ему нашу тайну. Он может рассказать вам, каким она была ангелом. Вот почему он телеграфировал мне в Плимут, и я вернулся. Неужели я мог думать о багаже, об Африке, когда узнал, какая судьба постигла мою любимую! Вот и разгадка моего поведения, мистер Холмс.

— Продолжайте, — сказал мой друг.

Доктор Стерндейл вынул из кармана бумажный пакетик и положил его на стол. Мы прочли на нем: «*Radix pedis diaboli*», на красном ярлыке было написано: «Яд». Он подтолкнул пакетик ко мне.

— Я слышал, вы врач. Знаете вы такое вещество?

— Корень дьявольской ноги? Первый раз слышу.

— Это несколько не умаляет ваших профессиональных знаний, — заметил он, — ибо это единственный образчик в Европе, не считая того, что хранится в лаборатории в Буде. Он пока неизвестен ни в фармакопее, ни в литературе по токсикологии. Формой корень напоминает ногу — не то человеческую, не то козлиную, вот почему миссионер-ботаник и дал ему такое причудливое название. В некоторых районах Западной Африки колдуны пользуются им для своих целей. Этот образец я добыл при самых необычайных обстоятельствах в Убанге. — С этими словами он развернул пакетик, и мы увидели кучку красно-бурого порошка, похожего на нюхательный табак.

— Дальше, сэр, — строго сказал Холмс.

— Я уже почти закончил, мистер Холмс, и сами вы знаете так много, что в моих же интересах сообщить вам все до конца. Я упоминал уже о своем родстве с семьей Тридженнисов. Ради сестры я поддерживал дружбу с братьями. После ссоры из-за денег этот Мортимер поселился отдельно от них, но потом все как будто уладилось, и я встречался с ним так же, как с остальными. Он был хитрым, лицемерным интриганом, и по различным причинам я не доверял ему, но у меня не было повода для ссоры.

Как-то, недели две назад, он зашел посмотреть мои африканские редкости. Когда дело дошло до этого порошка, я рассказал ему о его странных свойствах, о том, как он возбуждает нервные центры, контролирующие чувство страха, и как несчастные туземцы, которым жрец племени предназначает это испытание, либо умирают, либо сходят с ума. Я упомянул, что европейская наука бессильна обнаружить действие порошка. Не могу понять, когда он взял его, потому что я не выходил из комнаты, но надо думать, это произошло, пока я отпирал шкафы и рылся в ящиках. Хорошо помню, что он забросал меня вопросами о том, сколько нужно этого порошка и как скоро он действует, но мне и в голову не приходило, какую цель он преследует.

Я понял это только тогда, когда в Плимуте меня догнала телеграмма священника. Этот негодяй Тридженнис рассчитывал, что я уже буду в море, ничего не узнаю и проведу в дебрях Африки долгие годы. Но я немедленно вернулся. Как только я услышал подробности, я понял, что он воспользовался моим ядом. Тогда я пришел к вам узнать, нет ли другого объяснения. Но другого быть не могло. Я был убежден, что убийца — Мортимер Тридженнис: он знал, что цели члены его семьи помешаются, он сможет полновластно распоряжаться их общей собственностью. Поэтому ради денег он воспользовался порошком из корня дьявольской ноги, лишил рассудка братьев и убил Брэнду — единственную, кого я любил, единственную, которая любила меня. Вот в чем было его преступление. Каким же должно было быть возмездие?

Обратиться в суд? Какие у меня доказательства? Конечно, факты неоспоримы, но поверят ли здешние присяжные такой фантастической истории? Либо да, либо нет. А я не мог рисковать. Душа моя жаждала мести. Я уже говорил вам, мистер Холмс, что провел почти всю жизнь вне закона и в конце концов сам стал устанавливать для себя законы. Сейчас был как раз такой случай. Я твердо решил, что Мортимер должен разделить судьбу своих родных. Если бы это не удалось, я расправился бы с ним собственноручно. Во всей Англии нет человека, который ценил бы свою жизнь меньше, чем я.

Теперь вы знаете все. Действительно, после бессонной ночи я вышел из дому. Предполагая, что разбудить Мортимера будет нелегко, я набрал камешков из кучи гравия, о которой вы упоминали,

и бросил в его окно. Он сошел вниз и впустил меня в гостиную через окно. Я обвинил его в преступлении. Я сказал, что перед ним его судья и палач. Увидев револьвер, негодяй рухнул в кресло как подкошенный. Я зажег лампу, насыпал на абажур яда и, выйдя из комнаты, стал у окна. Я пристрелил бы его, если бы он попытался бежать. Через пять минут он умер. Господи, как он мучился! Но сердце мое окаменело, потому что он не пощадил мою невинную Брэнду! Вот и все, мистер Холмс. Если бы вы любили, может быть, вы сами поступили бы так же. Как бы то ни было, я в ваших руках. Делайте все, что сочтете нужным. Я уже сказал, что жизнь свою ни во что не ставлю.

Холмс помолчал.

— Что вы думали делать дальше? — спросил он после паузы.

— Я хотел навсегда остаться в Центральной Африке. Моя работа доведена только до половины.

— Поезжайте и заканчивайте, — сказал Холмс. — Я, во всяком случае, не собираюсь мешать вам.

Доктор Стерндейл поднялся во весь свой огромный рост, торжественно поклонился нам и вышел из беседки. Холмс закурил трубку и протянул мне кiset.

— Надеюсь, этот дым покажется вам более приятным, — сказал он. — Согласны ли вы, Уотсон, что нам не следует вмешиваться в это дело? Мы вели розыски частным образом и дальше можем действовать точно так же. Вы ведь не обвиняете этого человека?

— Конечно, нет, — ответил я.

— Я никогда не любил, Уотсон, но если бы мою любимую постигла такая судьба, возможно, я поступил бы так же, как наш охотник на львов, презирующий законы. Кто знает... Ну, Уотсон, не хочу обижать вас и объяснять то, что и без того ясно. Отправным пунктом моего расследования, конечно, оказался гравий на подоконнике. В саду священника такого не было. Только заинтересовавшись доктором Стерндейлом и его домом, я обнаружил, откуда взяты камешки. Горящая среди бела дня лампа и остатки порошка на абажуре были звеньями совершенно ясной цепи. А теперь, дорогой Уотсон, давайте выбросим из головы это происшествие и с чистой совестью вернемся к изучению халдейских корней, которые, несомненно, можно проследить в корнуэльской ветви великого кельтского языка.¹⁹

Arthur Conan Doyle

Его прощальный поклон

Было девять часов вечера второго августа — самого страшного августа во всей истории человечества. Казалось, на землю, погрязшую в скверне, уже обрушилось Божье проклятие — царило пугающее затишье, и душный, неподвижный воздух был полон томительного ожидания. Солнце давно село, но далеко на западе, у самого горизонта, рдело, словно разверстая рана, кроваво-красное пятно. Вверху ярко сверкали звезды, внизу поблескивали в бухте корабельные огни. На садовой дорожке у каменной ограды беседовали два немца — личности примечательные: за их спиной стоял дом, длинный, приземистый, со множеством фронтонов во все стороны. Немцы смотрели на широкую гладь берега у подножия величественного мелового утеса, на который четыре года назад опустился, как перелетный орел, Господин фон Борк, один из собеседников. Они говорили вполголоса, тесно сблизив головы. Горящие кончики их сигар снизу можно было принять за огненные глаза выглядывающего из тьмы злого демона, исчадия ада.

Незаурядная особа этот фон Борк. Среди всех преданных кайзеру агентов второго такого не

¹⁹ **The Adventure of the Devil's Foot**

First published in the Strand Magazine, Dec. 1910, with 7 illustrations by Gilbert Halliday, and in the American edition of Strand Magazine in Jan...Feb. 1911 with 8 illustrations by Gilbert Halliday (one additional illustration was required due the two-part publication).

сыщешь. Именно благодаря его редким талантам ему доверили «английскую миссию», самую ответственную, и начиная с момента, когда он приступил к ее выполнению, таланты эти раскрывались все ярче, чему свидетелями было человек пять посвященных. Одним из этой пятерки был стоявший сейчас рядом с ним барон фон Херлинг, первый секретарь посольства; его громадный, в сто лошадиных сил, «бенц» загородил собой деревенский проулок в ожидании, когда надо будет умчаться хозяина обратно в Лондон.

— Судя по тому, как разворачиваются события, к концу недели вы, вероятно, уже будете в Берлине, — сказал секретарь.

— Прием, который вам там готовят, дорогой мой фон Борк, поразит вас. Мне известно, как высоко расценивают в высоких сферах вашу деятельность в этой стране.

Секретарь был солидный, серьезный мужчина, рослый, широкоплечий, говорил размеренно и веско, что и послужило ему главным козырем в его дипломатической карьере.

Фон Борк рассмеялся.

— Их не так уж трудно провести, — заметил он. — Невозможно вообразить людей более покладистых и простодушных.

— Не знаю, не знаю, — проговорил его собеседник задумчиво. — В них есть черта, за которую не переступишь, и это надо помнить. Именно внешнее простодушие и является ловушкой для иностранца. Первое впечатление всегда такое — на редкость мягкие люди, и вдруг натыкаешься на что-то очень твердое, решительное. И видишь, что это предел, дальше проникнуть невозможно. Нельзя не учитывать этот факт, к нему надо приноравливаться. Например, у них есть свои, только им присущие условности, с которыми просто необходимо считаться.

— Вы имеете в виду «хороший тон» и тому подобное?

Фон Борк вздохнул, как человек, много от того пострадавший.

— Я имею в виду типичные британские условности во всех их своеобразных формах. Для примера могу рассказать историю, происшедшую со мной, когда я совершил ужасный ляпсус. Я могу позволить себе говорить о своих промахах, вы достаточно хорошо осведомлены о моей работе и знаете, насколько она успешна. Случилось это в первый мой приезд сюда. Я был приглашен на «уикенд» в загородный дом члена кабинета министров. Разговоры велись крайне неосторожные.

Фон Борк кивнул.

— Я бывал там, — сказал он сухо.

— Разумеется. Так вот, я, естественно, послал резюме своих наблюдений в Берлин. К несчастью, наш милейший канцер не всегда достаточно тактичен в делах подобного рода. Он обронил замечание, показавшее, что ему известно, о чем именно шли разговоры. Проследить источник информации было, конечно, нетрудно. Вы даже представить себе не можете, как это мне навредило. Куда вдруг девалась мягкость наших английских хозяев! Ее как не бывало. Понадобилось два года, чтобы все улеглось. Вот вы, разыгрывая из себя спортсмена...

— Нет, нет, это совсем не так. Игра — значит что-то нарочитое, искусственное. А у меня все вполне естественно, я прирожденный спортсмен. Я обожаю спорт.

— Ну что ж, оттого ваша деятельность только эффективнее. Вместе с ними вы участвуете в парусных гонках, охотитесь, играете в поло — не отстаете ни в чем. Ваш выезд четверкой берет призы в Олимпии²⁰. Я слышал, что вы даже занимаетесь боксом вместе с молодыми английскими офицерами. И в результате? В результате никто не принимает вас всерьез. Кто вы? «Славный малый», «для немца человек вполне приличный», выпивоха, завсегдатай ночных клубов — веселый, беспечный молодой бездельник. Кому придет в голову, что ваш тихий загородный дом — центр, откуда исходит половина всех бед английского королевства, и что помещик-спортсмен — опытный агент, самый ловкий и умелый во всей Европе? Вы гений, дорогой мой фон Борк, гений!

— Вы мне льстите, барон. Но я действительно могу сказать о себе, что провел четыре года в этой стране не зря. Я никогда не показывал вам мой маленький тайник? Быть может, зайдем на минутку в дом?

Кабинет выходил прямо на террасу. Фон Борк толкнул дверь и, пройдя вперед, щелкнул элек-

²⁰ Огромный (площадью около 3 га) павильон в Лондоне, где устраиваются выставки, спортивные состязания и пр.

трическим выключателем. Потом прикрыл дверь за двигающейся следом массивной фигурой фон Херлинга и тщательно задернул тяжелую оконную штору. Лишь приняв все меры предосторожности, он повернул к гостю свое загорелое, с острыми чертами лицо.

— Часть моих бумаг уже переправлена, — сказал он. — Наименее важные взяла с собой жена, вчера она вместе со всеми домочадцами отбыла в Флиссинген. Рассчитываю, что охрану остального возьмет на себя посольство.

— Ваше имя уже включено в список личного состава. Все пройдет гладко, никаких затруднений ни в отношении вас, ни вашего багажа. Конечно, как знать, быть может, нами не понадобится уезжать, если Англия предоставит Францию ее собственной участи. Нам достоверно известно, что никакого взаимообязывающего договора между ними нет.

— Ну, а Бельгия?

— И в отношении Бельгии то же самое.

Фон Борк покачал головой.

— Едва ли. Ведь с ней договор, безусловно, существует. Нет, от такого позора Англия тогда вовек не оправится.

— По крайней мере у нее будет временная передышка.

— Но честь страны...

— Э, дорогой мой, мы живем в век утилитаризма. Честь — понятие средневековое. Кроме того, Англия не готова. Это просто уму не постижимо, но даже наше специальное военное налогообложение в пятьдесят миллионов, цель которого уж кажется так ясна, как если бы мы поместили о том объявление на первой странице «Таймса», не пробудило этих людей от спячки. Время от времени кто-нибудь задает вопрос. На мне лежит обязанность отвечать на такие вопросы. Время от времени вспыхивает недовольство. Я должен успокаивать, разъяснять. Но что касается самого главного — запасов снаряжения, мер против нападения подводных лодок, производства взрывчатых веществ, — ничего нет, ничего не готово. Как же Англия сможет войти в игру, особенно теперь, когда мы заварили такую адскую кашу из гражданской войны в Ирландии, фурий, разбивающих окна²¹, и еще Бог знает чего, чтобы ее мысли были полностью заняты внутренними делами?

— Ей надлежит подумать о своем будущем.

— А, это дело другое. Я полагаю, у нас есть наши собственные, очень определенные планы относительно будущего Англии — ваша информация будет нам тогда крайне необходима. Мистер Джон Буль может выбирать — либо сегодня, либо завтра. Желает, чтобы это было сегодня — мы к тому готовы. Предпочитает завтрашний день — тем более будем готовы. На мой взгляд, с их стороны благоразумнее сражаться с союзниками, чем в одиночку; но уж это их дело. Эта неделя должна решить судьбу Англии. Но вы говорили о вашем тайнике.

Барон уселся в кресло. Лучи света падали прямо на его широкую лысую макушку. Он невозмутимо попыхивал сигарой.

В дальнем конце просторной комнаты, обшитой дубовой панелью и уставленной рядами книжных полок, висела занавесь. Фон Борк ее отдернул, и фон Херлинг увидел внушительных размеров сейф, окованный медью. Фон Борк снял с часовой цепочки небольшой ключ и после долгих манипуляций над замком распахнул тяжелую дверцу.

— Прошу, — сказал он, жестом приглашая гостя и сам отступая в сторону.

Свет бил в открытый сейф, и секретарь посольства с живейшим любопытством разглядывал его многочисленные отделения. На каждом была табличка — водя по ним взглядом, фон Херлинг читал «Броды», «Охрана портов», «Аэропланы», «Ирландия», «Египет», «Укрепления Портсмута», «Ламанш», «Розайт»²² и десятки других. Все отделения были набиты документами, чертежами и планами.

— Грандиозно! — сказал секретарь. Отложив сигару, он не громко похлопал мясистыми ладонями.

²¹ Имеется в виду движение суфражисток.

²² Английская военно-морская база в Шотландии.

— И всего за четыре года, барон. Не так уж плохо для помещика, выпивохи и охотника. Но бриллианта, который должен увенчать мою коллекцию, здесь еще нет — скоро он прибудет, и ему уже приготовлена оправа.

Фон Борк указал на отделение с надписью «Военно-морская сигнализация».

— Но ведь у вас тут уже достаточно солидное досье...

— Устарело, пустые бумажки. Адмиралтейство каким-то образом проведало, забило тревогу, и все коды были изменены. Да, вот это был удар! Никогда еще не получал я такого афронта. Но помощью моей чековой книжки и молодчины Олтемонта сегодня же вечером все будет улажено.

Барон глянул на свои часы — у него вырвалось гортанное восклицание, выразившее досаду.

— Нет, право, больше ждать не могу. Вы представляете себе как сейчас все кипит на Карлтон-Террас²³, — каждый из нас должен быть на своем посту. Я надеялся привезти новости о вашем последнем улове. Разве ваш Олтемонт не назначил точно часа, когда придет? Фон Борк пододвинул ему телеграмму:

«Буду непременно. Вечером привезу новые запальные свечи.

Олтемонт».

— Запальные свечи?

— Видите ли, он выдает себя за механика, а у меня тут целый гараж. В нашем с ним коде все обозначено терминами автомобильных деталей. Пишет о радиаторе — имеется в виду линейный корабль, а насос для масла — это крейсер. Запальные свечи — значит военно-морская сигнализация.

— Отослано из Портсмута в полдень, — сказал секретарь, взглянув на телеграмму.

— Между прочим, сколько вы ему платите?

— Пятьсот фунтов дам только за это поручение. И еще, конечно, плачу регулярное жалованье.

— Недурно загребает. Они полезны, эти изменники родины, но как-то обидно столько платить за предательство.

— На Олтемонта мне денег не жалко. Отлично работает. Пусть я плачу ему много, зато он поставляет «настоящий товар», по его собственному выражению. Кроме того, он вовсе не изменник. Уверяю вас, что касается отношения к Англии, то наш самый прогерманский юнкер — нежный голубок по сравнению с озлобленным американским ирландцем.

— Вот как! Он американский ирландец?

— Послушали бы, как он говорит, у вас не осталось бы на этот счет сомнений. Поверите ли, иной раз я с трудом его понимаю. Он словно бы объявил войну не только Англии, но и английскому языку. Вы в самом деле больше не можете ждать? Он должен быть с минуты на минуту.

— Нет. Очень сожалею, но я и так задержался. Ждем вас завтра рано утром. Если вам удастся пронести папку с сигнальными кодами под самым носом у герцога Йоркского²⁴, можете считать это блистательным финалом всей вашей английской эпопеи. Ого! Токайское! Он кивнул на тщательно закупоренную, покрытую пылью бутылку, стоявшую на подносе вместе с двумя бокалами.

— Позвольте предложить вам бокал на дорогу?

— Нет, благодарю. А у вас, по-видимому, готовится кутеж?

— Олтемонт — тонкий знаток вин, мое токайское пришлось ему по вкусу. Он очень самолюбив, легко обижается, приходится его задабривать. Да, с ним не так-то просто, смею вас уверить.

Они снова вышли на террасу и направились в дальний ее конец, — и тотчас огромная машина барона, стоявшая в той стороне, задрожала и загудела от легкого прикосновения шофера.

— Вон то, вероятно, огни Хариджа, — сказал секретарь, натягивая дорожный плащ. — Как все выглядит спокойно, мирно. Через какую-нибудь неделю здесь загорятся другие огни, английский берег утратит свой идиллический вид. Да и небеса тоже, если наш славный Цеппелин сдержит свои обещания. А это кто там?

²³ Дом № 9 по Карлтон-Террас — здание немецкого посольства.

²⁴ Памятник герцогу Йоркскому (брату Георга IV) находится рядом со зданием немецкого посольства.

В доме свет горел только в одном окне — там за столом, на котором стояла лампа, сидела симпатичная румяная старушка в деревенском чепце. Она склонилась над вязаньем и время от времени прерывала работу, чтобы погладить большого черного кота, примостившегося на табурете возле нее.

— Марта, служанка. Только ее одну я поставил при доме.

Секретарь издал смешок.

— Она кажется олицетворением Британии — погружена в себя и благодушно дремлет. Ну, фон Борк, *au revoir*.

Махнув на прощание рукой, он вскочил в машину, и два золотых конуса от фар тут же рванулись вперед в темноту. Секретарь откинулся на подушки роскошного лимузина и настолько погрузился в мысли о назревающей европейской трагедии, что не заметил, как его машина, сворачивая на деревенскую улицу, чуть не сбила маленький «фордик», двигавшийся навстречу.

Когда последнее мерцание фар лимузина угасло вдаль, фон Борк медленно направился обратно к себе в кабинет. Проходя по саду, он заметил, что служанка потушила лампу и пошла спать. Молчание и тьма, заполнившие просторный дом, были для фон Борка непривычными — семья его со всеми чадами и домочадцами была большая. Он с облегчением подумал, что все они в безопасности, и если не считать старухи служанки, оставленной хозяйничать на кухне, во всем доме он теперь один. Перед отъездом предстояло еще многое привести в порядок, кое-что ликвидировать. Он принялся за дело и работал до тех пор, пока его красивое, энергичное лицо не покраснело от пламени горящих бумаг. Возле стола на полу стоял кожаный чемодан — фон Борк начал аккуратно, методически укладывать в него драгоценное содержимое сейфа. Но тут его тонкий слух уловил шум движущегося вдаль автомобиля. Он издал довольное восклицание, затянул на чемодане ремни, закрыл сейф и поспешно вышел на террасу. Как раз в эту минуту у калитки, сверкнув фарами, остановился маленький автомобиль. Из него выскочил высокий человек и быстро зашагал навстречу барону; шофер, плотный пожилой мужчина с седыми усами, уселся на своем сиденье поудобнее, как видно, готовясь к долгому ожиданию.

— Ну как? — спросил фон Борк с живостью, кидаясь бегом к приезжему.

Вместо ответа тот с торжествующим видом помахал у себя над головой небольшим свертком.

— Да, мистер, сегодня вы останетесь довольны! — крикнул приезжий. — Дело выгорело.

— Сигналы?

— Ну да, как я и писал в телеграмме. Все до единого — ручная сигнализация, сигналы лампой, маркони — само собой, копии, не оригиналы: было бы уж очень опасно. Но товар стоящий, можете положиться.

Он с грубой фамильярностью хлопнул немца по плечу. Тот нахмурился.

— Входите, я дома один, — сказал он. — Копии, безусловно, лучше, чем оригиналы. Если бы исчезли оригиналы, тотчас все коды заменили бы новыми. А как с этими копиями, полагаете, все в порядке?

Войдя в кабинет, американский ирландец уселся в кресло и вытянул вперед длинные ноги. Ему можно было дать лет шестьдесят — очень высокий, сухопарый, черты лица острые, четкие; небольшая козлиная бородка придавала ему сходство с дядей Сэмом, каким его изображают на карикатурах. Из уголка рта у него свисала наполовину выкуренная, потухшая сигара; едва усевшись, он тотчас ее разжег.

— Собираетесь давать ходу? — заметил он, осматриваясь. Взгляд его упал на сейф, уже не прикрытый занавесью. — Послушайте-ка, мистер, неужто вы храните в нем все ваши бумаги?

— Почему бы нет?

— Шут возьми — в таком-то ящике? А еще считаетесь шпионом высшего класса. Да любой воришка-янки вскрыет его консервным ножом. Знай я, что мои письма брошены в такой вот сундук, я бы не сваял дурака, не стал бы вам писать.

— Ни одному воришке с этим сейфом не справиться, — ответил фон Борк. — Металл, из которого он сделан, не разрежешь никаким инструментом.

— Ну, а замок-то?

— Замок особый, с двойной комбинацией, понимаете?

— Ни черта не понимаю.

— Чтобы открыть такой замок, требуется знать определенное слово и определенное число. — Фон Борк поднялся и показал на двойной диск вокруг замочной скважины. — Внешний круг для букв, внутренний — для цифр.

— Здорово, здорово!

— Не так-то просто, как вы думали. Я заказал его четыре года назад, и, знаете, какие я выбрал слово и число?

— Понятия не имею.

— Так вот, слушайте: слово — «август», а число — 1914, поняли?

Лицо американца выразило восхищение.

— Вот это ловко, ей-Богу! То есть в самый раз угадали! — воскликнул он удивленно.

— Да, кое-кто из нас мог уже тогда предвидеть точную дату. Ну вот, теперь время пришло, и завтра утром я свертываю все дела.

— Послушайте, мистер, вы и меня должны отсюда вытащить. Я в этой растреклятой стране один не останусь. Видать, через неделю, а то и раньше Джон Буль встанет на задние лапы и начнет бушевать. Я предпочитаю поглядывать на него с бережка по ту сторону океана.

— Но ведь вы американский гражданин!

— Ну и что же? Джек Джеймс тоже американский гражданин, а вот теперь отсиживает свой срок в Портленде. Английский фараон не станет с вами целоваться, если заявить ему, что вы американец. «Здесь у нас свои законы, британские» — вот что он скажет. Да, мистер, кстати уж, раз мы помянули Джека Джеймса. Сдается мне, вы не очень бережете людей, которые на вас работают.

— Что вы хотите сказать? — спросил фон Борк резко.

— Ведь вы их как бы хозяин, верно? И вам полагается следить, чтобы они не влипли. А они то и дело влипают, и хоть одного из них вы выручили? Взять того же Джеймса...

— Джеймс сам виноват, вы это отлично знаете. Он был слишком недисциплинирован для такого дела.

— Джеймс — тупая башка, согласен. Ну, а Холлис?

— Холлис вел себя как ненормальный.

— Да, под конец он малость спятил. Спятишь, когда с утра до вечера разыгрываешь, как в театре, а вокруг согни полицейских ищек — так и жди, что сцапают. Ну, а если говорить о Стейнере...

Фон Борк сильно вздрогнул, его румяное лицо чуть побледнело.

— Что такое со Стейнером?

— А как же? Ведь его тоже схватили. Вчера ночью сделали налет на его лавку, и он сам и все его бумаги теперь в Портсмутской тюрьме. Вы-то удерете, а ему, бедняге, придется расхлебывать кашу, и хорошо еще, если не вздернут. Вот потому-то я и хочу не мешкая перебраться за океан.

Фон Борк был человеком сильного характера, с достаточной выдержкой, но было нетрудно заметить, что эти новости его потрясли.

— Как они добрались до Стейнера? — бормотал он про себя.

— Вот это действительно удар.

— Может случиться и еще кое-что похуже — того и гляди, они и меня схватят.

— Ну что вы!

— Да уж поверьте. К моей квартирной хозяйке явились какие-то типы, расспрашивали обо мне. Я, как о том услышал, пора, думаю, смыться. Но вот чего я не пойму, мистер, как это полицейские ищетки пронюхивают о таких вещах? С тех пор, как мы тут с вами договорились, Стейнер пятый по счету, кого сцапали, и я знаю, кто будет шестым, если я вовремя не дам деру. Как вы все это объясните? И не совестно вам предавать своих?

Фон Борк побагровел от гнева.

— Как вы смеее так со мной разговаривать?

— Не было бы у меня смелости, мистер, не пошел бы я к вам на такую работу. Но я вам вкладываю все начистоту. Я слыхал, что, как только агент сослужит свою службу, вы, немецкие политики, даже рады бываете, если его уберут.

Фон Борк вскочил с кресла.

— Вы имеете наглость заявлять мне, что я выдаю собственных агентов?

— Этого я не говорил, мистер, но где-то тут завелся доносчик или кто-то работает и нашим и вашим. И вам надлежало бы раскопать, кто же это такой. Я-то, во всяком случае, больше шею подставлять не буду. Перекиньте меня в Голландию, и чем скорее, тем оно лучше.

Фон Борк подавил свой гнев.

— Мы слишком долго работали сообща, чтобы ссориться теперь, накануне победы, — сказал он. — Вы работали отлично, шли на большой риск, и я этого не забуду. Разумеется, поезжайте в Голландию. В Роттердаме сможете сесть на пароход до Нью-Йорка. Все другие пароходные линии через неделю будут небезопасны. Так, значит, я заберу ваш список и уложу его с остальными документами.

Американец продолжал держать пакет в руке и не выразил ни малейшего желания с ним расстаться.

— А как насчет монеты?

— Что такое?

— Насчет денег. Вознаграждение за труды. Мои пятьсот фунтов. Тот, кто все это мне сварганил, под конец было заартачился, пришлось его уламывать — дал ему еще сотню долларов. А то остались бы мы ни с чем — и вы и я. «Не пойдет дело», — говорит он мне, и вижу, не шутит. Но вторая сотня свое сделала. Так что всего на эту штуковину я выложил две сотни и уж пока не получу своего, бумаг не отдам.

Фон Борк улыбнулся не без горечи.

— Вы, кажется, не очень высокого мнения о моей порядочности, — сказал он. — Хотите, чтобы я отдал деньги до того, как получил бумаги.

— Что ж, мистер, мы люди деловые.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. — Фон Борк сел за стол, заполнил чек, вырвал листок из чековой книжки, но отдавать его не спешил. — Раз уж мы, мистер Олтемонт, перешли на такие отношения, я не вижу резона, почему мне следует доверять вам больше, чем вам мне. Вы меня понимаете? — добавил он, глянув через плечо на американца. — Я положу чек на стол. Я вправе требовать, чтобы вы дали мне сперва взглянуть на содержимое пакета и уж потом взяли чек.

Не говоря ни слова, американец передал пакет. Фон Борк развязал бечевку, развернул два слоя оберточной бумаги. Несколько мгновений он не сводил изумленного взгляда с небольшой книжки в синем переплете, на котором золотыми буквами было вытиснено «Практическое руководство по разведению пчел». Но долго рассматривать эту неуместную надпись ему не пришлось: руки крепкие, словно железные тиски, охватили сзади его шею и прижали к его лицу пропитанную хлороформом губку.



— Еще стакан, Уотсон? — сказал мистер Шерлок Холмс, протягивая бутылку с токайским.

Плотный, коренастый шофер, теперь уже сидевший за столом, заметной готовностью пододвинул свой бокал.

— Неплохое вино, Холмс.

— Превосходное, Уотсон. Наш лежащий сейчас на диване друг уверял меня, что оно из личного погреба Франца-Иосифа в Шенбруннском дворце. Могу я попросить вас открыть окно? Пары хлороформа не способствуют приятным вкусовым ощущениям.

Сейф стоял настежь, и Холмс вытаскивал оттуда досье за досье, каждое быстро просматривал и затем аккуратно укладывал в чемодан фон Борка. Немец спал на диване, хрипло дыша; руки и ноги у него были стянуты ремнями.

— Можно особенно не торопиться, Уотсон. Нам никто не помешает. Будьте добры, нажмите кнопку звонка. В доме никого нет, кроме старой Марты, — она свою роль сыграла восхитительно. Я пристроил ее здесь сразу же, как только взялся за расследование этого дела. А, Марта, вы! Вам будет приятно узнать, что все в порядке.

Почтенная старушка стояла в дверях и, улыбаясь, приседала перед Холмсом, но глянула с некоторым испугом на фигуру, распростертую на диване.

— Не волнуйтесь, Марта. С ним решительно ничего не случилось.

— Очень рада, мистер Холмс. В своем роде он был неплохим хозяином. Даже хотел, чтобы я поехала с его женой в Германию, но это не сошлось бы с вашими планами, ведь правда, сэр?

— Ну, конечно, нет. Пока вы оставались здесь, я был спокоен. Но сегодня нам пришлось подождать вашего сигнала.

— Это из-за секретаря, сэр.

— Да, я знаю. Мы встретили его машину.

— Я уж думала, он никогда и не уедет. Я знала, сэр, что это не сошлось бы с вашими планами, застать его здесь.

— Разумеется, нет. Ну, подождали с полчаса, это значения не имеет. Как только я увидел, что вы потушили лампу, я понял, что путь свободен. Завтра, Марта, можете зайти ко мне в отель «Кларидж» в Лондоне.

— Слушаю, сэр.

— Я полагаю, у вас все готово к отъезду?

— Да, сэр. Он сегодня отправил семь писем. Я списала адреса, как обычно.

— Прекрасно, Марта. Завтра я их просмотрю. Спокойной ночи. Эти вот бумаги, — продолжал он, когда старушка ушла к себе, — особо большой ценности не имеют; уж, конечно, сведения, содержащиеся в них, давно переданы в Германию. Это все оригиналы, которые не так-то легко вывезти за границу.

— Значит, пользы от них никакой?

— Я бы не сказал, Уотсон. Во всяком случае, по ним мы можем проверить, что известно и что неизвестно немецкой разведке. Надо заметить, что многие из этих документов шли через мои руки и, разумеется, решительно ничего не стоят. Мне будет отрадно наблюдать на склоне лет, как немецкий крейсер войдет в пролив Солент, руководствуясь схемой заминирования, составленной мною. Ну-ка, Уотсон, дайте на себя взглянуть. — Холмс отложил работу и взял друга за плечи. — Я вас еще не видел при свете. Ну, как обошлось с вами протекшее время? По-моему, вы все такой же жизнерадостный юнец, каким были всегда.

— Сейчас я чувствую себя на двадцать лет моложе, Холмс. Вы не можете себе представить, до чего я обрадовался, когда получил вашу телеграмму с предложением приехать за вами на машине к Харидж. И вы, Холмс, изменились очень мало. Вот только эта ужасная борода...

— Родина требует жертв, Уотсон, — сказал Холмс, дернув себя за жидкий клочок волос под подбородком. — Завтра это станет лишь тяжким воспоминанием. Остригу бороду, произведу еще кое-какие перемены во внешности и завтра снова стану самим собой у себя в «Кларидже», каким был до этого американского номера; прошу прощения, Уотсон, я, кажется, совсем разучился говорить по-английски. Я хочу сказать, каким был до того, как мне пришлось выступать в роли американца.

— Но ведь вы удалились от дел, Холмс. До нас доходили слухи, что вы живете жизнью отшельника среди ваших пчел и книг на маленькой ферме в Суссексе.

— Совершенно верно, Уотсон. И вот плоды моих досугов, *magnus opus*²⁵ этих последних лет. — Он взял со стола книжку и прочел вслух весь заголовок: «Практическое руководство по разведению пчел, а также некоторые наблюдения над отделением пчелиной матки». Я это совершил один²⁶. Взирайте на плоды ночных раздумий дней, наполненных трудами, когда я выслеживал трудолюбивых пчелок точно так, как когда-то в Лондоне выслеживал преступников.

— Но как случилось, что вы снова взялись за работу?

— Я и сам не знаю. Видите ли, министра иностранных дел я бы еще выдержал, но когда сам премьер-министр соблаговолил посетить мой смиренный кров... Дело в том, Уотсон, что этот джентльмен, лежащий на диване, — тот орешек, который оказался не по зубам нашей контрразведке. В своем роде это первоклассный специалист. У нас что-то все не ладилось, и никто не мог понять, в чем дело. Кое-кого подозревали, вылавливали агентов, но было ясно, что их тайно направляет какая-то сильная рука. Было совершенно необходимо ее обнаружить. На меня оказали сильное давление, настаивали, чтобы я занялся этим делом. Я потратил на него два года, Уотсон, и не могу сказать, что они не принесли мне приятного волнения. Сперва я отправился в Чикаго, прошел школу в тайном ирландском обществе в Буффало, причинил немало беспокойства констеблям в Скибберине²⁷ и в конце концов обратил на себя внимание одного из самых мелких агентов фон Борка, и тот рекомендовал меня своему шефу как подходящего человека. Как видите, работа проделана сложная. И вот я почтен доверием фон Борка, несмотря на то, что большинство его планов почему-то проваливалось и пятеро его лучших агентов угодили в тюрьму. Я следил за ними и снимал их, как только они созревали... Ну, сэр, надеюсь, вы чувствуете себя не так уж плохо?

Последнее замечание было адресовано самому фон Борку, который сперва долго ловил воздух ртом, задыхался и часто мигал, но теперь лежал неподвижно и слушал то, что рассказывал Холмс.

²⁵ Главное произведение (лат.)

²⁶ Шекспир, «Кориолан», акт V, сцена 6.

²⁷ Город на юге Ирландии.



Вдруг его лицо исказилось яростью, и тут полился целый поток немецких ругательств. Пока пленник бранился, Холмс продолжал быстро и деловито просматривать документы.

— Немецкий язык, хотя и лишенный музыкальности, самый выразительный из всех языков, — заметил Холмс, когда фон Борк умолк, очевидно, выдохшись. — Эге, кажется, еще одна птичка попадает в клетку! — воскликнул он, внимательно взглядевшись в кальку какого-то чертежа. — Я давно держу этого казначея на примете, но все же не думал, что он до такой степени негодяй. Мистер фон Борк, нам придется ответить за очень многое.

Пленник с трудом приподнялся и смотрел на своего врага со странной смесью изумления и ненависти.

— Я с вами сквитаюсь, Олтемонт, — проговорил он медленно, отчеканивая слова. — Пусть на это уйдет вся моя жизнь, но я с вами сквитаюсь.

— Милая старая песенка, — сказал Холмс. — Сколько раз слышал я ее в былые годы! Любимый мотив блаженной памяти профессора Мориарти. И полковник Себастьян Моран, как известно, тоже любил ее напевать. А я вот жив по сей день и развожу пчел в Суссексе.

— Будь ты проклят, дважды изменник! — крикнул немец, делая усилия освободиться от ремней и испепеляя Холмса ненавидящим взглядом.

— Нет-нет, дело обстоит не так ужасно, — улыбнулся Холмс. — Как вам доказывает моя речь, мистер Олтемонт из Чикаго — это, по существу, миф. Я использовал его, и он исчез.

— Тогда кто же вы?

— В общем, это несущественно, но если вы уж так интересуетесь, мистер фон Борк, могу сказать, что я не впервые встречаюсь с членами вашей семьи. В прошлом я распутал немало дел в Германии, и мое имя, возможно, вам небезызвестно.

— Хотел бы я его узнать, — сказал пруссак угрюмо.

— Это я способствовал тому, чтобы распался союз между Ирэн Адлер и покойным королем Богемии, когда ваш кузен Генрих был посланником. Это я спас графа фон Графенштейна, старшего брата вашей матери, когда ему грозила смерть от руки нигилиста Копмана. Это я...

Фон Борк привстал, изумленный.

— Есть только один человек, который...

— Именно, — сказал Холмс.

Фон Борк застонал и снова упал на диван.

— И почти вся информация шла от вас! — воскликнул он.

— Чего же она стоит? Что я наделал! Я уничтожен, моя карьера погибла без возврата!

— Материал у вас, конечно, не совсем надежный, — сказал Холмс. — Он требует проверки, но времени у вас на то мало. Ваш адмирал обнаружит, что новые пушки крупнее, а крейсера ходят, пожалуй, несколько быстрее, чем он ожидал.

В отчаянии фон Борк вцепился в собственное горло.

— В свое время обнаружится, несомненно, и еще много неточностей, — продолжал Холмс. — Но у вас есть одно качество, редкое среди немцев: вы спортсмен. Вы не будете на меня в претензии, когда поймете, что, одурачив столько народу, вы оказались наконец одурачены сами. Вы старались на благо своей страны, а я — на благо своей. Что может быть естественнее? И кроме того, — добавил он отнюдь не злобно и положив руку на плечо фон Борка, — все же лучше погибнуть от руки благородного врага. Бумаги все просмотрены, Уотсон. Если вы поможете мне поднять пленника, я думаю, нам следует тотчас же отправиться в Лондон.



Сдвинуть фон Борка с места оказалось нелегкой задачей. Отчаяние удвоило его силы. Наконец, ухватив немца с обеих сторон за локти, два друга медленно повели его по садовой дорожке — той самой, по которой он всего несколько часов назад шагал с такой горделивой уверенностью, выслушивая комплименты знаменитого дипломата. После непродолжительной борьбы фон Борка, все еще связанного по рукам и ногам, усадили на свободное сиденье маленького «форда». Его драгоценный чемодан втиснули рядом с ним.

— Надеюсь, вам удобно, насколько то позволяют обстоятельства? — сказал Холмс, когда все было готово. — Вы не сочтете за вольность, если я разожгу сигару и суну ее вам в рот?

Но все эти любезности были растрчены впустую на взбешенного немца.

— Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, мистер Холмс, что если ваше правительство одобрит ваши действия в отношении меня, это означает войну?

— А как насчет вашего правительства и его действий? — спросил Холмс, похлопывая по чемодану.

— Вы частное лицо. У вас нет ордера на мой арест. Все ваше поведение абсолютно противозаконно и возмутительно.

— Абсолютно, — согласился Холмс.

— Похищение германского подданного...

— И кража его личных бумаг.

— В общем, вам ясно, в каком вы положении, вы и ваш сообщник. Если я вздумаю позвать на

помощь, когда мы будем проезжать деревню...

— Дорогой сэр, если вы вздумаете сделать подобную глупость, вы, несомненно, нарушите однообразие вывесок наших гостиниц и трактиров, прибавив к ним еще одну: «Пруссак на веревке». Англичанин — создание терпеливое, но сейчас он несколько ощерился, и лучше не вводить его в искушение. Нет, мистер фон Борк, вы тихо и спокойно проследуете вместе с нами в Скотленд-Ярд, и оттуда, если желаете, посылайте за вашим другом бароном фон Херлингом: как знать, быть может, еще сохранено числящееся за вами место в личном составе посольства. Что касается вас, Уотсон, вы, насколько я понял, возвращаетесь на военную службу, так что Лондон будет вам по пути. Давайте постоим вон там на террасе — может, это последняя спокойная беседа, которой нам с вами суждено насладиться.

Несколько минут друзья беседовали, вспоминая минувшие дни, а их пленник тщетно старался высвободиться из держащих его пут. Когда они подошли к автомобилю, Холмс указал на залитое лунным светом море и задумчиво покачал головой.

— Скоро подует восточный ветер, Уотсон.

— Не думаю, Холмс. Очень тепло.

— Эх, старина Уотсон! В этом переменчивом веке вы один не меняетесь. Да, скоро поднимется такой восточный ветер, какой никогда еще не дул на Англию. Холодный, колючий ветер, Уотсон, и может, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но все же он будет ниспослан Богом, и когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее. Пускайте машину, Уотсон, пора ехать. У меня тут чек на пятьсот фунтов, нужно завтра предъявить его как можно раньше, а то еще, чего доброго, тот, кто мне его выдал, приостановит платеж.²⁸



²⁸ **His Last Bow**

First published in the Strand Magazine, Sept. 1917, with 3 illustrations by A. Gilbert, and in the Collier's Weekly Magazine, Sept. 1917, with 5 illustrations by Frederic Dorr Steele.